

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
УРАЛЬСКОГО
ИНСТИТУТА
УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 6 (67)
2020

ВЛАСТЬ и ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

О взаимосвязи обеспечения национальной безопасности и трансформации социально-политических процессов в научно-технологическом развитии России

ЭКОНОМИКА и УПРАВЛЕНИЕ

Экономический геокод старопромышленного региона: оценка предрасположенности к инновационному развитию

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Подростковая ненависть в рунете

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Виртуальный кластер как проект

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ и ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможности управления в рамках национального проекта «Демография»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
при ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2304-3369
eISSN 2308-8842

ВОПРОСЫ УПРАВЛЕНИЯ

MANAGEMENT ISSUES

№ 6 (67) 2020

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Чевтаева Наталья Геннадьевна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС

Балынская Наталья Ринатовна – Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова

Хайнс Джеффри – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Гаррисон Елена – Университет Монтаны (США)

Костина Наталья Борисовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Любовный Владимир Яковлевич – Всероссийская Академия внешней торговли (Москва, Россия)

Молчанов Игорь Николаевич – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Грей Патрик – Лондонский университет Метрополитен (Великобритания)

Ростовская Тамара Керимовна – Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (Москва, Россия)

Силин Яков Петрович – Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия)

Скаво Кармин – Восточно-каролинский университет (США)

Скоробагацкий Вячеслав Васильевич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

Багирова Анна Петровна – Уральский федеральный университет имени первого

Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Литвиненко Александр Николаевич – Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

Ли Минъюэ – Чжуннаньский университет экономики и права (КНР)

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ РЕДАКЦИИ:

Трушков Дмитрий Игоревич – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

ЗАВЕДУЮЩИЙ ОТДЕЛОМ ПЕРЕВОДА:

Юдина Оксана Леонидовна – Уральский институт управления – филиал РАНХиГС (Екатеринбург, Россия)

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF:

Natalia G. Chevtava – Ural Institute of Management – branch of RANEP (Ekatereburg, Russia)

Natalya R. Balynskaya – Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia)

Jeffrey Heinz – London Metropolitan University (Great Britain)

Helen Harrison – University of Montana (USA)

Natalia B. Kostina – Ural Institute of Management – branch of RANEP (Ekatereburg, Russia)

Vladimir Ya. Lyubovny – Russian Foreign Trade Academy (Moscow, Russia)

Igor N. Molchanov – Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Patric Grey – London Metropolitan University (Great Britain)

Tamara K. Rostovskaya – Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Yakov P. Silin – Ural State University of Economics (Ekatereburg, Russia)

Carmine Scavo – East Carolina University (USA)

Vyacheslav V. Skorobogatsky – Ural Institute of Management – branch of RANEP (Ekatereburg, Russia)

Anna P. Bagirova – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekatereburg, Russia)

Aleksandr N. Litvinenko – Saint Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia (Saint Petersburg, Russia)

Li Mingyue – Zhongnan University of Economics and Law (China)

TECHNICAL SECRETARY:

Dmitry I. Trushkov – Ural Institute of Management – branch of RANEP (Ekatereburg, Russia)

HEAD OF TRANSLATION DEPARTMENT:

Oksana L. Yudina – Ural Institute of Management – branch of RANEP (Ekatereburg, Russia)

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **08.00.05** – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки); **08.00.10** – Финансы, денежное обращение и кредит (экономические науки); **22.00.08** – Социология управления (социологические науки); **23.00.02** – Политические институты, процессы и технологии (политические науки).

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012.

Материалы журнала размещаются:

- на офиц. сайте: <http://journal-management.com/>
- на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (ID: 37595)
- в открытой библиотеке CyberLeninka.ru
- в ЭБС «Лань»
- в библиотеке «ЛитРес»
- Подписной индекс – 66020.

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА
eLIBRARY.RU

ЛитРес:

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific publications, where the basic scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. and Advanced Doctor of sciences should be published. Articles for publication are accepted on the following scientific specialties and their corresponding branches of science: **08.00.05** – Economy and management of the national economy (by industries and spheres of activity) (Economic Sciences); **08.00.10** – Finance, money circulation and credit (Economic Sciences); **22.00.08** – Sociology of management (Sociological Sciences); **23.00.02** – Political institutions, processes and technologies (Political Sciences).

The journal is registered as a mass medium by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Certificate of registration PI no. FS 77-49260 dated April 2, 2012.

Журнал индексируется:

© Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Пинчук А.Ю.

О взаимосвязи обеспечения национальной безопасности и трансформации социально-политических процессов в научно-технологическом развитии России

Лавренюк Н.М.

Социоконструктивное управление трендами стратегического развития муниципальных районов

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Мыслякова Ю.Г.

Экономический геокод старопромышленного региона: оценка предрасположенности к инновационному развитию

Молчанов И.Н., Молчанова Н.П.

Влияние цифровизации на управление финансами социально ориентированных некоммерческих организаций

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

**Коропец О.А., Мельникова А.С.,
Меньшикова М.С.**

Идентификация потенциальных зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков на сферу трудовых отношений

Шавровская М.Н., Пеша А.В.

Результаты исследования особенностей управления карьерой студентами

Красиков В.И.

Подростковая ненависть в рунете

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНИЗАЦИИ

Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Ковалев Е.А.
Виртуальный кластер как проект

Байдыбекова С.К.

Проблемы управления и пути совершенствования использования производственных ресурсов предприятий

CONTENTS

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

Pinchuk A.Yu.

On the relationship between the national security protection and the transformation of socio-political processes in the scientific and technological development of Russia

Lavrenyuk N.M.

Social constructive management of trends in the strategic development of municipalities

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Myslyakova Yu.G.

Economic geocode of the old industrial region: assessment of aptitude to innovative development

Molchanov I.N., Molchanova N.P.

The impact of digitalization on the financial management of socially oriented non-profit organizations

SOCIAL MANAGEMENT

**Koropets O.A., Melnikova A.S.,
Menshikova M.S.**

Identification of potential areas of impact of global economic and social risks on labor relations

Shavrovskaya M.N., Pesha A.V.

Research results of the features of the career management by students

Krasikov V.I.

Teenage hatred in Runet

CORPORATE MANAGEMENT

Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu., Kovalev E.A.
Virtual cluster as a project

Baydybekova S.K.

Management problems and ways to improve the use of production resources of enterprises

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

Антонова А.В.

Развитие методики оценки города по критериям «умного» города

Шубат О.М., Багирова А.П.

Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможности управления в рамках национального проекта «Демография»

Матушкина Н.А.

Пространственная модель инфраструктурного каркаса крупного промышленного города (на примере г. Екатеринбурга)

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

Antonova A.V.

Development of the city assessment technique by the criteria of a “smart” city

Shubat O.M., Bagirova A.P.

Duration of progenitorship in Russia: statistical assessments and management capabilities in the framework of the national project “Demography”

Matushkina N.A.

Spatial model of the infrastructure framework of a large industrial city (on the example of Ekaterinburg)

122

142

156

ВЛАСТЬ И ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POWER AND PUBLIC ADMINISTRATION

О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ РОССИИ

А.Ю. Пинчук^а

^аМосковский государственный технологический университет «СТАНКИН»

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена содержанию научно-технологического развития Российской Федерации с учетом факторной роли цифровой экономики и промышленного развития. Выявляется соотношение и взаимообусловленность научно-технологического развития, обеспечения национальной безопасности и трансформации социально-политических процессов.

Авторы фиксируют проблемные зоны, обозначенные в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, связанные с невосприимчивостью экономики к инновациям; отсутствием передачи знаний и технологий между оборонным и гражданским секторами экономики. Авторский анализ процесса реализации стратегии позволил выявить диспропорции во внедрении инноваций в различных сферах экономики.

Новизна исследования. Авторы предостерегают против упрощённой трактовки роли цифровых технологий: полноценная научно-технологическая эволюция через цифровые трансформации без развития реального сектора промышленного производства представляется иллюзорной. Зафиксирована проблема, связанная с тем, что из базовой промышленной основы идеология цифровой экономики сместилась в смежные сферы, в значительной мере понизив присутствие индустрии. Базой цифровой экономики в российских условиях почти исключительно оказались информационные технологии и финансовый сектор. Авторы приходят к выводу, что в Российской Федерации при продвижении идеологии цифровой экономики следует устранять крен в сторону непосредственно информационных цифровых технологий, комплексно развивая цифровые промышленные компетенции.

Представлен авторский подход к дискуссии о влиянии процессов цифровизации на процедуры осуществления народовластия и политической борьбы, на появление новых форм политической манипуляции. Переход значительной части процессов политического и социального взаимодействия в новые технологии, в первую очередь интернет, коренным образом меняет и формат угроз безопасности. Выявляются формы изменения социальных стандартов – трансформация политических процессов и политического взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цифровая экономика, научно-технологическое развитие, национальная безопасность, социально-политические процессы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Пинчук А.Ю. (2020). О взаимосвязи обеспечения национальной безопасности и трансформации социально-политических процессов в научно-технологическом развитии России // Вопросы управления. № 6. С. 6–14.

Современные ученые сходятся во мнении, что актуальные процессы и тенденции (глобализация, информатизация, технологизация, коммуникация и др.), обозначаемые как элементы социокультурной динамики, сегодня определяют развитие мировой цивилизации, каждого государства и народа, каждого отдельного человека, оказывая особое

влияние на молодое поколение, в том числе, определяя его человеческий капитал [1, с. 71; 2, с. 104]. Вполне очевидным представляется то, что главным механизмом реального, а не декларативного развития народного хозяйства и национальной экономики России является промышленная компонента, помноженная на постиндустриальные инструменты.

Но что тогда может обеспечить этот промышленный рост? Исключительно конкурентоспособность российского производства. При этом сложно выделить какие-либо устойчивые инструменты обеспечения этой конкурентоспособности помимо научно-технологического развития производственного сектора. В мире немало стран, где в условиях технотронного общества сфера услуг замещает реальное производство. Но в их перечне нет ни одной с геополитическими амбициями, огромностью России и сопутствующим набором внешних и внутренних угроз. Поэтому иллюзия возможности полноценной эволюции через некие цифровые трансформации без развития реального сектора, который якобы каким-то образом получит «посттолчок», представляется абсолютно утопичной.

Российская Федерация зафиксировала свое представление о цели и основных задачах научно-технологического развития в Стратегии научно-технологического развития, утвержденной соответствующим Указом Президента России от 1 декабря 2016 года № 642 [3].

Следует отметить, что в настоящее время в общем контексте научно-технологического развития ключевым системообразующим элементом презентуются изменения на основе массовой разработки и внедрения цифровых технологий. В этой связи трансформация современного глобального общества в целом и российского в частности позиционируется под неким общим флагом цифровизации.

В риторику вошли термины цифровой глобализации, цифровой трансформации, а в государственные концептуальные и нормативно-правовые акты в качестве доктрин и решений введены понятия цифровой промышленности, цифровой экономики.

В российских условиях мы столкнулись с тем, что из базовой промышленной основы идеология цифровой экономики сместилась в смежные сферы, в значительной мере понизив присутствие индустрии. Базой цифровой экономики в российских условиях почти исключительно оказались информационные технологии и финансовый сектор. Блокчейн, «биг-дата» (англ. *big-data*), искусственный интеллект, криптовалюты заменили немецкий изначальный промышленный подход.

Так, целью нацпроекта «Цифровая экономика» [4] заявлено увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями. Очевидно, что акценты ИТ-сферы расставлены достаточно однозначно.

Более того, паспорт нацпрограммы, разработанный Минкомсвязи России во исполнение Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [5], включает в себя шесть федеральных проектов: «Нормативное регулирование цифровой среды», «Информационная инфраструктура», «Кадры для цифровой экономики», «Информационная безопасность», «Цифровые технологии» и «Цифровое государственное управление». Как мы видим, информационные технологии и их регулирование являются основным содержанием нацпроекта.

Однако следует отметить, что финансовые и информационные технологии вне реального сектора промышленного производства представляют собой лишь сопутствующие, условно «транзакционные» процессы без полноценного ядра. Конечно, современный мир в сфере реализации цифровых подходов движется в сторону комплексных решений, стандартов и моделей, однако следует отметить неполноценность текущей российской ситуации. В теории сектор цифровой промышленности учтен, однако реальные практические усилия государства по развитию цифровой экономики фактически его игнорируют.

Важно также определять, каким образом планы по научно-технологическому развитию государства соотносятся с угрозами национальной безопасности, так как любой процесс развития формирует новые угрозы и риски, при этом являясь и определенной формой реакции на вызовы.

Так, действующая Стратегия национальной безопасности России¹ [6], определяет, что конкуренция между государствами все в большей степени охватывает ценности и модели общественного развития, человеческий, научный и технологический потенциалы (п. 13). Несомненно, речь идет, в первую очередь, о конкуренции во внедрении и продвижении технологий и последствия этого. При этом Стратегия фиксирует представления государства в сфере обеспечения национальной безопасности применительно к науке и технологиям.

В этой связи определены стратегические цели технологической эволюции – развитие системы научных, проектных и научно-технологических организаций, способной обеспечить модернизацию национальной экономики, реализацию конкурентных преимуществ Российской Федерации, оборону страны, государственную и общественную безопасность, а также формирование научно-технических заделов на перспективу (раздел 4, п. 67).

Негативным же фактором названо отставание в развитии высоких технологий (п. 68). Указанное представление прямо соотносится со Стратегией научно-технологического развития, в которой отмечается: «...сохраняется проблема невосприимчивости экономики и общества к инновациям, что препятствует практическому применению результатов исследований и разработок... Практически отсутствует передача знаний и технологий между оборонным и гражданским секторами экономики... эффективность российских исследовательских организаций существенно ниже, чем в странах-лидерах... слабое взаимодействие сектора исследований и разработок с реальным сектором экономики... государственные инвестиции в человеческий капитал фактически обеспечивают рост конкурентоспособности других экономик... сохраняется несогласованность приоритетов и инструментов поддержки научно-технологического развития Российской Федерации на национальном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях, что не позволяет сформировать

производственные цепочки создания добавленной стоимости высокотехнологичной продукции и услуг, обеспечить наибольший мультипликативный эффект от использования создаваемых технологий...

В условиях значительных ограничений других возможностей развития Российской Федерации указанные риски и угрозы становятся существенным барьером, препятствующим долгосрочному росту благосостояния общества и укреплению суверенитета России» (п. 10).

Отдельный интерес представляет п. 69 указанной Стратегии. Утверждая, что одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в области науки, технологий и образования является повышение уровня технологической безопасности, в том числе в информационной сфере, указанное положение подтверждает тезис о серьезном уклоне, сделанном в настоящее время от промышленного развития в сторону информационных технологий.

Важно отметить еще одно пересечение представлений государства в сфере обеспечения национальной безопасности и научно-технологического развития. В п. 70 Стратегии определены инструменты решения задач национальной безопасности России. В числе прочего выделяется и развитие перспективных высоких технологий. Здесь же предлагается и перечень этих технологий (генная инженерия, робототехника, биологические, информационные и коммуникационные, когнитивные технологии, нанотехнологии, природоподобные конвергентные технологии).

Следует учитывать также и то, что проблемы цифровой трансформации и технологического рывка оказывают решающее воздействие на то, каким образом формируется так называемый «образ будущего Российской Федерации».

Очевидно, что социальные взаимосвязи, а за ними и социальная модель самого общества коренным образом изменяются под влиянием внедрений технологий, что на определенном

¹Является базовым документом стратегического планирования, формулирующим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу.

этапе меняет и социальные стандарты. Связано это и с социально-психологическими изменениями личности, возникающими вследствие широкого внедрения новых технологий. Например, массированное появление в жизни человека искусственного интеллекта формирует принципиально новые вопросы. Как отмечают специалисты, «поскольку ИИ – это всегда алгоритмические решения с долей вероятности ошибок, способных в итоге дискриминировать интересы различных референтных групп населения (этнических, гендерных, возрастных), встает проблема этической пригодности этих решений. Если нет четкого алгоритма выбора нравственных шагов, захочет ли человек знать то, что может предсказать ИИ: свой медицинский диагноз, совместимость в браке, выбор профессии?» [7].

Конечно же эти социальные изменения влекут за собой очевидные политические последствия. Трансформируется и система взаимоотношений власти и государства.

Уже сейчас мы наблюдаем то, каким образом формы политического взаимодействия и политической борьбы прямо зависят от технологических решений. Интернет стал одним из основных коммуникационных и мобилизующих факторов. Митинги на улице практически всегда предваряются социальными сетевыми группами, а последующий вывод людей на улицы так же осуществляется с помощью сетевых коммуникаций. В этом смысле, например, так называемые цветные революции устойчиво опираются на технологии использования интернета как мобилизующего, стимулирующего и координирующего центра.

Также меняется и формат политического ландшафта. Появились первые политические интернет-протопартии. К тому же формат политического присутствия в интернете стал одним из основных инструментов реального политического участия общества в жизни государства. Да и само государство все более взаимодействует с обществом с помощью цифровых платформ, уменьшая или вообще устраняя прямые физические контакты чиновников и общества.

Это происходит как в сфере социальной коммуникации при реализации государственных услуг (многофункциональные центры,

сайты госуслуг и т. п.), так и в сфере политического взаимодействия. Использование сетевых платформ для проведения политических акций, в том числе выборов, становится новой реальностью. Технологии, которые меняют формат взаимосвязей, влияют и на их субъекты.

С другой стороны, переход значительной части процессов политического и социального взаимодействия в новые технологии, и в первую очередь в интернет, коренным образом меняет и формат угроз безопасности. Потому что угрозами повреждения телекоммуникационных систем, влияния на выборы через специальные программы, влияние на результаты голосования или их срывы, на общественное сознание через распространение дезинформации или дозированной информации – это те угрозы, которые возможны только при наличии определенного уровня технологического развития.

С точки зрения практической составляющей в информационной среде уже сейчас сформирован набор угроз, противодействие которым является жизненно важной задачей государства. Можно согласиться с тем, что к ним, например, относятся:

1. Кибертерроризм и кибершпионаж.
2. Угрозы со стороны внутренних преступных сообществ и антигосударственных сил.
3. Угрозы, связанные с получением доступа к массивам информации, ее противоправным использованием.
4. Уход от налогообложения, незаконный вывоз капитала, легализация преступно полученных доходов и финансирование терроризма с использованием новых технологий электронных платежей.
5. Осуществление незаконной предпринимательской деятельности посредством использования сети «Интернет».
6. Информатизация систем управления остается наиболее коррупциогенной сферой [8, 9].

Таким образом, на сегодняшний день нет единого подхода и мнения относительно того, в какой степени допустима цифровизация системы государственного управления и процедур осуществления народовластия (процедур политического участия) [10, с. 34]. На фоне

проблем, связанных с определением соотношения безопасности и развития в условиях нового технологического уклада и перехода от привычных для XX века стереотипов взаимодействия власти общества, государства, международных структур и конкретных личностей, обостряется проблема, которую принято называть идеологической.

Стереотипом и формальным объяснением значительного количества сложностей современного российского общества в условиях научно-технологических вызовов стало принято называть отсутствие некоей объединяющей политической идеологии. Однако данное утверждение представляется надуманным, потому что привычное для человека XX века мнение об идеологии как преимущественной основы деятельности политических партий, формализованных общественных организаций и движений с точки зрения истории человечества является крайне краткосрочным, потому что не соответствует не то что стандартам человечества в целом, но и сравнительно недавним историческим периодам.

Модели влияния политических партий на власть, как и сам формат их возникновения, явились следствием конкретных изменений начала XX века, и по истечении определённого этапа, чему мы и являемся свидетелями, неизбежно должны уйти или коренным образом измениться. Поэтому следует указать, что мы живем совершенно не в то время, которое принято называть неким общим кризисом наличия политических идеологий. Совсем нет.

Считаем возможным отметить это представление ошибочным. Мы наблюдаем неизбежную трансформацию подходов к политическим идеологиям. Это новые формы политического участия и стандартов, ставшие следствием научно-технологической трансформации и общественных процессов. Речь может идти, скорее, о сложных процессах отдельного российского общества.

Более того, нахождение в статусе объекта, а не субъекта идеологического продуцирования и мейнстрима для России не является уникальной ситуацией. Христианство, коммунизм и прочие духовные и политические платформы возникли и развивались за пределами русской цивилизации, и лишь на опреде-

лённом этапе оказались имплементированы со всеми российскими особенностями. Вот сейчас у коллективного Запада и в Азии мы видим зарождение и развитие новых идеологических стандартов и подходов (ультрагуманизм со своей перманентной борьбой за права меньшинств; «неоконы»; «цифровое» квазитоталитарное азиатское общество, успешно продвигаемые глобальные платформы; политизация борьбы за окружающую среду с формированием идеологии *sustainable fashion* и т. п.), что в свою очередь провоцирует противодействие традиционных политических моделей политического взаимодействия.

Особенностью этих идеологических стандартов, коренным образом отличающих их от XX века, считаем правильным отметить и то, что на фоне беспрецедентной открытости информационных потоков, декларируемой транспарентности глобального общества мы наблюдаем крайне закрытые технологические приемы и группы в качестве субъектов их выработки и продвижения. В этом смысле мы имеем яркий диссонанс соотношения общественной открытости и политической элитарной закрытости.

Продуцирование политической идеологии ушло от стандартов XX века, при которых оно публично формировалось конкретными идеологами и реализовывалась в определенных формах политической борьбы. Сейчас оно переросло в новые формы политической манипуляции. Которая как раз и базируется на новых технологиях, технических решениях. Между этими решениями и политическими технологиями присутствуют новые социальные взаимоотношения. В этой связи мы получаем модель: «научно-технологические изменения — массированные изменения социальных стандартов — трансформация политических процессов и политического взаимодействия».

При этом крайне важно понимать, какой новый социальный и политический стандарт нового человека формирует научно-технологическое развитие. Именно эту проблему как приоритетную для научно-технологического развития России определяет Стратегия НТР своим приоритетом: «возможность эффективного ответа российского общества на боль-

шие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук».

Существуют полярные точки зрения на эту проблему. Одна из них говорит о том, что личностные качества человека становятся принципиально новыми, а современное поколение – это поколение, находящееся в большом отрыве от предыдущих социальных стандартов.

Другая точка зрения состоит в том, что технологии рассматриваются всего лишь в качестве инструмента. В этой парадигме человечество в своем развитии неоднократно проходило технологические рывки, технологические уклады не раз менялись (минимум трижды), а динамика человеческого развития непрерывна. Но никогда речь не шла о появлении некоего нового человечества, и в этом смысле мы наблюдаем обычный этап эволюции, который диктует новые формы и контуры общественно-социальной реальности, но ни в коем случае не предлагает новую модель человека и человечества.

Видится, что истина посередине. В том смысле, что, конечно же, изменения научно-технологических стандартов и технологий приводят к серьезным социальным изменениям. Эти социальные изменения формируют риски и угрозы. И с другой стороны, эти технологии, конечно же, не говорят о том, что человечество коренным образом изменилось, но о существенном изменении речь несомненно идет. При этом характер изменений таков, что в новых условиях они объединяют научно-технологический, социальный и политический сегменты. Реализация возможностей цифровой экономики, прежде всего со сферой производства, а также с образованием и медициной, предопределяет потенциал выхода России в число лидеров мирового развития [11, с. 37].

В связи с процессами глобализации, развивающейся на волне технологического развития, возникают вопросы к содержанию таких понятий, как патриотизм, непосредственно любовь к родине, государственная идентификация. При разрушении информа-

ционных технологических границ между государствами, формировании единых стандартов взаимодействия, не привязанных к национальным стандартам, традициям и обычаям, на чем основывается патриотизм, возникает вопрос обоснования национально-государственной самоидентификации. По мнению А. М. Егорычева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской, «процесс [глобализации] не должен приводить к разрушению социокультурного многообразия мировой цивилизации, которое выступает геном человечества для устойчивого саморазвития» [12].

Только лишь историческая память в этом контексте, очевидно, недостаточная платформа, так как отсылка к прошлому важна тогда, когда эта историческая память реализовывается в некой преемственности. Остается выяснить, в чем состоит эта преемственность на фоне тех технологических процессов и общественных изменений, о которых мы говорим. Является ли любовь к Родине очевидным фактом государственной идентификации? Важной задачей представляется формулирование стандартов, признаков и критериев этой идентификации. В таком случае будет понятна точка отсчета и развития, необходимые инструменты и критерии.

По итогам можно сделать следующие предварительные, требующие дальнейших исследований, выводы:

1. Российской Федерации при продвижении идеологии цифровой экономики следует устранять крен в сторону непосредственно информационных цифровых технологий, комплексно развивая цифровые промышленные компетенции.

2. Научно-технологическое развитие России является формой реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности, требует консолидации с обеспечением национальной безопасности и комплексного нормативно-правового регулирования. Пока эти процессы носят разнонаправленный характер.

3. Трансформация научно-технологического уклада (новая промышленная революция) влечет за собой изменение социальных стандартов личности, форм и моделей политического взаимодействия. Эти изменения требуют изучения и выявления характерных черт и

признаков, с последующим учетом в формировании государственной политики и общественных стандартов.

4. Комплексный характер научно-технологических изменений и их влияние на социально-политические процессы в современных условиях объединяют научно-технологи-

ческий, социальный и политический общественные сегменты, реализуя взаимосвязанный алгоритм: «научно-технологические изменения — массивованные изменения социальных стандартов — трансформация политических процессов и политического взаимодействия».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мерзликин Н.В., Ростовская Т.К. (2018). Неопределенность и риски российской реальности: запрос на перемены // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 23. С. 71–79.

2. Ростовская Т.К., Князькова Е.А. (2017). Формирование социальной безопасности молодежи в контексте развития человеческого капитала // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. Т. 21. С. 104–109.

3. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (дата обращения: 01.12.2020).

4. Паспорт национального проекта «Национальная программа „Цифровая экономика Российской Федерации“» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения: 01.12.2020).

5. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (дата обращения: 01.12.2020).

6. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (дата обращения: 01.12.2020).

7. Стырин Е. Этика эпохи онлайн: как научить искусственный интеллект этическим нормам // Информационный Портал «Будущее Рос-

сии. Национальные проекты». URL: <https://futurerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/etika-epochi-onlajna-kak-naucit-iskusstvennyj-intellekt-eticeskim-normam> (дата обращения: 01.09.2020).

8. Харичкин И.К. (2018). Проблемы обеспечения национальной безопасности в условиях становления цифровой экономики России // Научно-практический электронный журнал «Аллея Науки». № 6 (22). URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/99June2018/PROBLEMY%20OBESPECHENIYa%20NACIONALNOY%20BEZOPASNOSTI%20V%20USLOVIYaH%20STANOVLENIYa%20CIFROVOY%20ECONOMIKI%20V%20ROSSII.pdf (дата обращения: 01.09.2020).

9. Введение в «Цифровую» экономику / А. В. Кешелава, В. Г. Буданов, В. Ю. Румянцев и др. ; под общ. ред. А. В. Кешелава ; гл. «цифр.» конс. И. А. Зимненко. ВНИИГеосистем, 2017. 28 с.

10. Гаджиев Х.А. (2019). Цифровизация общества – проблема или новые возможности для власти? // Декабрьские социально-политические чтения «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва: результаты и резервы / под ред. С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М. : Перспектива. 298 с. URL: <https://itdperspectiva.page.link/ispirandec2019>.

11. Стратегия прорыва и цифровая реальность России. Социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2019 году: коллективная монография // под ред. Г. В. Осипова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова, Т. К. Ростовской. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2019. 786 с.

12. Егорычев А.М., Левашов В.К., Ростовская Т.К. (2018). Социально-политические глобальные и российские эволюции: диалектика и векторы развития. Вопросы управления. № 3 (52). С. 7–14.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Пинчук Андрей Юрьевич – доктор политических наук; Московский государственный технологический университет «СТАНКИН» (127994, Россия, Москва, Вадковский пер., 1); pakt77@mail.ru.

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NATIONAL SECURITY PROTECTION AND THE TRANSFORMATION OF SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN THE SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

A.Yu. Pinchuk^a

^aMoscow State Technological University "STANKIN"

ABSTRACT:

The article is devoted to the content of scientific and technological development of the Russian Federation, taking into account the factor role of the digital economy and industrial development. The correlation and interdependence of scientific and technological development, national security protection and transformation of socio-political processes are revealed.

The authors identify the problem areas highlighted in the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation, related to the economy's insensitivity to innovations; the lack of knowledge and technology transfer between the defense and civil sectors of the economy. The authors' analysis of the strategy implementation process revealed disproportions in the implementation of innovations in various sectors of the economy.

Novelty of the research. The authors warn against a simplified interpretation of the role of digital technologies: full-fledged scientific and technological evolution through digital transformations without the development of the real sector of industrial production is illusory. There is a problem related to the fact that the ideology of the digital economy has shifted from the basic industrial basis to related areas, significantly reducing the presence of the industry. Information technologies and the financial sector have exclusively become the basis of the digital economy in Russia. The authors come to the conclusion that it is necessary to eliminate the bias towards directly digital information technologies, comprehensively developing digital industrial competencies, when promoting the ideology of the digital economy in the Russian Federation.

The author's approach to the discussion of the impact of digitalization processes on the implementation of democracy and political struggle, and the emergence of new forms of political manipulation is presented. The transition of a significant part of the processes of political and social interaction to new technologies, primarily the Internet, radically changes the format of security threats. The author reveals the forms of changing social standards – transformation of political processes and political interaction.

KEYWORDS: digital economy, scientific and technological development, national security, social and political processes.

FOR CITATION: Pinchuk A.Yu. (2020). On the relationship between the national security protection and the transformation of socio-political processes in the scientific and technological development of Russia, *Management Issues*, no. 6, pp. 6–14.

REFERENCES

1. Merzlikin N.V., Rostovskaya T.K. (2018). Uncertainty and Risks of Russian Reality: A Demand for Change, *Irkutsk State University Bulletin. Series: Political Science. Religious studies*, vol. 23, pp. 71–79.
2. Rostovskaya T.K., Knyazkova E.A. (2017). Formation of social security of youth in the context of human capital development, *Izvestia of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious studies*, vol. 21, pp. 104–109.
3. On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation No. 642 dated 01.12.2016. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207967/ (accessed 01.12.2020).
4. Passport of the national project "National Program 'Digital Economy of the Russian Federation'" (approved by the Presidium of the Council under

the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, protocol no. 7 dated June 4, 2019). ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (accessed 01.12.2020).

5. On national goals and strategic objectives of the development of the Russian Federation for the period up to 2024. Decree of the President of the Russian Federation no. 204 dated May 7, 2018. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297432/ (accessed 01.12.2020).

6. On the national security strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 683 dated December 31, 2015. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/ (accessed 01.12.2020).

7. Styryn E. Ethics of the online era: how to teach artificial intelligence to ethical standards. Information Portal “The Future of Russia. National projects”. URL: <https://futerussia.gov.ru/nacionalnye-proekty/etika-epohi-onlajna-kak-naucit-iskusstvennyj-intellekt-eticeskim-normam> (accessed 01.09.2020).

8. Kharichkin I.K. (2018). Problems of ensuring national security in the conditions of the formation of the digital economy of Russia, *Scientific and practical electronic journal “Alley of Science”*, no. 6 (22).

URL: https://alley-science.ru/domains_data/files/99June2018/PROBLEMY%20OBESPECHENIYA%20NACIONALNOY%20BEZOPASNOSTI%20V%20USLOVIYAH%20STANOVLENIYA%20CIFROVOY%20EKONOMIKI%20V%20ROSSII.pdf (accessed 01.09.2020).

9. Keshelava A.V., Budanov V.G., Rummyantsev V.Yu., Keshelava A.V. (ed.), et al. (2017). Introduction to the “digital” economy. VNIIGeosystem. 28 p.

10. Gadzhiev Kh.A. (2019). Digitalization of society – a problem or new opportunities for power? December socio-political readings “How are you, Russia?” In: Ryazantsev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. (eds.) The Russian social state and civil society in the implementation of the breakthrough strategy: results and reserves. Moscow, Perspektiva, 298 p. URL: <https://itdperspektiva.page.link/ispirandec2019>.

11. Osipov G.V., Ryazantsev S.V., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. (eds.) (2019). Breakthrough strategy and digital reality in Russia. Socio-political situation and demographic situation in 2019. Moscow, PTH “PERSPECTIVE”, 786 p.

12. Egorychev A.M., Levashov V.K., Rostovskaya T.K. (2018). Socio-political global and Russian evolution: dialectics and development vectors, *Management issues*, no. 3 (52), pp. 7–14.

AUTHORS' INFORMATION:

Andrey Yu. Pinchuk – Advanced Doctor in Political Sciences; Moscow State Technological University “STANKIN” (1, Vadkovsky Lane, Moscow, 127994, Russia); pakt77@mail.ru.

СОЦИОКОНСТРУКТИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ТРЕНДАМИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ

Н.М. Лавренюк^{1a,b}

^aБашкирский государственный университет

^bИнститут стратегических исследований Республики Башкортостан

АННОТАЦИЯ:

Актуальность обусловлена процессами дистанцирования и усугубления социального неравенства в российском пространстве, а также противоречием между формализацией стратегического развития муниципальных образований и степенью вовлечения в него местных сообществ. В статье дается оценка видению жителей, которые участвовали в форсайтах, трендов развития муниципальных образований.

Конкретная **научная задача** направлена на поиск технологии социоконструктивного управления, которая способна разрешить указанное противоречие на основе определенных трендов, для нормализации и оптимизации развития муниципальных образований.

Методологическая база представлена систематизацией материалов такта «Тренды» в серии форсайтов в модификации технологии Foresight Rapid 4.0 с применением концептуальной матрицы социоконструктивного управления и подкреплением выводов обобщенным анализом данных социологических исследований.

Новизна результатов: 1) выделены виды социального управления, а именно социоконструктивное и социодеструктивное, со своими предметными полями; 2) типологизированы тренды по модулям, которые позволили обобщить видение развития изнутри 22 муниципальных районов в 2018 году; 3) предложена технология работы с трендами в рамках разработки проектов стратегий развития муниципальных образований.

Выводы: 1) участники форсайтов определили, что ключевой вызов развитию – потеря высококвалифицированных кадров из-за миграции в высокоурбанизированные центры; 2) ключевое преимущество в конкуренции за качественные человеческие ресурсы заключается в сохранении этнокультурной идентичности, в развитии землячества и социального активизма; 3) ключевое условие успеха кроется в разрешении противоречий в сфере труда и занятости между созданием рабочих мест низкой квалификации и запросом на рабочие места с высокой квалификацией, между коллективными формами труда и самозанятостью, между возможностями фриланса и неразвитыми компетенциями. Эти обстоятельства нашли отражение в стратегиях социально-экономического развития муниципальных районов до 2030 года. Однако владельцы процесса – местные органы власти – работают на вклад в достижение целевых показателей, которые определены в стратегии региона. Участие местных сообществ в большинстве случаев остается в рамках проведенных форсайтов.

Перспективы изучения очерчены кругом вызовов для системы стратегического управления в целом: выявление, идентификация и мониторинг трендов деструктивного характера; поиск технологий перевода из латентного в явный тренд; поиск инструментов перевода из деструктивного в конструктивное состояние по принципу минимакса.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья выполнена по теме НИР в рамках выполнения Госзадания «Территориальные особенности социально-демографических процессов в Республике Башкортостан».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: социоконструктивное управление, тренды, стратегическое развитие, форсайт, муниципальное образование, местные сообщества.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лавренюк Н.М. (2020). Социоконструктивное управление трендами стратегического развития муниципальных районов // Вопросы управления. № 6. С. 15–27.

¹ORCID: 0000-0002-4843-4161

Постановка проблемы и ее связь с важными научными и практическими заданиями

Анализ последних исследований и публикаций по теме статьи показал высокий интерес специалистов к стратегическому развитию муниципальных образований разного статуса. Актуальные вопросы развития муниципальных образований при поддержке РФФИ исследуют Е. М. Бухвальд и Н. В. Ворошилов [1], К. С. Афанасьев [2]. Ю. Н. Лапыгин и А. А. Балахина разрабатывают инструменты построения совокупности целей стратегического развития муниципальных образований [3]. Т. С. Романишина анализирует условия формирования муниципальных программ территориальных изменений. В числе актуальных тенденций развития территориальных систем – «усилении роли системы качественного управления в создании равнодинамических территорий с признаками устойчивого развития с учетом зависимости от классической теории цикличности развития социально-экономических процессов территории» [4, 5].

Исследование трендов и вопросов конструирования реальности в социальном управлении связаны с переходом к конструированию социального мира с помощью технологий управления в контексте анализа знания, характерного для повседневной жизни со свойственной ему типизацией [6]. Социологический подход к управлению трендами заключен в упреждающем воздействии через целеполагание и целедостижение извне и изнутри социальной системы.

Традиционные формы отношений между органами власти и управления и населением включают теперь новые формы обратной связи как в рамках внутригрупповых взаимодействий и позиционирования, так и в режиме разработки стратегий. Это требует модификации социального контроля [7]. «Только при условии организации социальной обратной связи, где главным фигурантом становятся население и заинтересованные группы, результаты управления будут социально приемлемыми, а управление – действительно „умным“» [8, с. 80]. Каналы, инструменты и способы их применения для получения адекватной обратной связи различны. В нашем случае это стратегические форсайт-сессии.

Эффективность и институционализацию стратегического планирования и управления развитием исследуют С. Н. Большаков [9], С. А. Маковкина [10]. Я. Ю. Старцев изучает роль социальных технологий в развитии с точки зрения органов государственной власти [11]. К. Р. Селезнев занимается выявлением наиболее актуальных трендов в области управления проектами и возможность их применения на практике [12]. Процессы и тренды явного и латентного деструктивного содержания в мире, России и в регионах исследуют В. В. Лунеев [13], С. В. Егорышев [14, 15] и др. Мейнстрим деструкции в том, что «основные тренды изменений социальных неравенств в современном обществе, включая российское, состоят в механизмах включения различных социальных групп в решение значимых для них проблем экономики, власти, собственности и культуры» [16, с. 15]. В условиях неравенства, уровень которого, по выводам Н. И. Лапина, В. А. Ильина, М. В. Морева, экстраемальный, основная опасность для консолидации российского общества кроется в росте влияния узкого слоя самых богатых граждан на социально-экономическую политику страны и ее регионов и отчуждения остальных граждан от влияния на эту политику [17].

«Системным признаком муниципальной реальности как особого слоя реальности является присутствие политического содержания в ожиданиях и действиях местных деятелей, их оппонентов и той среды их взаимодействий, которая выступает как единственный, признаваемый таковым и со стороны государства, и со стороны бизнеса, и со стороны граждански организуемого сообщества, источник власти и властвования на поддающемся организации локальном уровне.» [18, с. 42] В трендах реализованных форсайтов прослеживается запрос на развитие инструментов муниципальной экономической, социальной, пространственной и культурной политики.

В качестве нерешенных ранее частей общей проблемы обозначим анализ содержания трендов и выявление технологических решений инклюзии местных сообществ в стратегическое развитие муниципальных районов. Из чего следует цель – выделить новые виды социального управления по критерию созидания и

(или) разрушения: социоконструктивное и социодеструктивное в пассивном и активном состояниях, – а также определить возможности и ограничения форсайта в стратегическом конструировании развития муниципальных образований на основе анализа трендов и ценностных ориентиров местных сообществ.

Смена парадигм социального управления с классической «субъект – объект» на неоклассическую «субъект – субъект» и постнеоклассическую «субъект – полисубъектная среда» [19] преобразует традиционные виды управления в обществе и порождает новые. Актуален запрос на ориентацию управленческой деятельности не просто на упреждение, а на совместную выработку стратегических перспектив коллективными субъектами, ориентируясь на «выявления скрытых закономерностей» и построения «социального барометра» [20]. Местные сообщества как социальные общности представляют совокупности людей с разными социальными статусами, интересами, опытом, определяющими социальные позиции. «Одновременно местное сообщество выступает и действует как целостное образование, как коллективный социальный субъект и создает социальный институт – институт местного самоуправления» [21, с. 172]. Цель создания в парадигме социального конструктивизма – выявление путей, с помощью которых индивидуумы и группы принимают участие в конструировании воспринимаемой ими реальности². В фокусе пути создания людьми социальных феноменов, которые институционализируются и формализуются через установление «интеллектуальных автоматизмов» [22]. В статье такими феноменами выступают тренды, которые определены как нарастающие запросы жителей муниципальных районов на решение конкретных задач.

П. А. Сорокин обосновал положение о социальном пространстве как о геометрическом пространстве, а П. Бурдьё применил топологический подход к его анализу. Суть социального пространства раскрывается через объективно существующие социальные связи разных групп субъектов. Специфическими системами связей в объективном социальном про-

Таблица 1 – Типы процессов социального взаимодействия

Table 1 – Types of social interaction processes

Вектор	Сила	
	активная	пассивная
Конструктивный	Активно-конструктивный	Пассивно-конструктивный
Деструктивный	Активно-деструктивный	Пассивно-деструктивный

странстве выступают различные социальные «поля» между разными позициями членов общества. Структурированные пространства таких позиций – «поле экономики», «поле религии», «поле политики» [6]. По такому принципу на форсайт-сессиях были выделены модули: «Человеческий капитал», «Экономический капитал», «Пространственное развитие», «Муниципальное управление и финансы».

Активность и пассивность, деструктивность и конструктивность – структурно-универсальные императивы построения отношений с окружением, которые в содержательном плане зависят от конкретных условий жизнедеятельности социальной единицы. Данное утверждение вытекает из «положения о видовом единстве людей» У. Джеймса об одновременном определенном сходстве каждого человека со всеми людьми и уникальности каждого. Векторы континуума (конструктивный и деструктивный) и сила (активная и пассивная) образуют в совокупности объект социального управления (табл. 1) с четырьмя предметными пространствами [23].

Соответственно выделим два вида социального управления – социоконструктивное и социодеструктивное в активном и пассивном состоянии. Активно-деструктивному деятельному пространству соответствует разрушение сложившихся и препятствие созданию новых ценных порядков. Пассивно-деструктивное пространство характеризуется бездействием и зависимостью от внешних обстоятельств, что обусловлено вариантами внутри установленных в социальной единице норм и ориентацией на патерналистскую позицию. Пассивно-конструктивному пространству соответствует позиция «молчаливого согласия» и избирательная продуктивность. Активно-конструктивное пространство характеризует-

²См.: <https://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=929> (дата обращения: 04.10.2020)

ся эффективной адаптацией, деятельное пространство содержательно означает создание новых порядков и активную поддержку ценностей в сложившихся [23].

Ни один из типов позиционных пространств взаимодействия не гарантирует стабильность и безопасность жизнедеятельности коллективному субъекту. Результаты взаимодействий могут приводить как к управляемому развитию, так и к росту неопределенности отношений в социальной единице, к потере управляемости локальной жизненной среды. Пространство содержит промежуточные и перекрестные варианты управляемости-неуправляемости, однако для интенсивного и стратегического развития социальных систем разного порядка более значим вид социального конструктивного управления с определенным созидательным содержанием. Ценностный смысл содержания конкретизируется жизненными представлениями о мире и о возможностях его преобразования социальными субъектами. Чем богаче этот ценностный смысл, тем сильнее источник энергии, проявляемой в активности управления и самоуправления. В связи с изложенным, допустимо определить социоконструктивное управление как целевую трансформацию и создание социальных систем созидания ценностей. Такие системы зависят от позиций, занимаемых агентами и согласованности их действий в стратегическом видении развития социальных пространств муниципальных образований.

Управление развитием муниципальных районов в регионах России регламентируется региональными стратегиями социально-экономического развития на период до 2030 года [24] на основе федерального закона от 28.06.2014 № Ф3-172 «О стратегическом планировании в РФ». Определены основные методические рекомендации регионов для планирования развития муниципальных районов и городских округов³. Однако управление развитием муниципальных районов связано как

с общими трендами, так и со специальными, уникальными. Наблюдается серьезный дисбаланс в стартовых ресурсах развития. Актуальны вопросы о видении и готовности местных сообществ и администраций к саморазвитию в текущих условиях. Ответы были получены в результате серии форсайтов.

Форсайт как открытое обсуждение членами экспертных команд совместных целей и способов их достижения для адаптации к ожидаемым изменениям внутренних и внешних условий [25] был реализован при участии автора по технологии Foresight Rapid 4.0 по версии Агентства стратегических инициатив. Он позволил достичь репрезентативных результатов в условиях дефицита времени⁴. Материалом для анализа стали «карты будущего» такта «Тренды». Согласно реализованной в 2018 г. в 22 муниципальных районах Республики Башкортостан серии форсайтов, все тренды сгруппированы в модули: «Человеческий капитал», «Экономический капитал», «Пространственный капитал», «Муниципальное управление и финансы». В каждом модуле выделены позитивные и негативные тренды с определением количественных изменений, а также общие, специальные и уникальные. Определены взаимоисключающие тренды, а также вызванные внутренними и внешними источниками. В итоге сформировано видение представителей местных сообществ изнутри на происходящие процессы в четырех направлениях развития. На площадках стратегических сессий автор статьи выступила в роли спикера, реализовала экспертное включенное наблюдение работы 22 рабочих групп, модерировала два форсайта с участниками из Балтачевского и Илишевского муниципальных районов, систематизировала результаты.

Форсайты проведены в августе 2018 г. в 5 муниципальных районных центрах, которые стали площадками для групп районов, объединенных по территориальному признаку: центр, юг, север, запад и восток. Для анали-

³См.: Методические рекомендации по разработке стратегий социально-экономического развития муниципальных районов (городских округов) Республики Башкортостан // URL: <https://sterlibash.bashkortostan.ru/documents/active/149254/>; Об утверждении методических рекомендаций по осуществлению стратегического планирования социально-экономического развития на уровне муниципальных образований (городских округов) Республики Татарстан : Приказ Министерства экономики Республики Татарстан от 18.12.2015 № 534 // URL: https://mert.tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_424162.pdf.

⁴Методология Rapid Foresight 4.0. М. : Агентство стратегических инициатив. 2017. С. 4.

Таблица 2 – Матрица трендов по кластерам развития муниципальных районов

Table 2 – Matrix of trends by clusters of development of municipal districts

№	Кластеры трендов
<i>Модуль 1 «Человеческий капитал»</i>	
1.1	Демография (рождаемость, смертность, брачность, миграция)
1.2	Здравоохранение
1.3	Образование
1.4	Социализация
1.5	Цифровизация
1.6	Культура
1.7	Труд, занятость и доходы
<i>Модуль 2 «Экономический капитал»</i>	
2.1	Реальный сектор экономики
2.2	Туризм и санаторно-курортный отдых
<i>Модуль 3 «Пространственное развитие»</i>	
3.1	Организация
3.2	Связанность
3.3	Экология
<i>Модуль 4 «Муниципальное управление и финансы»</i>	
4.1	Муниципальное управление
4.2	Муниципальные финансы

за автору стали доступны первичные данные 13 из 22 форсайтов (59 %), в которых приняло участие 196 местных экспертов. Средняя наполняемость групп – 15 человек из числа представителей административной, экономической, общественной видов деятельности. Они выделили более 300 трендов, с которыми была проведена работа в несколько тактов.

Такт 1. После устранения повторов полученная информация была обобщена и использована в стратегиях муниципальных районов⁵. Выделенные участниками форсайтов тренды сгруппированы в матрицу (табл. 2).

Такт 2. Обобщенные тренды развития муниципальных районов систематизированы и представлены в модулях.

Модуль 1 «Человеческий капитал»

1.1. Демография: потеря демографических преимуществ из-за снижения численности и «качества» человеческого капитала из-за оттока молодежи.

1.2. Здравоохранение: снижение качества здоровья населения и рост заботы о нем в виде самосохранительных практик молодежи и пожилых при разрушительном поведении

населения среднего возраста (алкоголизация, смерти по неосторожности, от несчастных случаев) на фоне дефицита врачей и среднего медицинского персонала.

1.3. Образование: в муниципальных районах есть не только отрицательные результаты реформирования системы образования, но и положительные эффекты от реализации одноименного национального проекта.

1.4. Социализация: поляризация местных жителей на успешных адаптантов с хорошим социальным капиталом и развитием компетенций добровольчества, участия в ТОС и Программе поддержки местных инициатив, и дезадаптантов, подверженных десоциализации, в т. ч. рост семей в статусе социального неблагополучия и социально-опасного положения. Рост разрыва между активностью лидеров общественного мнения и пассивностью остальных, ухудшение имиджа «сельский житель». На повестке – исчезновение сельской интеллигенции.

1.5. Цифровизация: информационные технологии и процессы глобализации пронизывают всю жизненную среду, формируют новую культуру отношений и форматы цифрового неравенства.

1.6. Культура: ускорение развития этнической идентичности, рост интереса к событиям этнокультурного содержания, что увеличивает частоту мероприятий, направленных на укрепление национальных традиций, и влечет к развитию культуры поведения на массовых мероприятиях. Одновременно снижается нравственное здоровье сельской молодежи и других возрастных групп из-за утраты культурных ценностей, обычаев, этно-языковых компетенций. Выделен тренд исламизации части населения, включая нетрадиционные направления.

1.7. Труд, занятость и доходы: в сельской местности остро стоит вопрос создания рабочих мест высокой квалификации и запрос на развитие культуры самозанятости. В отношении формирования доходов: хотят мало работать и много получать; наблюдается сокращение доходов от налогообложения. Растет

⁵Стратегии социально-экономического развития муниципальных районов Республики Башкортостан: Альшеевского, Архангельского, Баймакского, Бакалинского и др. (А. Р. Абзелилова, Э. Н. Багаев, Д. А. Барабанова, А. Д. Бикмаева, Ю. К. Акчулпанов, Л. В. Болотова ; под общ. ред. А. В. Янгирова. Уфа: Аэтерна, 2019.)

безработица в социальной и культурной сферах на селе.

Модуль 2 «Экономический капитал»

2.1. Реальный сектор экономики: расширение набора видов экономической деятельности при усилении монополии в доходных ВЭД; истощение сырьевой базы при росте производства сырья; вытеснение малого бизнеса корпорациями при росте ЛПХ из-за доступности земли; рост диспаритета цен в сельском хозяйстве.

2.2. Туризм и санаторно-курортный отдых: снижение конкурентоспособности санаторно-курортного отдыха при росте событийного туризма и притоке «диких», самоорганизованных туристов.

Модуль 3 «Пространственное развитие»

3.1. Организация: одновременные процессы урбанизации (исчезновение малых деревень и рост реального укрупнения муниципальных районов) и дезурбанизации (рост малоэтажного строительства в I и II зонах агломераций). Рост благоустроенности и организации общественных пространств в одних населенных пунктах и неблагоустроенности в других. Рост разрыва между запросом в безопасной организации пространств и ее обеспеченностью (высокая пожароопасность в селах).

3.2. Связанность: обезлюдение и исчезновение малых деревень при увеличении автомобилей и нагрузки на дороги. Отсутствие инженерных сетей в одних районах, избыток энергосистем – в других. Цифровое покрытие пространств. Рост кадастровой стоимости участков и спроса на землю, особенно в рекреационно-привлекательных местах.

3.3. Экология: рост загрязнения окружающей среды из-за повышения негативной нагрузки на экологию с изменением климата и высыханием рек Зауралья.

Модуль 4 «Муниципальное управление и финансы»

4.1. Муниципальное управление: высокая динамика изменений в законодательстве и административные трансформации в связи с укрупнением территориальных органов управления. Падение престижа муниципального служащего, рост дефицита средств, выделяемых на повышение квалификации муниципальных служащих и недовольства муниципальным управлением из-за неэффективного использования сырьевой базы в районах.

ципальных служащих и недовольства муниципальным управлением из-за неэффективного использования сырьевой базы в районах.

4.2. Муниципальные финансы: оптимизация бюджетной сферы, снижение инвестиций, финансирования программ поддержки молодых специалистов, уменьшение финансирования на содержание бюджетных учреждений и непропорциональный рост между расходами и доходами местного бюджета при увеличении налоговых и неналоговых доходов в отдельных образованиях.

Такт 3. Выделены часто дублируемые на разных площадках тренды:

1) в одних муниципальных районах наблюдается рост числа жителей, участвующих в общественной жизни, в других – снижение количества инициативных людей;

2) с одной стороны, наблюдается повышение благосостояния части населения, рост размера среднемесячной заработной платы, а с другой – рост безработицы и падение доходов населения, снижение платежеспособного спроса и ухудшение условий жизни;

3) в отдельных районах увеличивается число индивидуальных предпринимателей, а в других исчезает предпринимательское сообщество из-за оттока самых перспективных жителей.

Такт 4. В зависимости от позиции участников форсайтов в особую группу собраны неоднозначные тренды. Наибольшее их число в модуле «Человеческий капитал»:

1) рост вахтовой миграции и концентрация населения в районных центрах;

2) рост числа частных клиник, что положительно сказывается на качестве медицинских услуг при их недоступности для малоимущих групп населения;

3) сокращение малокомплектных школ: с одной стороны, это лишает детей в малых поселениях доступа к образованию, с другой – качество обучения в них невысокое, а содержание – экономически нецелесообразное;

4) увеличение числа пользователей социальных сетей среди жителей в районе, рост связанности коммуникаций, открытие доступа к услугам и товарам; снятие рисков одиночества, а также социальная дезориентация

в т. ч. из-за давления и манипулирования, которым подвергаются отдельные пользователи;

5) распространение технологий искусственного интеллекта с одновременным снижением возможностей внедрения новых информационных технологий из-за неразвитости компетенций и опасений оказаться ненужными на рынке труда;

6) изменение отношения молодежи к домам культуры и увеличение мест неорганизованного отдыха и досуга при сокращении мест организованного в условиях низкой обеспеченности культурными объектами и кадрами.

Общий вывод: диспаритет выявленных трендов развития в условиях растущего социального, экономического, культурного, цифрового неравенства. Этот диспаритет – признак «мятущейся цивилизации» с испытаниями всеилия и бессилия власти, личной воли и безволия, веры и безверия, могущества и слабости организаций, подвижности социального неравенства [16, с. 101].

Выводы о трендах, согласуются с общими выводами Е. М. Бухвальда и Н. В. Ворошилова [1] о неравномерности и разных условиях развития муниципальных образований; об усилении концентрации хозяйственной деятельности в городах и агломерациях; о существенной дифференциации по уровню и качеству жизни внутри одного региона, о слабой финансово-экономической самостоятельности; о том, что на устойчивости трендов сказываются проблемы функционирования местного самоуправления, включая дефицит высоко квалифицированных кадров в органах местной власти. Во-вторых, диспаритет позитивных и негативных трендов очерчивает круг

вопросов для поиска решений социоконструктивного содержания и подтверждает актуальность выделенных видов социального управления.

Концепция социоконструктивного управления (табл. 3) основана на трансформации решения о последовательном переводе трендов из активно-деструктивного состояния в пассивное, из пассивно-деструктивного – в пассивно-конструктивное, а из него – в активное социоконструктивное управление. Основным инструментом – стратегические проекты с инновационным ценным зарядом.

Таблица 3 – Матрица алгоритма решений социоконструктивного управления

Table 3 – Algorithm matrix for decisions of socio-constructive management

Вектор	Сила	
	активная	пассивная
Конструктивный (позитивной направленности)	4 Активно-конструктивный	3 Пассивно-конструктивный
Деструктивный (негативной направленности)	1 Активно-деструктивный	2 Пассивно-деструктивный

Для такой трансформации трендов необходимо отталкиваться от общепризнанных ценностей через вывод решений в пространство активно-конструктивных преобразований, усиление мотивации и эффективности управления стратегическими процессами создания ценностей. Опыт социологических исследований, реализованных по моделям региональных выборочных совокупностей⁶, показал, что более 75 % опрошенных ценят родной край за красивую природу, что отразилось и в миссиях районов, определенных участника-

⁶В 2012 г. задавался вопрос «Что именно для Вас ценно в регионе проживания?» (опрос проведен ИСППИ РБ методом анкетирования по месту жительства, выборка $N = 1000$ респондентов про программе «Социокультурная эволюция регионов России» (руководитель – Н. И. Лапин).

⁷Дизайн исследований: 1) «Разработка Стратегии социально-экономического развития Республики Башкортостан»: Министерство экономического развития Республики Башкортостан, Институт социально-политических и правовых исследований АН Республики Башкортостан. Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объём выборки – 6300 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–октябрь 2015 г.; 2) «Проблемы социально-демографического и социально-экономического развития Республики Башкортостан» – ГАНУ «Институт стратегических исследований РБ». Объект исследования – население РБ в возрасте от 18 до 75 лет. Выборка районированная по социально-экономическим зонам РБ, стратифицированная, с квотированием на этапе отбора в домохозяйстве по полу и возрасту. Объём выборки – 1000 человек. Метод исследования – самозаполнение бланка социологического опроса (анкеты). Сроки проведения полевых работ: июль–август 2019 г.

ми форсайтов. Исследования ГАНУ ИСИ РБ 2015 и 2019 годов показали⁷, что в ценностно-нормативной сфере среди населения республики преобладают коллективистские ориентации. Ценности индивидуализма и свободы свойственны в большей мере молодежи и жителям столицы и других больших городов. С одной стороны, это указывает на ресурсы сохранения социальной стабильности и хороший социальный капитал, а с другой – на преобладание пассивного типа адаптации, что может стать препятствием для формирования новых моделей инновационного поведения, связанных с лидерством в развитии. Ценностные установки и ориентации определяют темпы и характер демографических естественных и миграционных процессов, а высокий уровень дифференциации городов и районов региона по уровню социально-экономического развития является ограничением для применения единой методологии стратегического развития, определенной нормативно-правовыми документами в РФ.

Выводы исследования и перспективы дальнейшего изучения социоконструктивного управления трендами стратегического развития муниципальных районов, сделанные по итогам форсайтов в Республике Башкортостан, в определенном смысле можно транслировать на пространство России. Во-первых, потому что в Башкортостане проживает более ста национальностей. Во-вторых, в выборку вошли 22 муниципальных района в числе которых районы в зоне влияния столичной агломерации, с районным центром – городом, с центром – ПГТ; остальные – с районными центрами селами, что репрезентирует основные виды муниципальных районов в стране. В-третьих, географически зонально представлен весь регион. Следует заметить, что север и северо-восток республики традиционно населяют преимущественно башкиры. Республика Башкортостан, благодаря своему геополитическому положению выполняет важную связующую, а может выполнять и интегрирующую роль во взаимодействии политноса России. В-четвертых, тренды модулей «Человеческий капитал» и «Экономический капитал» в сравнении с модулями «Пространственный капитал» и «Муниципальное управление и финансы»

стали самыми обсуждаемыми. Во всех группах было выделено и обсуждено наибольшее количество трендов в этих направлениях с явным перевесом негативных, что актуально в целом для российского общества в условиях конкуренции за качественный человеческий и экономический капиталы. Представители местных сообществ четко понимают ключевой вызов развитию – потерю высоко квалифицированных человеческих ресурсов вследствие миграционного оттока в высоко урбанизированные центры региона и России. Осознают, что ключевое преимущество – сохранение этно-культурной идентичности и развитие землячества, социального активизма, а ключевое условие – разрешение противоречий в сфере труда и занятости между созданием рабочих мест высокой квалификации и сокращением с низкой, между коллективными формами труда и samozанятостью, что приводит к увеличению разрыва между богатыми и бедными.

В целом, апробация технологии *Rapid Foresight* с участием представителей муниципальных районов целевой группы, в которых шла разработка проектов стратегий социально-экономического развития на перспективу до 2030 года, позволила сформировать общее видение трендов, определить согласованный «образ будущего» с дифференцированным горизонтом на кратко-, средне- и долгосрочную перспективы.

Серьезный вызов для местных сообществ и администраций – управление на основе имеющихся компетенций и мотивации, т. к. контроль за исполнением стратегических документов ведется региональной администрацией на основе каскадированных в муниципальные образования значений целевых показателей стратегии социально-экономического развития региона. Поэтому актуальными для дальнейшего изучения станут вопросы, на какие из трендов можно повлиять изнутри и как; как оптимально развивать социоконструктивные возможности управления и компетенции местного сообщества; какие технологии движения от проблем к норме, к оптимуму, к идеалу по модулям процессов и трендов наиболее эффективны. Серьезный вызов для системы стратегического управления в целом – выявление, идентификация и мониторинг трендов

деструктивного характера, поиск технологий перевода из латентного в явный и инструментов перевода из деструктивного в конструктивное состояние.

Практическое значение полученных результатов в стратегическом развитии муниципальных районов можно отразить в технологии социоконструктивного управления работы с трендами для сохранения и создания ценностей заинтересованных в развитии муниципальных образований. Технология включает: 1) группировку и идентификацию выделенных трендов по модулям; 2) систематизацию трендов; 3) обобщение и распределение трендов внутри рамок; 4) определение неоднозначных и противоречивых; 5) поиск решений и инструментов социоконструктивного управления в группах сопутствующих трен-

дов; 5) аудит ожидаемых результатов на соответствие общеразделяемым ценностям интеграторов: стейкхолдеров и бенефициаров.

Результаты каждого такта алгоритма: 1) группировка трендов по содержательным модулям; 2) матрица трендов социоконструктивного управления; 3) выводы о масштабах, глубине и перспективах трендов в 4 полях матрицы социоконструктивного управления; 4) рабочие инструменты перевода трендов из состояния 1 – «Активно-деструктивного» в состояние 2, 3 и 4 – «Активно-конструктивное».

В перспективе – анализ и разработка технологии работы с трендами «извне» явного и латентного характера, как социодеструктивного, так и социоконструктивного содержания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бухвальд Е.М., Ворошилов Н.В. (2018). Проблемы развития муниципальных образований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 11, № 1. С. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9.
2. Афанасьев К.С. (2016). Проблемы оптимизации системы стратегического планирования на муниципальном уровне // Экономика нового мира. № 3. С. 69–86.
3. Лапыгин Ю.Н., Балахина А.А. (2017). Стратегические цели муниципального развития // Вопросы управления. № 2 (45). С. 74–80. URL: <http://journal-management.com/issue/2017/02/09>.
4. Романишина Т.С. (2017). Факторы, условия и тенденции развития социально-экономических систем муниципальных образований // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. № 4 (67). С. 159–166.
5. Романишина Т.С. (2017). Опыт развития социально-экономических систем муниципальных образований Московской области // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. № 2 (39). С. 81–85.
6. Гостенина В.И. (2015). Социальные тренды управления в условиях современной российской реальности // Динамика социальной реальности: российские и зарубежные тренды / А. О. Васильченко, С. П. Вертай, Э. Д. Коркия ; под ред. В. И. Гостениной. Брянск. С. 6–34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25366983_32510659.pdf.
7. Назаренко С.В. (2017). Современный тренд социального контроля и управления: теоретическая интерпретация // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. № 1. С. 16–34.
8. Тихонов А.В., Богданов В.С. (2020). От «умного регулирования» к «умному управлению»: социальная проблема цифровизации обратных связей // Социологические исследования. Т. 46. № 1. С. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.
9. Большаков С.Н. (2019). Повышение эффективности государственного и муниципального управления на основе мониторинга стратегий социально-экономического развития // Вопросы управления. № 2 (57). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/02/10>.
10. Маковкина С.А. (2018). Формирование института стратегического планирования в Российской Федерации: региональный аспект // Вопросы управления. № 6 (55). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/06/08>.
11. Старцев Я.Ю. (2018). Социальные технологии как непризнанный фактор развития // Вопросы управления. № 6 (55). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/06/26>.
12. Селезнев К.Р. (2019). Главные тренды современного управления проектами в 2019 году //

Вопросы управления. № 5 (60). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/05/09>.

13. Лунеев В.В. (2005). Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М. URL: <http://books.google.com/>.

14. Егорышев С.В. (2015). Основы определения социальной эффективности правоохранительной деятельности // Вестник ВЭГУ. № 2 (76). С. 27–33.

15. Егорышев С.В. (2018). Правоохранительные органы Республики Башкортостан в противодействии криминальной девиации // Вестник ВЭГУ. № 6 (98). С. 48–57.

16. Козловский В.В., Браславский Р.Г. (2018). Цивилизационные тренды социальных неравенств в современных обществах // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 16. Отв. ред. М. К. Горшков. М. : Новый Хронограф. С. 80–103. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2018/25_Ejagod_2018-25.06_Kozlovsky.pdf. DOI: 10.19181/ezheg.2018.4/

17. Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 1) // Социологические исследования. Т. 46. № 1. С. 4–17. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2020/1/Lapin.pdf>. DOI: 10.31857/S013216250008378-8.

18. Баранец С.Н. (2019). Конструирование социально-политической среды местного развития: возможности и ограничения региональной власти // Управленческое консультирование. № 12. С. 33–45. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-33-45.

19. Лепский В.Е. (2015). Эволюция представ-

лений об управлении (методологический и философский анализ). М. : «Когито-Центр». 107 с.

20. Зацаринный А.А., Ильин Н.И., Колин К.К., Лепский В.Е., Малинецкий Г.Г., Новиков Д.А., Райков А.Н., Сильвестров С.Н., Славин Б.Б. (2017). Ситуационные центры развития в полисубъектной среде // Проблемы управления. № 5. С. 31–42. URL: <http://www.mathnet.ru/links/3ff63cda4a91b84aed90534c409ed3a3/pu1046.pdf>.

21. Демчук Н.В. (2016). Концептуальный подход к анализу местных сообществ как разновидности социокультурного поля // Власть. Т. 24. № 7. С. 171–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-podhod-k-analizu-mestnyh-soobshchestv-kak-raznovidnosti-sotsiokulturnogo-polya/viewer>.

22. Кирсанов К.А. (2003). Формализация решения творческих задач экономики интеллектуального труда : Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук. Москва. 56 с.

23. Орлова Э.А. (2014). Концепция социального взаимодействия в контексте изучения социокультурной микродинамики // Обсерватория культуры. № 6. С. 4–16.

24. Марданов Р. [и др.] (2018). Стратегия социально-экономического развития Республики Башкортостан до 2030 года / Правительство Республики Башкортостан. Уфа. 158 с.

25. Нестик Т. (2018). Психологические аспекты корпоративного форсайта // ФОРСАЙТ. Т. 12. № 2. С. 78–90. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.78.90.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лавренюк Наталья Михайловна – кандидат социологических наук, доцент; Башкирский государственный университет (450076, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32); Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (450008, Россия, Респ. Башкортостан, Уфа, ул. Кирова, 15); nmlavr@yandex.ru.

SOCIAL CONSTRUCTIVE MANAGEMENT OF TRENDS IN THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF MUNICIPALITIES

N.M. Lavrenyuk^{8a,b}

^aBashkir State University

^bInstitute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan

ABSTRACT:

The topicality of the study is substantiated due to the processes of distancing and aggravating social inequality in the Russian context, as well as the contradiction between the formalization of the strategic development of municipalities and the degree of involvement of local communities in it. The article assesses the vision of residents who participated in foresights, trends in the development of municipalities.

A specific scientific task is aimed at finding a socio-constructive management technology that can resolve this contradiction through certain trends, to standardize and optimize the development of municipalities.

The methodological base is presented by systematization of the materials of the “Trends” tact in a series of Foresight Rapid 4.0 technology modification using the conceptual matrix of social constructive management and supporting the conclusions by the conclusion of a generalized analysis of sociological research data.

The novelty of the results: 1) the types of social control, namely social constructive and social destructive with their subject fields determined; 2) trends for the modules that allowed to generalize the vision of development from within the 22 municipal districts in 2018 are classified; 3) the work methods with the trends within the projects development of municipalities strategy elaboration are introduced.

Conclusions: 1) the foresight participants determined that the key challenge to development is the loss of highly qualified personnel due to migration to highly urbanized centers; 2) the key advantage in competition for high-quality human resources is the preservation of ethno-cultural identity, the development of community and social activism; 3) the key to success lies in resolving the contradictions in the field of labor and employment between the creation of low-skilled jobs and the demand for high-skilled jobs, between collective forms of work and self-employment, between freelance opportunities and undeveloped competencies. These circumstances are reflected in the strategies of socio-economic development of municipal districts until 2030. However, the owners of the process – local authorities – focus towards the contribution to the achievement of the targets that are defined in the region’s strategy. In most cases, the participation of local communities remains within the framework of foresights.

Perspectives for the study are stipulated by challenges for the strategic management system as a whole: the detection, identification and monitoring of destructive trends; search of technology tools to transfer from a latent to an explicit trend; search of tools to transfer from a destructive to a constructive condition using the minimax principle.

FUNDING: The article is performed as an R&D topic within the framework of the State assignment “Spatial features of socio-demographic processes in the Republic of Bashkortostan”.

KEYWORDS: social structural management, trends, strategic development, foresight, municipal entity, municipal communities.

FOR CITATION: Lavrenyuk N.M. (2020). Social constructive management of trends in the strategic development of municipalities, *Management Issues*, no. 6, pp. 15–27.

⁸ORCID: 0000-0002-4843-4161

REFERENCES

1. Bukhvald E.M., Voroshilov N.V. (2018). Problems of development of municipalities, *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, vol. 11, no. 1, pp. 132–147. DOI: 10.15838/esc/2018.1.55.9.
2. Afanasyev K.S. (2016). Problems of optimization of the strategic planning system at the municipal level, *Economy of the new world*, no. 3, pp. 69–86.
3. Lapygin Yu.N., Balakhina A.A. (2017). Strategic objectives of municipal development, *Management issues*, no. 2 (45), pp. 74–80. URL: <http://journal-management.com/issue/2017/02/09>.
4. Romanishina T.S. (2017). Factors, conditions and trends in the development of socio-economic systems of municipalities, *Bulletin of the East Siberian State University of Technology and Management*, no. 4 (67), pp. 159–166.
5. Romanishina T.S. (2017). Experience in the development of socio-economic systems of municipalities in the Moscow region, *Business. Education. Law. Bulletin of the Volgograd Institute of Business*, no. 2 (39), pp. 81–85.
6. Gostenina V.I. (2015). Social trends of management in the conditions of modern Russian reality. In: Vasilchenko A.O., Vertai S.P., Korkia E.D., Gostenina V.I. (ed.). Dynamics of social reality: Russian and foreign trends. Bryansk, pp. 6–34. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_25366983_32510659.pdf.
7. Nazarenko S.V. (2017). Modern trend of social control and management: theoretical interpretation, *Scientific review. Series 2: Humanities*, no. 1, pp. 16–34.
8. Tikhonov A.V., Bogdanov V.S. (2020). From “smart regulation” to “smart management”: the social problem of digitalization of feedbacks, *Sociological Research*, vol. 46, no. 1, pp. 74–81. DOI: 10.31857/S013216250008325-0.
9. Bolshakov S.N. (2019). Improving the efficiency of state and municipal management on the basis of monitoring strategies for socio-economic development, *Management Issues*, no. 2 (57). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/02/10>.
10. Makovkina S.A. (2018). Trends of formation of a strategic planning system in the Russian federation: regional aspect, *Management Issues*, no. 6 (55). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/06/08>.
11. Startsev Ya.Yu. (2018). Social processing techniques as an unacknowledged development factor, *Management issues*, no. 6 (55). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/06/26>.
12. Seleznev K.R. (2019). Main trends of modern project management in 2019, *Management issues*, no. 5 (60). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/05/09>.
13. Luneev V.V. (2005). Crime of the XX century: global, regional and Russian trends. Moscow. URL: <http://books.google.com/>.
14. Egoryshev S.V. (2015). Fundamentals of determining the social efficiency of law enforcement, *Bulletin of VESU*, no. 2 (76), pp. 27–33.
15. Egoryshev S.V. (2018). Law enforcement bodies of the Republic of Bashkortostan in counteracting criminal deviation, *Bulletin of VESU*, no. 6 (98), pp. 48–57.
16. Kozlovsky V.V., Braslavsky R.G. (2018). Civilizational Trends of Social Inequalities in Modern Societies, *Reforming Russia: Yearbook*, Issue 16. Resp. ed. M. K. Gorshkov. Moscow, New Chronograph, pp. 80–103. URL: https://www.isras.ru/files/File/ezhegodnik/2018/25_Ejagod_2018-25.06_Kozlovsky.pdf. DOI: 10.19181/ezheg.2018.4/.
17. Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. (2020). Extreme inequalities and the welfare state (part 1), *Sociological research*, vol. 46, no. 1, pp. 4–17. URL: <http://socis.isras.ru/files/File/2020/1/Lapin.pdf>. DOI: 10.31857/S013216250008378-8.
18. Baranets S.N. (2019). Constructing the Socio-Political Environment of Local Development: Opportunities and Limitations of Regional Power, *Management Consulting*, no. 12, pp. 33–45. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-12-33-45.
19. Lepskiy V.E. (2015). Evolution of ideas about management (methodological and philosophical analysis). Moscow, “Kogito-Center”, 107 p.
20. Zatsarinny A.A., Ilyin N.I., Kolin K.K., Lepsky V.E., Malinetskiy G.G., Novikov D.A., Raikov A.N., Silvestrov S.N., Slavin B.B. (2017). Situational development centers in a polysubject environment, *Management problems*, no. 5, pp. 31–42. URL: <http://www.mathnet.ru/links/3ff63cda4a91b84aed90534c409ed3a3/pu1046.pdf>.
21. Demchuk N.V. (2016). Conceptual approach to the analysis of local communities as a kind of socio-cultural field, *Power*, vol. 24, no. 7, pp. 171–177. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnyy-podhod-k-analizu-mestnyh-soobschestv-kak-raznovidnosti-sotsiokulturnogo-polya/viewer>.
22. Kirsanov K.A. (2003) Formalization of the solution of creative problems in the economics of intellectual labor. Abstract of Ph. D. thesis. Moscow. 56 p.
23. Orlova E.A. (2014). The concept of so-

cial interaction in the context of studying socio-cultural microdynamics, *Observatory of Culture*, no. 6, pp. 4–16.

24. Mardanov R., et al. (2018). Strategy of socio-economic development of the Republic of Bashkor-

tostan until 2030 / Government of the Republic of Bashkortostan. Ufa, 158 p.

25. Nestik T. (2018). Psychological aspects of corporate foresight, *FORSIGHT*, vol. 12, no. 2, pp. 78–90. DOI: 10.17323/2500-2597.2018.2.78.90.

AUTHORS' INFORMATION:

Natalya M. Lavrenyuk – Ph.D. of Sociological Sciences, Associate Professor; Bashkir State University (32, Zaki Validi St., Ufa, Bashkortostan, 450076, Russia); Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (15, Kirov St., Ufa, Bashkortostan, 450008, Russia); nmlavr@yandex.ru.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

ECONOMICS AND MANAGEMENT

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ГЕОКОД СТАРОПРОМЫШЛЕННОГО РЕГИОНА: ОЦЕНКА ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К ИННОВАЦИОННОМУ РАЗВИТИЮ

Ю.Г. Мыслякова^{1а}

«Уральский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

Статья посвящена решению устоявшихся проблем старопромышленного региона на основе применения генетического подхода, в рамках которого исследуется геокод территории, представляющий собой систему ее наследственных записей, обуславливающую ее хозяйственную специфику и предрасположенность к различным эндогенным процессам. **Целью** статьи является доказательство научной гипотезы, что экономический геокод старопромышленного региона иллюстрирует не только его низкую инновационную активность, но и слабую предрасположенность к инновационному развитию, тормозящую индустриальное обновление территории.

Для доказательства гипотезы необходимо было решить следующие **задачи**: выявить хозяйственную идентичность функционирования старопромышленных регионов, обуславливающую специфику их геокода; разработать метод оценки предрасположенности старопромышленного региона к инновационному развитию с позиции экономического геокода территории; апробировать методические рекомендации в целях выявления направления трансформации инновационной составляющей экономического геокода старопромышленного региона.

Основу исследования составляет авторский матричный метод выявления предрасположенности старопромышленной территории к инновационному развитию, использующий оценочные индикаторы, отражающие востребованность, качество и активность научной и инновационной деятельности вузов, выступающих в рамках данной работы базовыми генераторами новаторских идей и прикладных технических разработок для промышленных предприятий региона. Апробация авторского метода и доказательство научной гипотезы проводились в разрезе Свердловской, Тюменской и Челябинской областей уральского региона.

Предположение, что старопромышленный регион имеет низкую предрасположенность к инновационному развитию оказалось верным. Также установлено, что наибольшей склонностью к инновационному развитию обладает Свердловская область, хотя ее значение не является высоким на межрегиональном уровне сравнений. Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что геокод рассматриваемого старопромышленного региона содержит значения оценочных индикаторов, уступающие аналогичным показателям центральных территорий Российской Федерации, что актуализирует необходимость совершенствования организации научной и изобретательской деятельности ведущих вузов на рассматриваемых территориях в контексте трансформации их экономического геокода.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00802 «Моделирование базового кода индустриального развития экономики региона с учетом его генетического профиля».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: старопромышленный регион, геокод, предрасположенность, инновационное развитие, инновационная активность, научно-инновационная деятельность, базовые вузы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Мыслякова Ю.Г. (2020). Экономический геокод старопромышленного региона: оценка предрасположенности к инновационному развитию // Вопросы управления. № 6. С. 29–39.

¹ AuthorID РИНЦ: 603559, ResearcherID: B-6076-2018

Введение

Интерес к старопромышленным регионам обусловлен их существенным вкладом в экономику страны, а также длительной историей зарождения промышленного производства, которое появилось в XVIII веке в результате наличия на территориях определенных природных ресурсов, затем активно развивалось в XX столетии, во многом определяя появление «экономического чуда», и сохранило свое функционирование в настоящее время. Такая производственная эволюция наталкивает на мысль, что у старопромышленного региона есть свой экономический геокод, представляющий собой систему наследственных записей, обуславливающую устоявшуюся специализацию и предрасположенность территории к различным эндогенным процессам. Например, в работах Е. Анимиды, яркого представителя уральской школы региональной экономики, можно найти идеи о том, что экономический геокод старопромышленных регионов обусловлен появившимися центроориентированными трендами в развитии хозяйственной деятельности, связанными с зарождением и укреплением экономико-технологического взаимодействия в основном между металлургическими и металлообрабатывающими предприятиями, способствующими формированию экономической целостности территории и складыванию его как системы с относительно простой структурой хозяйства [1].

В качестве примера такого взаимодействия можно привести промышленную специфику уральского региона, в котором основное производство чугуна было сосредоточено на заводах Гороблагодатского, Екатеринбургского и Златоустовского округов, и оно обеспечивало Камско-Воткинский железоделательный, Пермские пушечные, Ижевские оружейные и др. заводы; вся медь с Мотовилихинского медеплавильного завода поставлялась на Екатеринбургский монетный двор. Это привело к тому, что к началу XIX века заводы уральского региона давали около 80 % общего объема российского чугуна и примерно 95 % национальной меди, параллельно превращаясь в крупнейшую кузницу оружия.

Также присутствуют и другие мнения ученых о присутствии и характерных особенно-

стях экономического геокода старопромышленных регионов. Например, в свое время П. Богословский отмечал, что в них произошло зарождение «горнозаводской цивилизации», представляющей собой «специфическую систему расселения городов-заводов, в которой всё взаимосвязано: умение сделать дело с древними языческими требами, нравы народа с глухотой лесов и неприступностью гор, выплавка чугуна с количеством снега в узких скалистых долинах и т. д.» [2].

Другой знаток уральского края, Д. Мамин-Сибиряк, под горнозаводской цивилизацией понимал настоящее государство в государстве, экономика которого «прочно спаяна с едиными природными циклами, прошита дорогами и намертво сцеплена реками, главной из которых являлась Чусовая» [3]. А многолетняя мощь уральской промышленности позволила Д. Менделееву укрепить веру в будущее Российской державы, так как он четко видел связь между состоянием экономики государства и энергией, знаниями... топливом и железом, выступающими устойчивыми факторами развития производственной системы [4]. Поэтому ученый видел необходимость в развитии всех «родов» промышленности (фабричных и заводских производств), благодаря которым создается «прочный средний производительный класс, без которого невозможно сильное образованное государство».

Анализируя идеи представленных выше авторов, получаем, что у старопромышленного региона есть экономический геокод, проявляющийся в виде наследственной программы экономической эволюции территории, состоящей из совокупности механизмов реализации закономерностей промышленного развития, исторически заложенных на территории [5]. Мы считаем, что несмотря на некую метафорическую схожесть экономического геокода региона с генетическим кодом биологического организма, он представляет собой набор эндогенных факторов развития территории, сформированных и передающихся от поколения к поколению в процессе жизнедеятельности общества. По своей функции экономический геокод региона отвечает за регулирование сфер хозяйствования, имеющих цикличность своего развития [6].

Таблица 1 – Теоретические аспекты выявления особенностей экономического геокода старопромышленных регионов

Table 1 – Theoretical aspects of identifying the features of the economic geocode of old industrial regions

Авторы	Год	Особенности экономического геокода старопромышленного региона
Дж. Карней, Р. Хадсон, Дж. Льюис [7]	1980	Доминирование промышленности в экономике территории.
М. Штейнер [8]	1984	Экономическая основа территории создана несколькими столетиями назад небольшим количеством развитых на тот момент секторов, которые в настоящее время претерпевают стагнацию.
А. Гранберг, С. Артоболевский, Г. Ковалева [9]	1998	Присутствие профильных отраслей, которые в силу научно-технического прогресса и своей технологической неизменности теряют рынок сбыта, становятся убыточными и стагнирующими для экономики.
М. Триппл, Ф. Тёдтлинг [10]	2004	Доминирующая промышленность низко инновационна, для нее свойственны узкоспециализированные технологические инновации, доминирующие над разработкой и выводом на рынки новой продукции.
К. Глonti [11]	2008	Промышленность, устаревание которой вызвано сменой технологических укладов и течением времени.
С. Литовченко [12]	2014	Исторически сложившаяся концентрация промышленности, соответствующая 3–4-му технологическому укладу, и несмотря на это обладающая потенциалом инновационного развития.
Н. Сорокина, Ю. Латов [13]	2016	Высокоспециализированные отрасли, связанные с уходящими технологическими укладами.

Степень изученности

Рассмотрим более детально особенности геокода старопромышленных регионов, обусловленные экономической спецификой территорий и их экономической наследственностью (табл. 1). Получаем, что первой особенностью экономического геокода старопромышленной территории является сложность трансформации индустриальных отраслей, а также их структурная невосприимчивость к современным условиям технологического развития. Трансформировать такой геокод возможно за счет развития абсолютно новых для территории отраслей промышленности, обеспечивающих устойчивую диверсификацию экономики территории.

Второй особенностью экономического геокода старопромышленных регионов выступает их промышленное наследие, которое включает в себя ценности индустриальной культуры, имеющие историческое, технологическое, социальное, архитектурное или научное значение. Это промышленное наследие возникло с начала индустриальной революции и продолжается по настоящее время в результате смены технологических укладов, когда многочисленные объекты индустрии становятся ненужными и перестают соответствовать требованиям времени [14]. Трендом трансформации геокода здесь является не просто

сохранение, а ревитализация индустриального наследия как дополнительный источник экономического развития территории.

Третьей особенностью экономического геокода старопромышленного региона служит низкая инновационная активность промышленных гигантов. Устранить такой дефект геокода возможно одновременным решением двух задач: формированием необходимой ресурсной базы предприятия, а также созданием условий для появления прорывных идей и новых технологических решений. Эти условия могут быть созданы с применением разных инструментов и задействованием различных субъектов хозяйствования, но самым действенным здесь, по нашему мнению, оказываются те, которые построены на базе тесного взаимодействия «вуз – предприятие», в рамках которого университеты служат мощными поставщиками не только компетентных кадров, но и инновационных решений.

Таким образом получаем, что у экономического геокода старопромышленного региона есть три составляющие, позволяющие его идентифицировать из всех остальных типов регионов: сильная промышленная специфика, препятствующая диверсификации экономики территории; промышленное наследие, отягощающее ход индустриальных обновлений, и низкая инновационная активность про-

мышленных предприятий. Очевидно, что изменение каждой составляющей экономического геокода региона приведет к социально-экономическим изменениям на территории, поэтому трансформация самого геокода требует продуманных и согласованных решений ученых, промышленников и органов власти.

Начать такие изменения предлагаем с исследования инновационной составляющей геокода, поскольку она имеет динамический характер своего присутствия, а значит, может быть достаточно быстро введена, усилена или экспансирована в экономике региона. Так как в данной статье инновационность территории мы рассматриваем с позиции ее экономического геокода, то важным моментом здесь является выявление устоявшихся причин происходящих событий. В качестве причины ускорения/торможения инновационного развития, по-нашему мнению, может быть либо наличие/отсутствие предрасположенности территории к этим процессам, как некоего потенциала к индустриально-экономическому обновлению, либо слабое его использование. Поэтому гипотезой дальнейшего нашего исследования будет утверждение, что экономический геокод старопромышленного региона иллюстрирует не только его низкую инновационную активность, но и слабую предрасположенность к инновационному развитию, которую необходимо повысить и использовать при разработке программ индустриально-экономического развития старопромышленных регионов.

Для доказательства гипотезы необходимо разработать методику оценки предрасположенности территории к инновационному развитию, апробировать ее на примере старопромышленного региона и определить тренд дальнейших действий по трансформации экономического геокода рассматриваемых территорий.

Матричный метод оценки предрасположенности старопромышленного региона к инновационному развитию в контексте его геокода

Итак, предрасположенность территории к инновационному развитию обусловлена наличием на территории источников формирования портфеля инновационных ресурсов и ин-

струментов, которыми могут воспользоваться предприятия для активизации своего инновационного потенциала или укрепления инновационной состоятельности. Действенным из таких источников, как нами было отмечено ранее, выступают вузы, научную и инновационную деятельность которых предлагаем оценивать по трем показателям: востребованность, качество и активность. Структурность оценочных параметров научной деятельности вузов представлена в табл. 1.

Научность функционирования вузов, рассматривается нами через публикационную деятельность профессорско-преподавательского состава, поэтому оценочные параметры в основном отражают различные показатели востребованности, качества и результативности научных статей. Для усиления точности получаемых оценочных значений *VS*, *QS*, *AS* могут быть введены весовые коэффициенты, отражающие вклад каждого их структурного элемента в итоговый результат.

Структурность оценочных параметров инновационной деятельности вузов представлена в табл. 2. Морфология параметров представлена через показатели, отражающие востребованность, качество и результативность патентов. Для усиления точности получаемых оценочных значений *VI*, *QI*, *AI* могут быть введены весовые коэффициенты, отражающие вклад каждого их структурного элемента в итоговый результат.

Каждый из показателей оценивается экспертным путем по 100-балльной шкале, позволяющей нормировать их значения с учетом общей ситуации по стране в разрезе регионов и базовых вузов, их локализации. Тогда показатель предрасположенности региона к инновационному развитию рассчитывается на базе матрицы, архитектура которой представлена оценочными параметрами научно-инновационной деятельности вузов (табл. 3).

Предлагаем уровень предрасположенности региона к инновационному развитию (*gen_predisposition*) оценивать по формуле 1, которая позволяет найти радиус окружности длиной равной сумме значений всех элементов матрицы, представленной выше. Нахождение радиуса позволит более точно выявлять

Таблица 2 – Оценочные параметры научной деятельности вузов региона
Table 2 – Estimated parameters of scientific activity of universities in the region

Морфология оценочных параметров		Принцип оценивания
Востребованность (VS)	Взвешенный индекс цитирования	Число цитат научных публикаций вуза относительно среднего числа цитат, получаемых аналогичными публикациями. Если показатель составляет от 63 до 100 %, то конечное значение = 100, если показатель лежит в диапазоне (34-63), то его оценочное значение лежит от 0 до 100, если показатель менее 34, то оценочное значение 0 баллов.
	Средний SNIP журналов	Среднее количество цитат на научную публикацию, нормализованное по различиям в цитировании между предметными областями за период 2012-2019 гг. Если показатель составляет меньше 1700, то оценочное значение = 100, если показатель лежит в диапазоне (1700-4000), то его оценочное значение лежит от 0 до 100, если показатель более 4000, то оценочное значение 0 баллов.
	Среднее количество цитат на статью	Среднее количество цитат на научную публикацию за период 2012-2019 гг.
Кач-во (QS)	Качество цитирования вуза	Доля сторонних цитат в общем объеме цитирования научных публикаций вуза
	Концентрация статей	Среднее значение концентрации научных публикаций вуза в предметных областях
Акт-ть (AS)	Индекс Хирша	Расчет по методике расчета индекса Хирша касательно научных публикаций
	Индекс Хирша научного коллектива	Расчет по методике расчета индекса Хирша касательно научных работников
	Доля публикаций университета	Средняя доля публикаций университета по всем предметным областям

Таблица 3 – Оценочные параметры инновационной деятельности вузов
Table 3 – Estimated parameters of innovative activity of universities

Морфология оценочных параметров		Принцип оценивания
Востребован-ть (VI)	Объем продаж	Количество патентов, реализованных вузом в рамках договоров отчуждения патентов за 2012-2019 гг.
	Лицензии	Количество лицензированных патентов вуза за 2012-2019 гг.
	Количество патентных семейств	Количество патентных семейств, вузом зарегистрированных за рубежом за 2012-2019 гг.
	Патенты	Количество патентов, вузом зарегистрированных за рубежом за 2012-2019 гг.
	Коллаборация с компаниями	Количество патентов вуза, разработанных совместно с предприятиями за 2012-2019 гг.
Качество (QI)	Цитируемость	Доля процитированных патентов университета из общего числа патентов, зарегистрированных за 2012-2019 гг.
	Поддержка патентов	Доля действующих патентов вуза, из общего числа зарегистрированных патентов за 2012-2019 гг.
	Коллаборация с научными организациями	Доля патентов в коллаборациях разработанных совместно с научными организациями в общем числе патентов, зарегистрированных за 2012-2019 гг.
Акт-ть (AI)	Число патентов	Общее число патентов, зарегистрированных за 2012-2019 гг.
	Число патентов, процитировавших статьи университета	Число цитат, сделанных патентами на статьи вуза

Таблица 4 – Матрица предрасположенности региона к инновационному развитию
Table 4 – Matrix of the region's predisposition to innovative development

	VI	QI	AI
VS	$\sqrt{VS \cdot VI}$	$\sqrt{VS \cdot QI}$	$\sqrt{VS \cdot AI}$
QS	$\sqrt{QS \cdot VI}$	$\sqrt{QS \cdot QI}$	$\sqrt{QS \cdot AI}$
AS	$\sqrt{AS \cdot VI}$	$\sqrt{AS \cdot QI}$	$\sqrt{AS \cdot AI}$

среднее значение искомой предрасположенности территории.

$$\begin{aligned} gen_predisposition = & (\sqrt{VS \cdot VI} + \\ & + \sqrt{QS \cdot QI} + \sqrt{AS \cdot AI} + \sqrt{QS \cdot VI} + \\ & + \sqrt{AS \cdot QI} + \sqrt{VS \cdot AI} + \sqrt{VS \cdot QI} + \\ & + \sqrt{QS \cdot AI} + \sqrt{AS \cdot VI}) / (2\pi). \quad (1) \end{aligned}$$

Для разработки последующих рекомендаций по изменению инновационной составляющей геокода старопромышленного региона необходимо полученное значение показателя *gen_predisposition* сопоставлять с аналогичным показателем других регионов, а также индикаторами фактического инновационного развития территории их локализации.

Оценка предрасположенности уральского старопромышленного региона к инновационному развитию

Апробация авторского метода проводилась на примере территорий старопромышленного региона. Для выявления предрасположенности региона к инновационному развитию мы оценивали деятельность таких вузов, как Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, Тюменский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, Челябинский государственный университет, Южно-Уральский национальный исследовательский университет. Оценочные значения, представленные в таблицах 5 и 6, были взяты из отчета «Предметный рейтинг научной продуктивности вузов – 2019» исследовательского подразделения медиахолдинга «ЭКСПЕРТ» с учетом индикаторов науки за 2019 год, предоставленных Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики».

Если обратиться к предметной области научной деятельности в регионе, то можно увидеть, что в Свердловской области ведутся исследования практически по всем направлениям как техническим, так и гуманитарным (табл. 4). Это является важным трендом трансформации геокода региона, так как выбор приоритетов научно-технологического развития промышленных предприятий для уральской территории имеет фундаментальную основу, адаптированную под специфику региона.

Таблица 5 – Предметная специфика научной деятельности вузов региона

Table 5 – Subject specificity of scientific activities of universities in the region

	Свердловск. обл.	Челябинск. обл.	Тюменск. обл.
Искусственный интеллект	+	+	
Биохимия	+		
Металлургия	+	+	
Экология	+		+
Науки о Земле	+		+
Менеджмент	+	+	+
Экономика	+		
Гуманитарные науки	+	+	+
Социальные науки	+	+	+
Науки о жизни	+		+
Науки о Земле и экология			+
Физика и астрономия	+	+	
Медицина	+		
Математика	+	+	
Материаловедение	+	+	+
Инженерные науки	+	+	+
Энергетика	+	+	+
Химия	+	+	+
Компьютерные науки		+	
Химические технологии	+		

Таблица 6 – Оценка научной деятельности вузов уральского региона, 2019 год

Table 6 – Assessment of scientific activities of universities in the Ural region, 2019

		Свердловск. обл.	Тюменск. обл.	Челябинск. обл.
Кач-во	Качество цитат	26,48	19,87	16,03
	Концентрация статей	14,02	0	2,01
	QS	20,25	9,94	9,02
Востребован-ть	Ср. SNIP журналов	14,04	14,83	13,33
	Взвешенный индекс цитирования	9,04	17,21	9,27
	Среднее число цитат на статью	9,03	8,98	6,57
	VS	10,70	13,67	9,72
Активн-ть	Научный коллектив	13,52	7,76	7,11
	Индекс Хирша	13,8	6,89	6,92
	Доля публикаций	7,49	1,95	3,08
	AS	11,60	5,53	5,70

Далее при оценке предрасположенности территории к инновационному развитию через призму научной деятельности вузов, было установлено, что Свердловская область является лидером в регионе по качеству публикаций (20,25 баллов) при параллельной активности опубликования научных работ в целом

Таблица 7 – Оценка инновационной деятельности вузов региона, 2019 год**Table 7** – Assessment of innovative activities of universities in the region, 2019

		Свердловск. обл.	Тюменск. обл.	Челяб. обл.
Востребованность	Количество лицензий	0	0	100
	Количество проданных патентов	0	20,4	0
	Технологий, запатентованных за рубежом	20	10	10
	Зарубежных патентов	11,1	5,6	5,6
	Патенты в коллаборации с компаниями	100	15,9	89,2
	VI	26,22	10,38	40,96
Качество	Доля процитированных патентов	35	83	58
	Доля действующих патентов	13,1	29,25	12
	Доля патентов в коллаборациях с вузами и академиями	30,5	6,15	0
	QI	26,2	39,47	23,33
Активн-ть	Число патентов	91	46	81
	Число патентов, процитировавших статьи	41,3	4,15	0
	AI	66,15	25,07	40,5

(11,60 баллов) (табл. 5). Однако лидером по востребованности публикаций выступает Тюменская область (13,67 баллов).

Далее при оценке предрасположенности территории к инновационному развитию через призму изобретательской деятельности вузов, было установлено, что Свердловская область является лидером в регионе патентной активности (66,15 баллов) в целом (табл. 6). Однако, лидер по качеству патентов – Тюменская область (39,47 баллов), а по востребованности – Челябинская область (40,96 баллов).

Таким образом, получаем, что уровень предрасположенности территории к инновационному развитию будет равен следующим значениям: у Свердловской области его значение будет равно 61,04; у Челябинской области – 51,28; у Тюменской области – 38,91 при максимально возможном значении исследуемого показателя равного 143 баллам (рис. 1).

Получаем, что наибольшей склонностью в Уральском федеральном округе к инновационному развитию обладает Свердловская область, хотя ее значение не является высоким на межрегиональном уровне исследований.

Свердловская область

	VI = 26,22	QI = 26,2	AI = 66,15
VS = 10,70	16,75	16,74	26,60
QS = 20,25	23,04	23,03	36,60
AS = 11,60	17,44	17,43	27,70

gen_predisposition = 61,04

Тюменская область

	VI = 10,38	QI = 39,47	AI = 25,07
VS = 13,67	11,91	23,23	18,51
QS = 9,94	10,16	19,81	15,79
AS = 5,53	7,58	14,77	11,77

gen_predisposition = 38,91

Челябинская область

	VI = 40,96	QI = 23,33	AI = 40,5
VS = 9,72	19,95	15,06	19,84
QS = 9,02	19,22	14,51	19,11
AS = 5,7	15,28	11,53	15,19

gen_predisposition = 51,28

Рисунок 1 – Оценка предрасположенности территорий уральского региона к инновационному развитию**Figure 1** – Assessment of the predisposition of the territories of the Ural region to innovative development**Выводы**

В целом, по всем трем исследуемым областям, можно отметить низкую востребованность публикаций, выраженную в низкой цитируемости научных трудов. По Свердловской области наибольший показатель связан с патентной активностью, которая при этом не подкреплена публикационной активностью вузов. Это в свою очередь говорит о том, что эти показатели между собой не связаны, и патенты получают научные коллективы, в большей степени занимающиеся изобретениями, чем опубликованием полученных научных результатов. Т. е. нарушена зависимость, что рост качества и количества публикаций вызывает рост и качество новаторских идей. Также фиксируется, что качественные показатели деятельности вузов Свердловской области лежат примерно в одном диапазоне низких оценок. Положительным моментом здесь является рост оценочных значений рассматриваемых параметров изобретательской активности вузов по сравнению с прошлыми годами. Это свидетельствует о том, что в геокоде старопромышленного региона наблюдаются трансформации, направленные на укрепление инновационного кода территории.

Таблица 8 – Инновационная предрасположенность и активность территорий уральского старопромышленного региона

Table 8 – Innovative disposition and activity of the territories of the Ural old industrial region

УрФО	gen_predisposition	Инновационная активность промышленных предприятий				
		(1)	(2)	(3)	(4)	Итого
Свердловская область	61,04	6,92	36,24	47,25	39,76	32,5425
Тюменская область без АО	38,91	10,46	6,77	14,14	6,9	9,5675
Челябинская область	51,28	5,46	48,16	33,19	24,91	27,93

Примечание:

(1) – удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организаций промышленного производства;

(2) – удельный вес разработанных передовых производственных технологий в общем объеме технологий уральского региона;

(3) – удельный вес изобретений в общем числе изобретений региона в общем объеме изобретений уральского региона;

(4) – удельный вес используемых передовых технологий в общем объеме используемых передовых технологий уральского региона.

По Тюменской области качество новаторских идей существенно превышает качество научных публикаций. В целом можно отметить, что научная результативность существенно уступает инновационной, что вызывает вопросы о происхождении новаторских идей и качестве кривой жизненного цикла оригинальных научных решений. Также присутствует вопрос о функциональности и прикладной значимости научного ядра вузов.

По Челябинской области можно отметить превышение значений показателей, отражающих новаторство, от показателей научной деятельности вузов. При этом можно отметить, что изобретательская активность вузов не обуславливает востребованность научных публикаций в обществе. Также, как и в других уральских областях, присутствует разрыв в кривой жизненного цикла инноваций. Научные публикации вызывают существенно меньший интерес, чем патенты.

Если сопоставить полученные значения выявленной предрасположенности территорий к инновационному развитию с их инновационной активностью, то можно увидеть прямую связь данных показателей на исследуемом периоде 2012–2019 гг. (табл. 7). Выявленная зависимость доказывает поставленную ранее гипотезу. Лидером в регионе по двум показателям также остается Свердловская область, что обусловлено в том числе более широкой предметной спецификой научной деятельности вузов, чем у других территорий.

При этом по уральскому региону можно отметить низкие значения оценочных параметров в разрезе рассматриваемых территорий по сравнению с территориями Центрального федерального округа Российской Федерации, которые по показателю «предрасположенность к инновационному развитию» существенно выше и приближаются к отметке 110 баллов. Такая же закономерность прослеживается при сравнении показателей их инновационной активности. Например, удельный вес используемых передовых технологий Уральского федерального округа в РФ составляет 11,83 %, в то время как Центральный федеральный округ фиксирует 31,27 %. Удельный вес изобретений УрФО составляет 8,81 %, что существенно ниже 43,03 % у ЦФО. По показателю «Удельный вес разработанных передовых производственных технологий» УрФО также уступает показателю ЦФО на 18,9 пунктов, а удельный вес отгруженных инновационных товаров уральскими территориями ниже на 5,24 пункта территорий ЦФО. Это подчеркивает, что экономический геокод уральского региона иллюстрирует, с одной стороны, незначительную предрасположенность старопромышленного региона к инновационному развитию в целом, а также его низкую инновационную активность в компаративном разрезе исследований, с другой – обуславливает трансформацию геокода в контексте совершенствования организации научной и изобретательской деятельности вузов уральской территории для формирования потенциала инновационно-

индустриального обновления производства. Т. е. изменение экономического геокода должно осуществляться на базе внедрения концепции «управления талантами», омоложения профессорско-преподавательского состава, а также формирования индивидуальных траек-

торий компетентностного роста сотрудников вузов в научно-инновационной сфере. Следующий тренд трансформации экономического геокода старопромышленного региона должен быть связан с активизацией потенциала территории к инновационному развитию.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майминас Е. (2016). Социально-экономический генотип общества // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. № 4. С. 186–204.
2. Мартишин Е.М. (2014). Эволюционные механизмы модернизации в стратегии региона // Региональная экономика: теория и практика. № 13 (340). С. 9–19.
3. Мартишин Е.М. (2014). Эволюционно-институциональные основы «экономического чуда» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. № 5. С. 97–101.
4. Carney J., Hudson R., Lewis J. (1980). Regions in Crisis. London, Croom Helm, pp. 28–59.
5. Steiner M. (2009). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. In: Trajectories of the New Economy: Regeneration and Dislocation in the Inner City. Urban Studies. no 46, pp. 987–1001.
6. Гранберг А.Г., Артоболевский С.С., Ковалева Г.А. (1998). Реструктуризация старопромышленных регионов: опыт России и мира // Региональное развитие и сотрудничество. № 1. С. 4.
7. Tödtling F., Tripl M. (2004). One Size Fits All? Towards a Differentiated Policy Approach with Respect to Regional Innovation Systems. Vienna, Institut für Wirtschaftsgeographie, WU Vienna University of Economics and Business, pp. 38–40.
8. Глonti К.М. (2008). Старопромышленные регионы: проблемы и перспективы развития. Проблемы федерализма // Регионология. № 4. С. 27–39.
9. Литовченко С.В. (2014). Анализ современных подходов к определению сущности старопромышленных регионов // Экономический простор. № 92. С. 138–150.
10. Сорокина Н.Ю., Латов Ю.В. (2018). Эволюция старопромышленных регионов в экономике России // Вопросы регулирования экономики. Т. 9. № 1. С. 6–22.
11. Запарий В.В. (2010). Индустриальное наследие: выявление, изучение, использование // Экономическая история. № 3. С. 4–10.
12. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. (2019). Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации / под. ред.: С. Ю. Глазьева, С. Д. Бодрунова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та. 371 с.
13. Богословский П.С. (1927). О постановке культурно-исторических изучений Урала // Уральское краеведение. Вып. 1. Свердловск: Уральское бюро краеведения. С. 36–37. URL: http://www.academia.edu/20787288/Уральское_краеведение._Свердловск_1927._Вып._1 (дата обращения: 22.03.2018).
14. Мамин-Сибиряк Д.Н. Город Екатеринбург. Исторический очерк. URL: <http://www.1723.ru/read/books/city-yekaterinburg.htm> (дата обращения: 25.03.2018).
15. Менделеев Д.И. (2002). К познанию России. М. : Айрис-пресс. С. 385–430.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Мыслякова Юлия Геннадьевна – кандидат экономических наук; Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29); jul_jul@inbox.ru.

ECONOMIC GEOCODE OF THE OLD INDUSTRIAL REGION: ASSESSMENT OF APTITUDE TO INNOVATIVE DEVELOPMENT

Yu.G. Myslyakova^{2a}

^aUral State University of Economics

ABSTRACT:

The article is devoted to solving the standard problems of an old industrial region in the framework of the application of a genetic approach, which examines the geocode of the territory that is a system of its hereditary records, which determines its economic specifics and aptitude to various endogenous processes. The **purpose** of the article is to prove the scientific hypothesis that the economic geocode of an old industrial region illustrates not only its low innovation capacity, but also its weak aptitude to innovative development, which hinders the industrial renewal of the territory.

To prove the hypothesis it was necessary to solve the following **tasks**: to reveal the economic identity of the functioning of old industrial regions that determine the specificity of their geocode; to develop a method of assessing the aptitude of an old industrial region to innovative development in terms of its economic geocode territory; to test the guidelines identifying the transforming directions of the innovation component in the economic geocode of an old industrial region.

The research is based on the author's matrix method for identifying the aptitude of the old industrial territory to innovative development using evaluation indicators that reflect the demand, quality and capacity of scientific and innovative performance of universities, which are the basic generators of innovative ideas and applied technical developments for industrial enterprises in the region. Approbation of the author's method and proof of the scientific hypothesis were carried out within the context of the Sverdlovsk, Tyumen and Chelyabinsk regions of the Ural region.

The assumption that the old industrial region has a low predisposition to innovative development turned out to be correct. It was also found that the Sverdlovsk region has the greatest propensity for innovative development, although its value is not high at the interregional level of comparisons.

The obtained results indicate that the geocode considered old-industrial region contains the values of the performance indicators, yielding similar indicators of the Central territories of the Russian Federation that actualizes the necessity of improving the organization of scientific and innovation activities of leading universities in the territories in the context of transformation of their economic geocode.

FUNDING: The research was carried out with RFBR financial support within the framework of the scientific project no. 18-010-00802 "Modeling the basic code of industrial development of the regional economy, taking into account its genetic profile".

KEYWORDS: old industrial region, geocode, aptitude, innovative development, innovative capacity, scientific and research capacity, host universities.

FOR CITATION: Myslyakova Yu.G. (2020). Economic geocode of the old industrial region: assessment of aptitude to innovative development, *Management Issues*, no. 6, pp. 29–39.

REFERENCES

1. Mayminas E. (2016). Socio-economic genotype of society, *Bulletin of Moscow University. Ser. 6. Economy*, no. 4, pp. 186–204.
2. Martishin E.M. (2014). Evolutionary mechanisms of modernization in the strategy of the region, *Regional economy: theory and practice*, no. 13 (340), pp. 9–19.
3. Martishin E.M. (2014). Evolutionary-institutional foundations of the "economic miracle",

²RSCI AuthorID: 603559, ResearcherID: B-6076-2018

Scientific notes of Petrozavodsk State University, no. 5, pp. 97–101.

4. Carney J., Hudson R., Lewis J. (1980). *Regions in Crisis*. London, Croom Helm, pp. 28–59.

5. Steiner M. (2009). Old Industrial Areas: A Theoretical Approach. In: *Trajectories of the New Economy: Regeneration and Dislocation in the Inner City*. Urban Studies. no 46, pp. 987–1001.

6. Granberg A.G., Artobolevsky S.S., Kovalova G.A. (1998). Restructuring of old industrial regions: experience of Russia and the world, *Regional development and cooperation*, no. 1, p. 4.

7. Tödtling F., Trippel M. (2004). One Size Fits All? Towards a Differentiated Policy Approach with Respect to Regional Innovation Systems. Vienna, Institut für Wirtschaftsgeographie, WU Vienna University of Economics and Business, pp. 38–40.

8. Glonti K.M. (2008). Old industrial regions: problems and development prospects. Problems of federalism, *Regionology*, no. 4, pp. 27–39.

9. Litovchenko S.V. (2014). Analysis of modern approaches to the definition of the essence of old industrial regions, *Economic space*, no. 92, pp. 138–150.

10. Sorokina N.Yu., Latov Yu.V. (2018). Evolution of old industrial regions in the Russian economy, *Issues of economic regulation*, vol. 9, no. 1, pp. 6–22.

11. Zapariy V.V. (2010). Industrial heritage: identification, study, use, *Economic history*, no. 3, pp. 4–10.

12. Silin Ya.P., Animitsa E.G., Novikova N.V. (2019). Ural macroregion: large cycles of industrialization. Eds: S.Yu. Glazyev, S.D. Bodrunov. Yekaterinburg, Publishing House of the Ural State University of Economics. 371 p.

13. Bogoslovsky P.S. (1927). On the organization of cultural and historical studies of the Urals. *Ural Regional Studies*. Issue 1. Sverdlovsk: Ural Regional Bureau, pp. 36–37. URL: http://www.academia.edu/20787288/Уральское_краеведение._Свердловск_1927._Вып._1 (accessed 22.03.2018).

14. Mamin-Sibiryak D.N. Yekaterinburg city. Historical sketch. URL: <http://www.1723.ru/read/books/city-yekaterinburg.htm> (accessed 25.03.2018).

15. Mendelev D.I. (2002). To the knowledge of Russia. Moscow, Iris-press, pp. 385–430.

AUTHORS' INFORMATION:

Yuliya G. Myslyakova – Ph.D. of Economic Sciences; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russia); jul_jul@inbox.ru.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСАМИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И.Н. Молчанов^{1a,b}, Н.П. Молчанова^{2b}

^aМосковский государственный университет имени М. В. Ломоносова

^bФинансовый университет при Правительстве Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Цель: выявление накопившихся проблем в управлении финансами некоммерческого сектора; рассмотрение преимуществ цифровой трансформации применительно к социально ориентированным некоммерческим организациям и ее влияния на реализацию общественно значимых программ и проектов, улучшение практики социального обслуживания населения.

Методология и методы: на основе применения общеэкономических и частных научных методов – анализа и синтеза, индукции и дедукции, системного и институционального подходов, экономического, факторного и критериального видов анализа, эвристических методов, использования метода контент-анализа в работе с официальными статистическими данными, результатами социологических исследований и экспертных оценок – изучены теоретические положения и эмпирические материалы, законодательные документы, верифицирована информация из различных источников. В процессе исследования использовались материалы официальных информационных источников (нормативные правовые положения и инструкции, научные доклады, отчеты и другие публикации), составляющих надежную основу для анализа особенностей работы некоммерческих организаций.

Результаты: на основе рассмотрения происходящих в национальной финансовой системе трансформаций выполнен сравнительный анализ предлагаемых руководством страны мер и реализуемых правомочными органами действий, которые стратегически увязываются с обеспечением сбалансированного развития финансов некоммерческих организаций и повышением роли активно развивающегося элемента – финансов социально ориентированных некоммерческих организаций. Выявлены причины, затрудняющие функционирование некоммерческого сектора и препятствующие эффективному управлению финансами некоммерческих организаций, формированию и использованию ими финансовых ресурсов, предназначенных для решения социально значимых проблем общества. Систематизированы рекомендуемые для применения в практической деятельности методы и технологии финансово-экономического регулирования; сформулированы предложения, направленные на улучшение результатов работы некоммерческого сектора.

Рекомендации: органам государственного и муниципального управления для повышения эффективности сферы социального обслуживания населения при разработке стратегических и тактических вопросов функционирования негосударственного сектора, формировании специальных программ, проектов и мероприятий, проектировании объектов институциональной инфраструктуры целесообразно учитывать специфику пространственного развития в целях максимального задействования ресурсного и трудового потенциала, а также поселенческой структуры населения. Менеджменту социально ориентированных некоммерческих организаций в целях повышения результатов и укрепления финансово-экономического положения следует ориентироваться на спрос и выбирать наиболее востребованные на муниципальном уровне управления виды деятельности; учитывать особенности проживания потребителей социально значимых услуг в городской и сельской местности; использовать для повышения производительности и результатов работы инновационные методы и инструменты; ориентироваться на максимальное применение эффективных

¹AuthorID РИНЦ: 186567, ORCID: 0000-0003-4252-2387, ScopusID: 57190766747, ResearcherID: J-7684-2012

²AuthorID РИНЦ: 491799, ORCID: 0000-0002-3019-0672, ScopusID: 57190763402, ResearcherID: Q-8208-2017

цифровых технологий; уделять первоочередное внимание обучению и повышению квалификации персонала.

Научная новизна работы состоит в выборе инструментария, предназначенного для использования в деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций и обосновании целесообразности применения рекомендуемых новаций для повышения эффективности сферы социального обслуживания населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: управление финансами, цифровизация, социально ориентированные некоммерческие организации, институциональная структура, некоммерческий сектор, гражданское общество.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Молчанов И.Н., Молчанова Н.П. (2020). Влияние цифровизации на управление финансами социально ориентированных некоммерческих организаций // Вопросы управления. № 6. С. 40–58.

Введение

В 1990-х гг. в России по мере перехода на рыночные отношения активизировались политические процессы и началось формирование гражданского общества. Первоначально оно рассматривалось как среда, в которой сосуществуют неофициальные структуры, различные общественные и социальные институты. В 2000-х гг., когда на первый план вышли экономические интересы, гражданское общество стали определять с акцентом на экономическую составляющую, как, например, «совокупность формальных и неформальных организаций и правил, которая соединяет отдельного индивида или семью, домохозяйство с государством (властью) и бизнесом (частным сектором экономики)» [1, с. 43] или как сферу, которая выступает основой социальной экономики, когда рынок подчиняется исполнению социальных целей [2, с. 51]. Изучение различных мнений подтверждает вывод академика РАН В. М. Полтеровича о том, что создание и развитие институтов гражданского общества относится к числу необходимых условий скоординированной деятельности экономических агентов [3, с. 15].

При проведении рыночных преобразований актуальным становится вопрос взаимодействия гражданского общества, государства и экономики. Одним из элементов структу-

ры формирующегося в России гражданского общества являются социально ориентированные некоммерческие организации, которые называют «важнейшим общественным каналом деятельности гражданского общества» [4, с. 67]. Первоначально в законодательстве был закреплен более общий термин – некоммерческие организации [5]. Понятие социально ориентированных некоммерческих организаций было введено в правовое поле в 2010 г. [6]. Их статус определен в действующей нормативной правовой базе: создание регламентируется предусмотренными организационно-правовыми формами, выполняемые функции направлены на преодоление социальных проблем и осуществление общественно значимых видов деятельности³. Эволюционное формирование институциональных условий и осознание в российском обществе необходимости создания благоприятной среды для развития данного типа организаций инициирует работу правомочных органов в направлении поддержания устойчивости их общехозяйственной и финансовой деятельности для решения общегосударственной задачи создания качественно новой системы социального обслуживания населения.

Переход к шестому технологическому укладу активизирует цифровизацию экономики,

³Социально ориентированными некоммерческими организациями являются некоммерческие организации, которые созданы в следующих формах: общественные объединения (кроме политических партий); религиозные организации (объединения); общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; казацкие общества; некоммерческие партнерства; частные учреждения; автономные некоммерческие организации; фонды; объединения юридических лиц (ассоциации и союзы). Особо подчеркивается, что социально ориентированная некоммерческая организация не может быть создана в форме: государственных корпораций; государственных компаний; общественных объединений, являющихся политическими партиями [7].

инициирует новации в финансовых отношениях экономических субъектов. В составе национальной финансовой системы, построенной согласно функциональному подходу⁴, «финансы некоммерческих организаций» образуют звено сферы «финансы организаций», которая структурирована по организационно-правовым формам и отраслевой принадлежности хозяйствующих субъектов. Сложившаяся методологическая конструкция позволяет анализировать финансовую деятельность всех экономических субъектов, продумывать меры по мобилизации финансовых ресурсов из различных источников и выполнять обоснования целесообразных направлений их дальнейшего развития.

Организационные основы некоммерческих организаций и их функционирование в условиях рыночных отношений во многом обусловлены нововведениями в экономике и российском обществе, связанными со становлением, развитием прав и свобод граждан, установленных в Конституции Российской Федерации и получивших закрепление в законодательной базе. Финансово-экономические отношения в некоммерческом секторе, вследствие развития конкуренции между организациями различных организационно-правовых форм, относятся к числу актуальных тем и являются предметом исследований отечественных и зарубежных ученых [9–12]. В рамках проводимой Российским государством экономической политики вопросы социального характера, отражающие интересы населения территорий, рассматриваются как приоритетные [13]. Вследствие объективно протекающего процесса построения социального государства сложилось понимание, что для более эффективного решения накопившихся проблем и достижения общественно значимых результатов требуется задействование разнообразных возможностей для развития некоммерческого сектора. С одной стороны, пришло осознание потребности в привлечении социально ориентированных некоммерческих организаций к оказанию услуг наряду с государственными (муниципальными) учреждениями для

решения острых проблем социальной сферы. С другой стороны, настоятельность вопросов развития конкуренции инициирует принятие мер в направлении концентрации усилий по привлечению к данной деятельности и активному участию в ней социальных предпринимателей и других бизнес-структур.

По сложившейся практике, деятельность некоммерческого сектора характеризуется именно теми товарами и услугами, которые весьма ограниченно предоставляются коммерческим сектором и созданными с участием государства структурами. Кроме того, развитие некоммерческого сектора обладает высокой важностью в связи с сохранением существующих и появлением инновационных форм поддержки социально уязвимых групп населения. К числу веских причин можно отнести также необходимость создания новых рабочих мест: не только высокотехнологичных, но и организованных в дистанционном формате. Одна из ключевых задач – продолжение социальной интеграции. Основу структуры некоммерческого сектора составляют негосударственные некоммерческие организации, в том числе и социально ориентированные. От того, насколько интенсивно будут развиваться финансовые отношения в некоммерческом секторе, во многом зависит эффективность работы социально ориентированных некоммерческих организаций.

Методология и методы

В процессе исследования применялись общэкономические и частные научные методы: анализа и синтеза, индукции и дедукции, логического сравнения, экспертных оценок. Для обоснования выводов и рекомендаций использовались официальные информационные источники: нормативные правовые акты, материалы Федеральной службы государственной статистики и результаты выборочных социологических наблюдений и опросов. На этой основе выполнен контент-анализ деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций. Это позволило не только сделать выводы об их современном состоянии и проблемах функционирования,

⁴В рамках функционального (содержательного) подхода национальная финансовая система отражает «совокупность взаимосвязанных сфер и звеньев финансовых отношений, опосредующих формирование и использование доходов, поступлений и накоплений экономических субъектов» [8, с. 20].

но и выявить нерешенные вопросы, обосновать возможные меры и сформулировать рекомендации по преодолению некоторых проблем. Для оценки результатов работы некоммерческих организаций использовались официальные публикации: информационные материалы (данные государственной статистики и социологических исследований), доклады органов исполнительной власти, отчеты научных и общественных организаций [14–16], монографическая литература, периодические научные издания. Изучение различных мнений и экспертных оценок, представленных в публикациях известных исследователей по данной проблематике [17–19], позволило обосновать своевременность формирования позитивного восприятия деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций у населения и в обществе в целом. В основу исследования было положено предположение о том, что только на основе положительной оценки результатов работы трудовых коллективов социально ориентированных некоммерческих организаций возможно их успешное развитие в долгосрочной перспективе. Напротив, негативное восприятие деятельности некоммерческих организаций по оказанию услуг в социальной сфере препятствует распространению позитивного опыта и укреплению их финансово-экономических основ.

Формы государственной финансовой поддержки

В середине 2010-х гг. активизировались исследования по изучению различных форм оказания государственной финансовой поддержки социально ориентированным некоммерческим организациям, анализу результатов их деятельности и эффективности использования привлекаемых ресурсов. Для самих этих организаций (как реципиентов) важным стало получение мандата доверия от различных партнеров (как доноров): органов публичной власти всех уровней, государственных и коммерческих организаций, граждан как потребителей услуг. В данных целях применяются весьма разнообразные формы оказания финансовой поддержки.

Финансирование (финансовое обеспечение) – это процесс выделения средств некоммерческой организации в денежной форме для достижения основной цели ее деятельности; допускает использование различных источников: внутренних (самофинансирование) и внешних (финансирование учредителями, участниками, членами; финансирование спонсорами, меценатами, благотворителями, грантодателями) или заемных (кредитование) [20, с. 41–51]. Объемы финансирования некоммерческих организаций за счет внутренних источников весьма ограничены. В связи с этим государственная финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций осуществляется в возрастающих размерах за счет бюджетных ассигнований. Направления использования финансовых ресурсов некоммерческими организациями в основном соответствуют их расходам⁵, под которыми понимается денежная оценка произведенных затрат материальных, трудовых и информационных ресурсов для реализации уставной цели деятельности. Их можно разделить на общие (административные) и целевые. К общим относятся расходы, связанные с содержанием некоммерческой организации; арендные платежи; платежи на содержание помещений; оплата коммунальных услуг; заработная плата руководителей, технического персонала; к целевым – на производство предлагаемой услуги и оплату труда работников, непосредственно участвующих в производстве общественного блага [20, с. 113–115].

Создание условий для деятельности некоммерческих организаций относится к полномочиям региональных органов государственной власти. Важно отметить, что в 2018 и 2019 гг. государственные региональные программы (подпрограммы государственных программ) по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций реализовывались в 74 субъектах Российской Федерации. Финансовая поддержка осуществляется органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (табл. 1).

⁵ Независимо от характера деятельности организации, расходы – это денежная оценка затрат, целесообразных для производства товаров или общественных благ, произведенных в течение определенного времени и имеющих документальное подтверждение [20, с. 111].

Таблица 1 – Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций на региональном и муниципальном уровнях управления в Российской Федерации (2018–2019 гг.) [14]**Table 1** – Financial support of socially oriented non-profit organizations at regional and municipal levels of government in the Russian Federation (2018–2019) [14]

Показатели	2018 г.	2019 г.
Количество социально ориентированных некоммерческих организаций, получивших финансовую поддержку из бюджета субъектов Российской Федерации, тыс.	7,4	9,1
Общий объем полученных средств, млрд руб. <i>в том числе в виде субсидий на конкурсной основе, млрд руб.</i>	34,6 18,5	48,7 26,2
Доля муниципальных районов и городских округов, реализующих мероприятия по поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, в общем количестве муниципальных районов и городских округов (за исключением городов федерального значения), %	41	46
Субсидии местным бюджетам из бюджетов субъектов Российской Федерации на цели реализации муниципальных программ поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, млрд руб.:		
а) количество субъектов Российской Федерации, ед.	20	24
б) объем финансовой поддержки, млрд руб.	3,33	2,99

Заслуживает внимания механизм муниципальной финансовой поддержки при реализации социально ориентированных проектов. Основная форма финансовой поддержки – муниципальный грант⁶ [21, с. 47]. Данное понятие представлено в нормативных документах некоторых муниципальных образований Российской Федерации. Его отличительные признаки:

а) муниципальный грант формируется из денежных средств, которые выделяются на условиях софинансирования – это муниципальные средства. Согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации, для них установлена специальная процедура⁷;

б) отношения между грантодателями (администрацией муниципального образования) и грантополучателями (некоммерчески-

ми организациями) по вопросу предоставления финансовых средств носят договорной характер)⁸;

в) некоммерческие организации обязаны отчитываться о выполнении проекта, использовании средств муниципальных грантов⁹.

Сформированы критерии, следуя которым можно получить муниципальный грант: соответствие приоритетам внутрирегиональной политики; соблюдение равенства прав некоммерческих организаций при получении грантов; предоставление грантов на принципах публичности и открытости процедуры; рассмотрение заявок в конкурсном порядке [21, с. 49].

В российском обществе осознана необходимость всемерного благоприятствования функционированию некоммерческих органи-

⁶Муниципальный грант – средства муниципального бюджета в форме субсидии, предоставляется на конкурсной основе.

⁷Финансовые ресурсы предусматриваются в бюджете муниципального образования на плановый период, являются инициативными расходами органов местного самоуправления и могут финансироваться только за счет доходов местных бюджетов; определяется главный распорядитель бюджетных средств и утверждается целевая программа и иные источники (собственные средства организаций, выручка от коммерческой деятельности организаций, финансовая помощь); бюджетные средства являются целевыми и направляются исключительно на финансирование общественно значимых проектов (программ) некоммерческих организаций.

⁸Доля муниципальных грантов в общей стоимости проектов для различных некоммерческих организаций широко варьируется: от 6,9 % до 94,8 %. Согласно данным за 2016–2019 гг. по городу Челябинску доля финансовой поддержки в запрашиваемой сумме на реализацию социально значимых проектов для разных некоммерческих организаций варьировалась от 23,6 % до 100 %. Наблюдались тенденции к увеличению объемов альтернативных источников и масштабов проводимых мероприятий [21, с. 50].

⁹К приоритетным направлениям предоставления муниципальных грантов относятся: социальная поддержка социально незащищенных категорий граждан; экологические программы, охрана окружающей среды; занятость населения; молодежная политика, защита семьи, детства, материнства и отцовства; гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание; физическая культура и спорт; охрана здоровья населения; благоустройство города; развитие муниципальной демократии; межнациональные отношения; иные сферы жизни, предусмотренные правовыми актами органов местного самоуправления [22].

заций. Это побуждает правомочные органы к проведению курса на поддержку их общей и финансовой деятельности¹⁰. Развивается финансовая поддержка проектов социально ориентированных некоммерческих организаций на федеральном уровне. Одной из ее сравнительно новых форм является предоставление

«президентских грантов» как на общих основаниях, так и на конкурсной основе (табл. 2).

Показательный пример – Фонд президентских грантов¹¹. Его работа построена на основе инновационных технологических продуктов, регулирующих распределение грантов. В 2019 г. этим фондом в рамках предоставления

Таблица 2 – Финансовая поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций на федеральном уровне (2018–2019 гг.)¹² [14]

Table 2 – Financial support for socially oriented non-profit organizations at the federal level (2018–2019) [14]

Государственный орган Российской Федерации, оказывающий государственную финансовую поддержку социально ориентированным некоммерческим организациям	2018 г.	2019 г.
<i>Минкультуры России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	184	357
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	2483,3	9906
из него на конкурсной основе, млн руб.	1418,7	5124
<i>Минобрнауки России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	1	8
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	7664,7	13550,3
из него на конкурсной основе, млн руб.	—	25,2
<i>Минспорт России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	—	18
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	—	87,6
из него на конкурсной основе, млн руб.	—	87,6
<i>Минтруд России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	29	33
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	2294,2	2086,7
из него на конкурсной основе, млн руб.	н/д	н/д
<i>МЧС России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	9	12
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	88,2	90,0
из него на конкурсной основе, млн руб.	88,2	90,0
<i>МИД России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	2	15
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	174,6	246,4
из него на конкурсной основе, млн руб.	—	74,8
<i>ФАДН России</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	28	33
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	1283	1055
из него на конкурсной основе, млн руб.	1283	1055
<i>Фонд президентских грантов</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	3573	3772
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	7800	7700
из него на конкурсной основе, млн руб.	7800	7700
<i>Всего</i>		
Количество СО НКО, получивших финансовую поддержку из федерального бюджета, ед.	3826	4248
Объем предоставленной государственной поддержки, млн руб.	21788	34721
из него на конкурсной основе, млн руб.	10590	14157

¹⁰Выступление Президента Российской Федерации В. В. Путина на форуме активных граждан «Сообщество» в ноябре 2017 г.

¹¹Российская некоммерческая организация, являющаяся единым оператором грантов Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества. Действует с 3 апреля 2017 года. Является одним из институтов развития некоммерческого сектора экономики России.

¹²Не представили данные за 2019 г. для Минэкономразвития России: Минздрав России, МВД России, Росмолодежь [14].

субсидий из федерального бюджета некоммерческим неправительственным организациям, участвующим в развитии институтов гражданского общества, было проведено два конкурсных отбора по поддержке негосударственных некоммерческих организаций¹³. Применение на практике подобного подхода открывает для некоммерческих организаций новые возможности, одновременно повышая требования к их деятельности. Это помогает обеспечивать прозрачность и доступность конкурсов, а также объективность принимаемых решений.

Однако, для грантовой формы финансовой поддержки характерны некоторые особенности. Во-первых, она предназначена для решения широкого круга острых социальных задач, специфических для каждой конкретной территории, и вследствие этого неоднородна для субъектов Российской Федерации в рамках даже одного федерального округа. Во-вторых, не все заявки социально ориентированных некоммерческих организаций получают одобрение¹⁴. В этой связи представляется полезной мерой распространение положительных примеров и практик, отечественного и зарубежного опыта. Например, в Благотворительном фонде Владимира Потанина, одном из крупнейших частных грантодающих фондов в России, в 2013 году внедрена система по управлению грантами (англ. *Grant Management System*). Она постоянно совершенствуется, внедряются инновационные IT-решения для повышения эффективности данной деятельности. Вопросы оптимизации процесса предоставления грантов сохраняют свою актуальность и на перспективу.

¹³Основание: Указ Президента Российской Федерации от 30.01.2019 № 30 «О грантах Президента Российской Федерации, предоставляемых на развитие гражданского общества».

¹⁴Согласно данным за 2012–2017 гг., по Северо-Западному федеральному округу поддерживаются, как правило, от 10 до 30 % заявок [23, с. 110–111]. Это можно объяснить как качественными характеристиками конкурсной документации организаций-претендентов, так и бюджетом Фонда президентских грантов, который зависит от количества грантодателей и их финансовых возможностей.

¹⁵Забота о малообеспеченных, социально неблагополучных гражданах, лицах с ограниченными возможностями здоровья, содействие воспитанию и образованию детей и подростков, сохранение и развитие культуры, реальная защита прав и свобод, гарантированных Конституцией Российской Федерации.

¹⁶Например, в рамках федерального проекта «Поддержка семей, имеющих детей» (в составе национального проекта «Образование») планируется привлечение социально ориентированных некоммерческих организаций к услугам в сфере психолого-педагогической, методической и консультативной помощи родителям (законным представителям) детей; в федеральном проекте «Старшее поколение» (в составе национального проекта «Демография») планируется увеличить удельный вес негосударственных организаций социального обслуживания в общем количестве организаций социального обслуживания всех форм собственности до 19,1 %.

В России происходит реформирование социального обслуживания населения, основы которого закреплены в законодательстве [24]: введено в оборот понятие «получатель социальных услуг»; некоммерческим организациям предоставлены права поставщиков социальных услуг, переданы некоторые функции по оказанию социальных услуг населению¹⁵. В рамках ряда национальных проектов, реализуемых органами исполнительной власти Российской Федерации, предусмотрены соответствующие мероприятия. Разработан и реализуется комплекс мер [25], направленных на обеспечение доступа негосударственных организаций к оказанию государственных (муниципальных) услуг наравне с государственными и муниципальными учреждениями¹⁶. Предполагается, что результатом реформирования станет при абсолютном росте объемов финансирования относительное (по удельному весу в структуре расходов консолидированного бюджета) уменьшение объемов государственных средств, выделяемых на поддержку отраслей социальной сферы (табл. 3).

Результатом реализации представленного комплекса мер стал рост количества граждан, получающих услуги социально ориентированных некоммерческих организаций: с 6 млн чел. в 2017 г. до 19 млн чел. в 2018 г. и до 22 млн чел. в 2019 г. [14, 15]. Для современного периода, характерной чертой которого является цифровая трансформация, границы деятельности некоммерческих организаций, в первую очередь социально ориентированных, закономерно расширяются. Необходимо изыскивать новые возможности для привлечения финансовых ресурсов в целях развития различных

Таблица 3 – Реализация комплекса мер по обеспечению поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, в субъектах Российской Федерации (2018–2019 гг.) [14, 15]

Table 3 – Implementation of a set of measures to ensure step-by-step access of socially oriented non-profit organizations operating in the social sphere to budgetary funds allocated for the provision of social services to the population in the constituent entities of the Russian Federation (2018–2019) [14, 15]

Отрасли социальной сферы, оказывающие государственную финансовую поддержку СО НКО	Год	
	2018	2019
<i>Социальная защита и социальное обслуживание</i>		
Количество субъектов РФ ¹⁷ , ед.	76	80
Количество СО НКО ¹⁸ , ед.	929	1381
Общий объем средств ¹⁹ , млрд руб.	11,2	13,1
<i>Образование</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	74	62
Количество СО НКО, ед.	1316	1910
Общий объем средств, млрд руб.	8,1	9,7
<i>Культура</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	51	57
Количество СО НКО, ед.	823	911
Общий объем средств, млрд руб.	2,9	7,9
<i>Здравоохранение</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	48	49
Количество СО НКО, ед.	123	144
Общий объем средств, млрд руб.	0,35	0,42
<i>Физкультура и массовый спорт</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	52	60
Количество СО НКО, ед.	585	866
Общий объем средств, млрд руб.	7,76	12,02
<i>Молодежная политика²⁰</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	26	39
Количество СО НКО, ед.	654	614
Общий объем средств, млрд руб.	1,01	1,36

¹⁷Количество субъектов Российской Федерации, которые передали средства социально ориентированным некоммерческим организациям на исполнение услуг в сфере социальной защиты и социального обслуживания.

¹⁸Количество социально ориентированных некоммерческих организаций, которым были переданы на исполнение услуги, предоставляемые за счет бюджета (по всем субъектам Российской Федерации), получивших финансовую поддержку из федерального бюджета.

¹⁹Общий объем средств бюджетов субъектов Российской Федерации, фактически переданных социально ориентированным некоммерческим организациям на оказание услуг.

²⁰Это направление работы, связанное с организацией и проведением олимпиад, конкурсов, мероприятий, направленных на выявление и развитие у обучающихся интеллектуальных и творческих способностей, способностей к занятиям физической культурой и спортом, интереса к научной (научно-исследовательской деятельности).

²¹Фандрайзинг – деятельность некоммерческой организации, базирующаяся на ее уникальной миссии и стратегии, использующая эффективные и продуктивные способы получения ею ресурсов, необходимых для реализации ее программ и достижения стоящих перед ней целей, обеспечивающая желаемую удовлетворенность дарителем (источнику ресурсов) и имеющая конечным результатом укрепление благополучия общества в целом.

²²Инструменты фандрайзинга: письма к спонсорам; партнерские проекты; заявки на гранты; ящик для сбора пожертвований; разовые акции прямого сбора пожертвований; квитанции в банке; членские взносы; статья в газете; деньги из бюджета; платные услуги и предпринимательская деятельность.

Продолжение таблицы 3

<i>Итого</i>		
Количество субъектов РФ, ед.	85	85
Количество СО НКО, ед.	4430	5826
Общий объем средств, млрд руб.	31,32	44,50

организационно-правовых форм социально ориентированных некоммерческих организаций, расширения видов деятельности и перечня предоставляемых ими общественно значимых услуг.

Применение инструментов фандрайзинга

Одним из основных дополнительных источников финансирования социально ориентированных некоммерческих организаций является фандрайзинг²¹. Главная задача фандрайзинга состоит в привлечении финансовых, материальных, информационных и трудовых (работа волонтеров) ресурсов, а также в приобретении новых партнеров и друзей организации. В зависимости от потенциала социально ориентированных некоммерческих организаций можно выделить несколько более конкретных целей, которые можно реализовать посредством применения инструментов фандрайзинга²²: получение необходимых ресурсов и удовлетворение дарителя; достижение целей организации и реализация ее программ; укрепление благополучия общества в целом. Становление фандрайзинга как работы, направленной на получение пожертвований, которые делаются осознанно, на добровольной и бескорыстной основе, увязывается с интенсивностью развития некоммерческого сектора в целом.

Каковы же перспективы развития фандрайзинга в России? Ключевые задачи, которые предстоит решить – использование больших массивов данных, построение сетевой организации социально ориентированных некоммерческих организаций. Цифровизация благотворительного сектора возможна через применение искусственного интеллекта, роботов, чат-ботов, CRM-систем²³ и волонтерских платформ. В благотворительном фонде «Система»²⁴ вынашивается идея о создании единой платформы для измерения и оценки социальных изменений. Получает распространение точка зрения о том, что решать социальные и экологические проблемы лучше с помощью цифровых технологий, применяя при этом межсекторное партнерство, то есть взаимодействие некоммерческих организаций и бизнеса. Вместе с возникновением новых задач в сфере благотворительности появляются и методы их решения: благотворительные стримы, онлайн-образование, телемедицина, краудфандинг и т. п. Обобщение мнений ряда экспертов [26] приводит к выводу, что в целях повышения эффективности работы для применения в практической деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций могут быть рекомендованы следующие инструменты и инновации:

1. CRM-система и систематизация взаимодействия с клиентами и целевой аудиторией.
2. Цифровизация фандрайзинга.
3. AR/VR-технологии²⁵.
4. Платформа для взаимодействия между грантодателями, государством, меценатами с одной стороны и НКО, волонтерами и активистами — с другой.
5. Облачные сервисы.
6. Платформа для оценки и анализа социального эффекта от проводимых со стороны

государства, бизнеса и общества проектов и кампаний.

Актуальные темы настоящего времени – внедрение искусственного интеллекта и возможные последствия дигитализации²⁶ всех процессов для общества. Менеджменту организаций следует учитывать специфику предлагаемых для реализации IT-решений: одни из них можно адаптировать из других секторов экономики, другие нуждаются в разной степени кастомизации²⁷. Рекомендуемые меры позволяют лучше учесть индивидуальные запросы и предпочтения различных социальных групп потребителей.

Формирование институциональной цифровой среды

В научной литературе сложилось понимание цифровой экономики как системы социальных, экономических и культурных отношений, в основе которых лежит использование инновационных цифровых технологий [27, с. 16]. Некоммерческие организации приспосабливаются к особенностям рыночной среды, что требует соответствия предоставляемых ими продуктов и услуг существующим техническим и потребительским стандартам, а также социальным нормам. Развиваясь на основе социально ориентированных целей и принципов, некоммерческие организации вынуждены расширять предоставление услуг на коммерческой основе. Распространение информационно-коммуникационных технологий стимулирует их к работе в электронной среде.

Государство поддерживает функционирование некоммерческих организаций путем создания соответствующей институциональной инфраструктуры, которая включает необходимые институты: политические, юридические и социальные. В процессе своего функ-

²³CRM – система учета и управления взаимоотношениями с клиентами, благополучателями: поможет выстроить работу со своими сторонниками – знать и понимать мотивацию донора, разговаривать с ним на одном языке и не забывать вовремя отправить отчет, просьбу о помощи или поздравить с днем рождения.

²⁴Один из крупнейших благотворительных фондов в России, создан в 2004 г. как оператор социальной деятельности компаний Группы АФК «Система».

²⁵AR/VR-технологии – «виртуальная и дополненная реальность»; эти технологии могут как привносить в реальный мир виртуальные данные, так и устранять из него объекты.

²⁶Дигитализация (от англ. *digitalisation*) – перевод всех видов информации (текстовой, аудиовизуальной) в цифровую форму.

²⁷Кастомизация – индивидуализация продукции под заказы конкретных потребителей путём внесения конструктивных или дизайнерских изменений.

ционирования некоммерческие организации, как экономические субъекты, ориентированы на применение передовых информационно-коммуникационных технологий. Определенные ограничения по объемам государственного финансирования инициируют активизацию их работы по поиску партнеров для реализации проектов социальной и экологической направленности. Участие меценатов и спонсоров помогает решить ряд важных проблем социально ориентированных некоммерческих организаций, в числе которых – современное программное обеспечение, приобретение и установка необходимого оборудования, технологическая поддержка и соблюдение регламента экономической безопасности. Все названные и другие виды затрат можно покрыть только на основе дополнительных государственных и частных источников финансирования. Увеличение притока финансовых ресурсов возможно обеспечить посредством углубления связей с партнерами из предпринимательского сектора: юридическими и физическими лицами.

В России проведено первое масштабное исследование вовлеченности отечественных благотворительных фондов и некоммерческих организаций в процессы цифровизации. К участию в открытом социологическом опросе были приглашены все благотворительные фонды, эндаументы и НКО России. Организаторами исследования стали Фонд целевого капитала «Истоки»²⁸ и Ассоциация грантодающих организаций «Форум Доноров»²⁹.

Исследование проводилось с 25.10.2019 по 25.02.2020 методом онлайн-опроса. В нем приняли участие 71 организация из 24 регионов России. Изначально предполагалось, что данные организации располагают соответствующими информационными цифровыми ресурсами. Результаты онлайн-опроса опубликованы и полезны для всех заинтересованных в сотрудничестве сторон [28]. Выпол-

ненный нами контент-анализ полученных по результатам данного исследования материалов позволяет понять, насколько успешно в российском третьем секторе проходит цифровая трансформация³⁰. Прежде всего, представляет интерес структурное соотношение организационно-правовых форм некоммерческих организаций, принявших участие в опросе (в % к итогу): частный фонд – 15; фонд целевого капитала – 11; фандрайзинговый фонд – 10; общественная организация – 10; фонд местного сообщества – 8; корпоративный фонд – 88; АНО – 5; религиозная организация – 2; ассоциация – 1; частная инициатива – 1. Исходя из числа сотрудников, величина обследованных организаций сравнительно небольшая: в 22 из них – до 3 сотрудников; в 27 – от 4 до 10; в 8 – от 11 до 19; в 8 – от 20 до 40; в 6 – 41 и более.

Далее, можно проследить степень «цифровой зрелости» социально ориентированных некоммерческих организаций. Ответы респондентов показывают, что ее уровень существенно различается: 87 % организаций, прошедших онлайн-опрос, используют базовые цифровые сервисы (социальные сети, рассылки, облачные сервисы); 41 % только начинают изучать цифровые инструменты и технологии; 20 % задумываются о создании стратегии цифровой трансформации; 15 % разработали стратегию цифровой трансформации, либо находятся в процессе цифровой трансформации; 10 % приступили к цифровой трансформации организации, но пока этот процесс затрагивает только руководство или отдельных сотрудников; 4 % успешно прошли цифровую трансформацию (все основные стороны деятельности эффективно оцифрованы).

На вопрос о том, по каким видам цифровой деятельности обследованные социально ориентированные некоммерческие организации хотели бы усилить компетенции своего персонала, ответы респондентов были следую-

²⁸ Фонд целевого капитала «Истоки» был зарегистрирован 5 марта 2013 года. Доход от инвестирования целевого капитала направляется на развитие социальных и историко-культурных программ Фонда Андрея Первозванного, а также проекты в сфере образования, философии, науки и сохранения исторического наследия.

²⁹ Форум Доноров – ассоциация крупнейших грантодающих организаций, работающих в России. Это объединение фондов и компаний, системно занимающихся благотворительной деятельностью.

³⁰ Цифровая трансформация – внедрение новых технологий (искусственный интеллект, блокчейн, анализ данных, интернет вещей) и глубокое, комплексное преобразование продуктов и услуг, структуры организации, стратегии ее развития, организационной культуры, работы с донорами и благополучателями.

щими: использование цифровых технологий в фандрайзинге (54 %); знание аудитории (получение обратной связи от пользователей с помощью цифровых технологий) (48 %); работа с данными (сбор, обработка, аналитика, управление данными) (46 %); создание и развитие собственных цифровых продуктов (41 %); представление и продвижение в социальных сетях (35 %); умение расставить управленческие приоритеты (какие технологии внедрять, очередность и пр.) (34 %).

Ответы на вопрос о том, с какими проблемами сталкиваются социально ориентированные некоммерческие организации при внедрении цифровых технологий, таковы: недостаток необходимых навыков и кадров (76 %); недостаток финансирования (62 %); мешает устоявшаяся практика организации, привычки, настрой сотрудников, традиции, писанные и неписанные правила (38 %). Из представленных ответов на данный вопрос можно сделать вывод о том, что не все организации могут наблюдать за развитием рынка цифровых технологий и объективно оценивать свои возможности в данной области. Полученные результаты свидетельствуют о наличии проблем, с которыми сталкиваются социально ориентированные некоммерческие организации. Помощь в их решении может быть оказана по двум направлениям: со стороны государства и со стороны предпринимательского сектора.

Итак, что может сделать государство в целях поддержки внедрения цифровых технологий в деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций? В числе первоочередных мер, на целесообразность которых обратили внимание более 50 % опрошенных респондентов, следующие: распределение целевых грантов для освоения некоммерческими организациями цифровых технологий; организация бесплатного обучения цифровым навыкам их сотрудников; организация банка лучших практик в сфере цифровой трансформации. В следующую группу входят меры, которые указаны в более чем 40 % ответов респондентов: перенаправление части ресурсов, участвующих в развитии государственных цифровых сервисов³¹, на развитие цифровых технологий в области благотво-

рительности (лат. *digital pro bono*); финансирование налогового вычета для провайдеров, оказывающих цифровые услуги некоммерческим организациям; создание условий в целях привлечения ресурсов бизнеса для цифровой трансформации благотворительности; создание возможностей для некоммерческих организаций присутствовать на государственных цифровых площадках. И, наконец, около 30 % опрошенных высказались за принятие государственной программы цифровой трансформации некоммерческого сектора.

Относительно того, что может сделать бизнес в целях поддержки внедрения цифровых технологий в социально ориентированные некоммерческие организации, пожелания респондентов распределились следующим образом:

1. Компании, владеющие цифровыми технологиями, могли бы оказывать помощь некоммерческим организациям на принципах *pro bono publico* (лат. «ради общественного блага»). Это означает оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям на безвозмездной основе, а именно: обучение сотрудников некоммерческих организаций, решение конкретных задач (93 % ответов).

2. Компании, оказывающие цифровые услуги, могли бы формировать специальные, более льготные предложения для некоммерческих организаций (79 % ответов).

Выводы, которые можно сделать на основе контент-анализа, следующие:

1. Цифровая трансформация актуальна для большинства социально ориентированных некоммерческих организаций; часть из них уже приступили к овладению соответствующим инструментарием.

2. Степень «цифровой зрелости» тесно связана с размерами организаций: 93 % из прошедших опрос используют только базовые цифровые инструменты и имеют в штате менее 10 человек; 86 % организаций, разработавших стратегии цифровой трансформации, имеют в штате более 11 человек; успешно завершили цифровую трансформацию преимущественно корпоративные фонды.

³¹ Имеется в виду сервис «Госуслуги».

3. Выявлены различия в целеполагании: на начальном этапе цифровой трансформации организации планируют использовать информационно-коммуникационные технологии в основном для фандрайзинга; социально ориентированные некоммерческие организации, активно вовлеченные в процесс цифровой трансформации, в качестве основного результата ожидают повышения качества управленческих процессов.

Разработка проектов и программ на перспективу зависит от того, какие задачи социально ориентированная некоммерческая организация ставит перед собой. В целом, любая автоматизация и цифровизация внутренних процессов должна преследовать одну ключевую задачу – повышение внутренней эффективности организации. Внедрение современных инструментов позволяет существенно сократить объем ручного труда и, как следствие, повысить качество работы, сократить издержки, снизить вероятность ошибок человеческого фактора. Сложность инновационных изменений состоит в том, что они требуют существенных ресурсных и временных затрат персонала организации.

На основе мнений экспертов можно проследить тренды благотворительности на предстоящие годы. Например, управляющий директор благотворительного фонда «Подсолнух» И. Баркадзе полагает, что основной проблемой на среднесрочную перспективу (2–3 года) будет оставаться способность организации сохранять финансовую стабильность, и в этой связи вполне вероятно появление социально ориентированных некоммерческих организаций, более сфокусированных на поиске механизмов повышения эффективности собственного функционирования, нежели на приверженности ценностям миссии [29]. На наш взгляд, целесообразно применять более сбалансированную концепцию, предполагающую совмещение обеих направлений деятельности, поскольку это важно для сохранения предназначения и развития нормативных правовых основ некоммерческого сектора. В ка-

честве ключевой характеристики менеджмента некоммерческих организаций и персонала в целом можно рекомендовать такие критерии оценки, как умение работать на опережение, предложение и апробацию новых способов решения проблем, применение инновационных технологий и способов коммуникации.

Директор по развитию бизнеса некоммерческого благотворительного проекта PHILIN³² С. Горбачева указывает на одну из проблем социально ориентированных некоммерческих организаций, которая состоит в недостаточно активной автоматизации внутренних процессов. Так, по ее мнению, многие организации пока не достигли необходимого уровня организационного развития, но для тех из них, которые планируют масштабирование, этот вопрос является первоочередным. В этой связи одним из прогрессивных трендов должна стать автоматизация массового фандрайзинга: это основа работы крупных фондов как доноров, вызывающих доверие в обществе [29].

Как представляется, имеющиеся в деятельности некоммерческих организаций нерешенные вопросы актуализируют целый ряд взаимосвязанных проблем. Например, как выбрать реципиента? Для решения этого вопроса необходимо выработать четкие критерии предоставления грантов: кому именно и на какие цели следует в первоочередном порядке выделять финансовые ресурсы? Каким образом ранжировать потребности получателей бюджетных ассигнований? Как лучше организовать контроль за своевременностью и целевым использованием средств и, главное, по каким методикам оценивать результаты работы, степень удовлетворенности получателей социальных услуг? Все эти вопросы являются ключевыми для упорядочения деятельности социально ориентированных НКО, а ответы на них могут быть получены только при активизации научных исследований и согласованной творческой работы всех заинтересованных сторон.

Нормативные правовые основы деятельности социально ориентированных некоммер-

³²PHILIN (Philanthropy Infrastructure) – это проект, направленный на профессионализацию индустрии благотворительности в России. Клиентам — благотворительным фондам и другим НКО — предлагается пакет услуг, включающий бухгалтерию под ключ, юридическое, кадровое сопровождение, услуги в области финансов, IT-сервис.

ческих организаций перманентно совершенствуются. В свете исполнения поручения Президента Российской Федерации В. В. Путина от 16 января 2019 г. разработаны два законопроекта. В первом предусматривается распространение мер поддержки, имеющихся у субъектов малого и среднего бизнеса, на социально ориентированные некоммерческие организации, по следующим направлениям: уменьшение количества проверок надзорных органов; совершенствование системы отчетности социально ориентированных некоммерческих организаций; предоставление права преимущественного выкупа арендуемых помещений; предоставление права получать поручительства и гарантии [30]. Во втором законопроекте предполагается, во-первых, распространить на социально ориентированные некоммерческие организации нормы трудового законодательства, в соответствии с которыми микропредприятиям предоставлено право отказать полностью или частично от принятия локальных нормативных актов, которые содержат нормы трудового права, а именно: правила внутреннего трудового распорядка, положение об оплате труда, положение о премировании, график сменности и другие; во-вторых, предоставить возможности заключения некоммерческими организациями срочного трудового договора по аналогии с работодателями – субъектами малого предпринимательства [31].

Заключение

По результатам выполненного исследования можно сформулировать следующие выводы. Происходит формирование рынка социальных услуг на качественно новой основе (исходя из структуры входящих элементов) и с расширенным составом участников. Функции некоммерческих организаций развиваются, а предоставляемые ими услуги существенно диверсифицируются. В процессе поиска путей оптимизации экономической деятельности организуется социальное партнерство и межсекторальное взаимодействие, создается конкурентная среда за счет расширения реестра поставщиков социальных услуг. В целях повышения эффективности системы социального обслуживания пересматриваются модели предоставления социальных услуг,

создаются новые механизмы и способы их финансирования.

Жизненно важными вопросами для дальнейшего развития социально ориентированных некоммерческих организаций являются привлечение новых партнеров в целях расширения масштабов поддержки, диверсификация источников финансирования, конструирование новых моделей работы с благополучателями, увеличение медиаактивности путем освещения различных аспектов деятельности в средствах массовой информации, повышение информированности граждан и воспитание доверия к некоммерческому сектору. В этой связи требуются усилия и инициаторы для развития инновационных механизмов выделения денежных средств для социально ориентированных некоммерческих организаций. Это могут быть такие инструменты, как краудфандинг, спонсорство и благотворительность юридических и физических лиц. Для успешной реализации региональных проектов социально ориентированным некоммерческим организациям нужна поддержка региональных органов власти в виде принятия целевых подпрограмм в составе соответствующих госпрограмм. Значение имеет обеспечение репрезентативности и сопоставимости данных при межрегиональных исследованиях.

Требует совершенствования нормативное правовое регулирование. Например, разработка стандарта открытости деятельности (и, соответственно, отчетности), регулярная публикация обязательных сведений об использовании финансовых средств юридических и физических лиц. Такие действия будут способствовать росту доверия к некоммерческому сектору, роль которого возрастает в условиях формирования гражданского общества в России, и поиску дополнительных финансовых средств из различных источников. Например, важный аспект диверсификации – привлечение социальных инвестиций в рамках программ корпоративной социальной ответственности предпринимательского сектора. Полученные средства по итогам конкурсов «президентских грантов» рекомендуется направлять преимущественно для реализации мероприятий в рамках приоритетных социальных и природоохранных проектов.

Таким образом, социально ориентированные некоммерческие организации обладают весомым потенциалом, а их вклад в экономическое развитие территорий увеличивается. Это можно проиллюстрировать разнообразием способов мобилизации финансовых ресурсов из различных источников и использованием инновационных механизмов финансирования реализации программ и проектов. В целях активизации данной деятельности создается институциональная инфраструктура, развивается внутрирегиональный уровень региональной экономической политики, а ее содержание трансформируется в соответствии с потребностями формирующегося гражданского общества.

Некоммерческие организации призваны реализовывать общественно значимые цели: социальные, культурные, благотворительные, образовательные, научные, управленческие. В процессе их функционирования создаются новые рабочие места, что способствует росту доходов населения, повышению занятости в творческих сферах деятельности и, в целом, росту интеллектуального потенциала. Именно этим определяется их чрезвычайно важная

роль в экономической системе России. В современный период становления социального государства закономерно расширяется сфера деятельности некоммерческих организаций, происходит переоценка их потенциала, переосматриваются и вместе с тем усложняются выполняемые ими функции. Все названные обстоятельства обуславливают повышение интереса к исследованию сохраняющихся (имеющихся, наблюдаемых) проблем у некоммерческих организаций, способствуют развитию разносторонних научных исследований: как теоретического, так и практического плана.

Активная роль в нормотворческой деятельности и организации практической работы по цифровизации финансовой сферы принадлежит Министерству финансов Российской Федерации. В условиях цифровизации, распространения новых информационно-коммуникационных технологий перед национальной финансовой системой встают новые задачи. Проводимая работа по цифровизации управления направлена на повышение эффективности и результативности работы во всей финансовой системе и особенно в звене «финансы некоммерческих организаций».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аузан А., Тамбовцев В. (2005). Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. № 5. С. 28–49.

2. Павленко Ю.Г. (2015). Вызовы развитию: критика гражданского общества. М. : Институт экономики РАН.

3. Полтерович В.М. (2004). Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общество и современность. № 3. С. 5–16.

4. Кирдина С.Г. (2012). Гражданское общество: уход от идеологии // Социологические исследования. № 2. С. 63–73.

5. О некоммерческих организациях : Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 15.09.2020).

6. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций : Федеральный закон от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ // Консультант-

Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения: 28.09.2020).

7. Об утверждении Официальной статистической методологии по организации статистического наблюдения за деятельностью социально ориентированных некоммерческих организаций : Приказ Федеральной службы государственной статистики от 26 августа 2014 г. № 531 // Минэкономразвития России. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627572/> (дата обращения: 02.10.2020).

8. Игонина Л.А. (2016). Финансовая система и экономическое развитие: монография. М. : Русайнс.

9. Кулькова В.Ю. (2016). Трансформация устойчивости СО НКО в Российской Федерации : Монография. Казань: Печать-Сервис.

10. Якобсон Л.И., Мерсиянова И.В., Кононыгина О.Н. [и др.]. (2011). Гражданское общество в модернизирующейся России : Аналитический доклад центра исследований гражданско-

го общества и некоммерческого сектора НИУ «ВШЭ». М. URL: <https://www.hse.ru/data/2011/10/24/1268873714/CIVICUS%20Russia%20RUS.pdf> (дата обращения: 09.09.2020).

11. Salamon L.M., Toepler S. Government-Nonprofit Cooperation: Anomaly or Necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations*, December 2015, vol. 26, no. 6, pp. 2155–2177.

12. Brandsen T., Pape U. (2015). Barriers and Opportunities of Third Sector Development in the Netherlands, National Report. The Netherlands, TSI Working Paper Series.

13. Молчанова Н.П., Молчанов И.Н. (2020). Экономическая и финансовая политика: научные основы и практические аспекты : Монография / Н. П. Молчанова, И. Н. Молчанов. М. : МАКС Пресс.

14. О ежегодном докладе о деятельности и развитии СО НКО : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 27 января 2011 г. № 87-р (п. 8 Плана мероприятий) ; Поручение Правительства Российской Федерации от 19 февраля 2013 г. № ОГ-П44-47пр // Минэкономразвития России. URL: <http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/tiff2pdf.pdf> (дата обращения: 04.10.2020).

15. Доклад о деятельности и развитии социально ориентированных некоммерческих организаций // Минэкономразвития России. URL: https://economy.gov.ru/material/file/17139577416ce2cf897877dca5911766/Doklad_2019.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

16. Участие НКО в оказании услуг в социальной сфере : Специальный доклад Общественной палаты Российской Федерации / Общественная палата Российской Федерации ; сост. и общ. ред. Е. А. Тополева-Солдунова, Е. Г. Орлова, О. В. Коротеева, А. М. Спивак, Р. М. Ольховский, А. А. Вавилова, В. Б. Беневоленский ; рецензенты: Е. Ю. Ветрова, Т. Г. Насриддинов. М. : Современные информационные системы, 2019. 96 с.

17. Мерсиянова И.В., Якобсон А.И. (2011). Сотрудничество государства и структур гражданского общества в решении социальных проблем // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 5–24.

18. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б. (2016). Преимущества НКО как поставщиков социальных услуг: апробация в российских условиях // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 7–26.

19. Мерсиянова И.В., Беневоленский В.Б.

(2017). НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 83–104.

20. Финансы некоммерческих организаций : Учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / под ред. И. В. Ишиной. М. : Издательство Юрайт, 2016.

21. Коротина Н.Ю., Абрамкина С.Р., Алдошенко Е.В. (2019). Особенности финансовой поддержки социально ориентированных проектов в муниципальном образовании // Социум и власть. № 2 (76). С. 46–55.

22. Об утверждении приоритетных направлений деятельности в сфере оказания общественно полезных услуг : Указ Президента РФ от 8 августа 2016 г. № 398 (в ред. от 1 июля 2017 г.) // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202901/ (дата обращения: 28.09.2020).

23. Кобыльников В.П. (2019). Актуальные проблемы финансовой поддержки некоммерческого сектора региона (на примере предоставления «президентских грантов») // Проблемы развития территории. № 1 (99). С. 107–120. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.7.

24. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 15.09.2020).

25. Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016–2020 годы : Утв. Правительством Российской Федерации 23 мая 2016 г. № 3468п-П44 // Минэкономразвития России. URL: https://economy.gov.ru/material/file/126367430a2e623cd0504093c32dd9e3/kompleks_mer.pdf (дата обращения: 04.10.2020).

26. Захарова А. Цифровизация благотворительности – эмпапы, живущие в сети // SDG-MEDIA.RU. URL: <https://sdg-media.ru/ot-serdca-k-cifre-i-obratno/> (дата обращения: 14.09.2020).

27. Альпидовская М.А., Стомпелева Е.С. (2020). Институциональные особенности цифровизации российской экономики // Вестник Волгоградского университета. Экономика. Т. 22, № 1. С. 15–22. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.1.2.

28. Первое в России исследование вовлеченности российских благотворительных организаций в цифровую трансформацию // Форум Доноров. URL: https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf (дата обращения: 15.09.2020).

29. Переход на цифру уже произошел. Эксперты о будущем благотворительности // РИА НОВОСТИ. Социальный навигатор. URL: <https://sn.ria.ru/20191022/1560079049.html> (дата обращения: 11.09.2020).

30. О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования регулирования деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций : Проект Федерального за-

кона ; подготовка. Минэкономразвития России (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 12.04.2019) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=183393#035551633271383953> (дата обращения: 01.10.2020).

31. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части установления особенности регулирования труда лиц, работающих у работодателей, являющихся некоммерческими организациями : Проект Федерального закона № 1022523-7 (редакция, внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.09.2020) // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199473#05699547654146051> (дата обращения: 01.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Молчанов Игорь Николаевич – доктор экономических наук, профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (119991, Россия, Москва, Ленинские горы, 1); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, 49); 9392940@gmail.com.

Молчанова Наталья Петровна – доктор экономических наук, доцент; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (125993, Россия, Москва, Ленинградский пр-кт, 49); 2520641a@gmail.com.

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE FINANCIAL MANAGEMENT OF SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

I.N. Molchanov^{33a,b}, N.P. Molchanova^{34b}

^aLomonosov Moscow State University

^bFinancial University under the Government of the Russian Federation

ABSTRACT:

Purpose: to identify the existing problems in the financial management of the non-profit sector; consideration of the benefits of digital transformation in relation to socially oriented non-profit organizations and its impact on the implementation of socially important programs and projects, improving social services for the population.

Methodology and methods: based on the application of general economic and private scientific methods – analysis and synthesis, induction and deduction, system and institutional approaches, economic, factor and criterion types of analysis, heuristic methods, the use of content analysis in processing official statistical data, the results of sociological research and expert assessments-theoretical positions and empirical materials, legislative documents are studied, information from various sources is verified. The study used materials from official information sources (regulatory legal regulations and instructions, scientific papers, reports, and other publications), which form a reliable basis for analyzing the specifics of non-profit organizations.

³³RSCI AuthorID: 186567, ORCID: 0000-0003-4252-2387, ScopusID: 57190766747, ResearcherID: J-7684-2012

³⁴RSCI AuthorID: 491799, ORCID: 0000-0002-3019-0672, ScopusID: 57190763402, ResearcherID: Q-8208-2017

Results: taking into consideration consideration of what is happening in the national financial system transformation the authors conducted a comparative analysis of the measures proposed by the national government and the actions implemented by the competent authorities. These actions are strategically linked to achieving balanced development of the finances of non-profit organizations and strengthening the dynamically developing element – finances – of socially oriented non-profit organizations. The reasons that hinder the functioning of the non-profit sector and hinder the effective financial management of non-profit organizations, the formation and use of financial resources intended for solving socially significant problems of society are identified. Methods and technologies of financial and economic regulation recommended for practical use are systematized; proposals are formulated to improve the results of the non-profit sector.

Recommendations: in order to improve the efficiency of the social service sector, it is advisable for public and municipal authorities to take into account the specifics of spatial development in order to maximize the use of resource and labor potential, as well as the settlement structure of the population when developing strategic and tactical issues related to the functioning of the non-profit sector, developing special programs, projects and activities, and designing institutional infrastructure facilities. In order to improve the results and strengthen the financial and economic situation, the management of socially oriented non-profit organizations should focus on demand and choose the most popular types of activities at the municipal level of management; take into account living conditions of the consumers of socially significant services in urban and rural areas; use innovative methods and tools to increase productivity and results; focus on the maximum use of effective digital technologies; give priority to staff training and professional development.

The scientific novelty of the work consists in selecting tools for socially oriented non-profit organizations and justifying the feasibility of using the recommended innovations to improve the efficiency of social services.

KEYWORDS: financial management, digitalization, socially oriented non-profit organizations, institutional structure, non-profit sector, civil society.

FOR CITATION: Molchanov I.N., Molchanova N.P. (2020). The impact of digitalization on the financial management of socially oriented non-profit organizations, *Management Issues*, no. 6, pp. 40–58.

REFERENCES

1. Auzan A., Tambovtsev V. (2005). The economic significance of civil society // *Economic Issues*, no. 5, pp. 28–49.
2. Pavlenko Yu.G. (2015). *Development Challenges: Criticism of Civil Society*. M.: Institute of Economics RAS.
3. Polterovich V.M. (2004). Institutional traps: is there a way out? *Society and modernity*, no. 3, pp. 5–16.
4. Kirdina S.G. (2012). Civil Society: Avoiding Ideologema, *Sociological Research*, no. 2, pp. 63–73.
5. On non-profit organizations. Federal Law no. 7-FZ dated January 12, 1996. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (accessed 15.09.2020).
6. On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation on the support of socially oriented non-profit organizations. Federal Law no. 40-FZ dated April 5, 2010. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_91113/ (accessed 28.09.2020).
7. On the approval of the Official statistical methodology for organizing statistical observation of the activities of socially oriented non-profit organizations. Order of the Federal State Statistics Service no. 531 dated August 26, 2014. Ministry of Economic Development of Russia. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627572/> (accessed 02.10.2020).
8. Igonina L.L. (2016). *Financial system and economic development*. Moscow, Rusayns.
9. Kulkova VYu. (2016). *Transformation of Sustainability of SO of NPOs in the Russian Federation*. Kazan, Printing Service.
10. Yakobson L.I., Mersiyanova IV., Kononykhina O.N., et al. (2011). *Civil Society in Modernizing Russia*. Analytical Report of the Center for Civil Society Research and the Non-Profit Sector of the Higher School of Economics. Moscow. URL: https://www.hse.ru/data/2011/24.10.1268873714/CIVIL_CUS%20Russia%20RUS.pdf (accessed 09.09.2020).
11. Salamon L.M., Toepler S. *Government-*

Nonprofit Cooperation: Anomaly or Necessity? *Voluntas: International Journal of Voluntary and Non-profit Organizations*, December 2015, vol. 26, no. 6, pp. 2155–2177.

12. Brandsen T., Pape U. (2015). Barriers and Opportunities of Third Sector Development in the Netherlands, National Report. The Netherlands, TSI Working Paper Series.

13. Molchanova N.P., Molchanov I.N. (2020). Economic and financial policy: scientific foundations and practical aspects. Moscow, MAX Press.

14. On the annual report on the activities and development of SO of NPOs. Order of the Government of the Russian Federation no. 87-r dated January 27, 2011 (clause 8 of the Action Plan); Instruction of the Government of the Russian Federation no. OG-P44-47pr dated February 19, 2013. Ministry of Economic Development of Russia. URL: <http://nko.economy.gov.ru/upload/docs/tiff2pdf.pdf> (accessed 04.10.2020).

15. Report on the activities and development of socially oriented non-profit organizations. Ministry of Economic Development of Russia. URL: https://economy.gov.ru/material/file/17139577416ce2cf897877dca5911766/Doklad_2019.pdf (accessed 04.10.2020).

16. Participation of NGOs in the provision of services in the social sphere. Special report of the Public Chamber of the Russian Federation. Comp. and ed. by E. A. Topoleva-Soldunova, E. G. Orlova, O. V. Koroteeva, A. M. Spivak, R. M. Olkhovsky, A. A. Vavilova, V. B. Benevolensky. Moscow, Modern information systems, 2019, 96 p.

17. Mersiyanova I.V., Yakobson L.I. (2011). Cooperation between the state and civil society structures in solving social problems, *Questions of state and municipal management*, no. 2, pp. 5–24.

18. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. (2016). Advantages of NPOs as providers of social services: approbation in Russian conditions, *Issues of state and municipal management*, no. 4, pp. 7–26.

19. Mersiyanova I.V., Benevolenskiy V.B. (2017). NPOs as providers of social services: verification of weaknesses, *Questions of state and municipal management*, no. 2, pp. 83–104.

20. Finance of Non-Profit Organizations. Textbook and Workshop for Bachelor's and Master's Degree. Ed.: I. V. Ishina. Moscow, Yurayt Publishing House, 2016.

21. Korotina N.Yu., Abramkina S.R., Aldoshenko E.V. (2019). Features of financial support for socially oriented projects in the municipal formation, *Society and Power*, no. 2 (76), pp. 46–55.

22. On the approval of priority areas of activity in the field of providing socially useful services: Decree of the President of the Russian Federation no. 398 dated August 8, 2016 (as amended on July 1, 2017). ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_202901/ (accessed 28.09.2020).

23. Kobyl'nikov V.P. (2019). Topical Issues of Financial Support of the Non-Profit Sector in the Region (on the Example of “Presidential Grants”), *Problems of territory's development*, no. 1 (99), pp. 107–120. DOI: 10.15838/ptd.2019.1.99.7.

24. On the basics of social services for citizens in the Russian Federation. Federal Law no. 442-FZ dated December 28, 2013. ConsultantPlus. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (accessed 15.09.2020).

25. A set of measures aimed at ensuring step-by-step access for socially oriented non-profit organizations operating in the social sphere to budget funds allocated for the provision of social services to the population for 2016–2020: Approved by the Government of the Russian Federation on May 23, 2016 no. 3468p-P44. Ministry of Economic Development of Russia. URL: https://economy.gov.ru/material/file/126367430a2e623cd0504093c32dd9e3/kompleks_mer.pdf (accessed 04.10.2020).

26. Zakharova L. Digitalization of Charity – Empaths Living on the Net. SDG-MEDIA.RU. URL: <https://sdg-media.ru/ot-serdca-k-cifre-i-obratno/> (accessed 14.09.2020).

27. Alpidovskaya M.L., Stompeleva E.S. (2020). Institutional features of digitalization of Russian economy, *Bulletin of Volgograd University. Economy*, vol. 22, no. 1, pp. 15–22. DOI: 10.15688/ek.jvolsu.2020.1.2.

28. Russia's first study of the involvement of Russian charitable organizations in digital transformation. Donor Forum. URL: https://www.donorsforum.ru/wp-content/uploads/2020/03/TSifrovizatsiya-NKO_infografika.pdf (accessed 15.09).

29. The transition to digital has already taken place. Experts on the future of charity. RIA NOVOSTI. Social navigator. URL: <https://sn.ria.ru/20191022/1560079049.html> (accessed 11.09.2020).

30. On amendments to some legislative acts of the Russian Federation in terms of improving the regulation of the activities of socially oriented non-profit organizations. Draft Federal Law; prepared by Ministry of Economic Development of Russia (not included in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of April 12, 2019). ConsultantPlus. URL: <http://www.consultant.ru/co>

ns/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=183393#035551633271383953 (accessed 01.10.2020).

31. On amendments to the Labor Code of the Russian Federation in terms of establishing the specifics of labor regulation of persons working for employers who are non-profit organizations. Draft

Federal Law no. 1022523-7 (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of September 17, 2020). Consultant Plus. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=199473#05699547654146051> (accessed 01.10.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Igor N. Molchanov – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Lomonosov Moscow State University (1, Lenin Hills, Moscow, 119991, Russia); Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Av., Moscow, 125993, Russia); 9392940@gmail.com.

Natalia P. Molchanova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Associate Professor; Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky Av., Moscow, 125993, Russia); 2520641a@gmail.com.

СОЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

SOCIAL MANAGEMENT

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ ЗОН ВОЗДЕЙСТВИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ НА СФЕРУ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

О.А. Коропец^а, А.С. Мельникова^б, М.С. Меньшикова^а

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

^бУральский государственный университет путей сообщения

АННОТАЦИЯ:

Изучение глобальных экономических и социальных рисков имеет особое значение в связи с трансформацией сферы труда в России и мире. Внимание авторов статьи уделено тенденциям перехода к изменению системы трудовых отношений в условиях четвертой промышленной революции.

Цель. Выделение зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков на сферу трудовых отношений в зависимости от быстро меняющихся внешних и внутренних факторов труда, связанных с четвертой промышленной революцией.

Методы. Авторами использованы классические методы статистического и системного анализа при изучении статистических данных, отчетов международных организаций, аналитических материалов. Дополнительно применены элементы социологических исследований, которые состоят в использовании данных социологических опросов, экспертных опросов.

Результаты. Проведенный анализ влияния глобальных угроз на трудовые отношения показал недостаточную разработанность этой проблемы. Авторами идентифицированы основные зоны риска в сфере трудовых отношений с учетом воздействия внешних (глобальных) – социальных и экономических – и внутренних (психологических) факторов: безработица, снижение дохода, снижение производительности труда, трудовые миграции, физическая и психологическая трудоспособность, условия труда. Проанализированы тенденции трансформации трудовых отношений в современных измененных условиях пандемии коронавируса. В дальнейших исследованиях планируется выделение зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков четвертой промышленной революции, характерных для отдельных стран и регионов.

Научная новизна. Применяемый комплексный подход позволил авторам рассмотреть во взаимосвязи с глобальными рисками психологические риски, влияющие на социально-психологическое благополучие работников.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: трудовые отношения, глобальные экономические риски, глобальные социальные риски, безработица, Индустрия 4.0, пандемия, социально-психологическое благополучие работников.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Коропец О.А., Мельникова А.С., Меньшикова М.С. (2020). Идентификация потенциальных зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков на сферу трудовых отношений // Вопросы управления. № 6. С. 60–70.

Введение

Мир стоит на пороге глобальных изменений в экономике и обществе в целом, связанных прежде всего с четвертой промышленной революцией. Появляются новые вызовы, которые оказывают значительное влияние на идентификацию потенциальных гло-

бальных рисков. В связи с этим особую актуальность приобретают исследования потенциальных зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков в России и мире. Глобальные риски находятся в центре внимания ведущих отечественных и зарубежных ученых в области экономики, права,

политологии, социологии и психологии [1–4]. С. Ю. Солодовников подчеркивает, что в современной экономике риски имеют непредсказуемый характер, и дает следующее определение: «Экономика риска – экономика высокотехнических и наукоемких производств, характеризующаяся высочайшей степенью политико-экономических, технологических, финансовых и экологических неопределенностей и рисков» [5, с. 39]. О. Б. Иванов отмечает, что «глобальные проблемы цивилизационного масштаба невозможно побороть в разобщенном мире» [6, с. 18]. Четвертая промышленная революция (Индустрия 4.0) серьезно влияет на мировой рынок труда. Эти изменения связаны с перестройкой промышленности, которая заключается в развитии робототехники, цифровизации экономики, автоматизации производства и сферы услуг. Индустрия 4.0 наряду с возможностями несет угрозы для социально-психологического благополучия населения, связанные, прежде всего, с технологической безработицей и снижением уровня доходов некоторых категорий работников [7]. Ключевой зоной риска на сегодняшний день можно назвать трудовые отношения, на которые оказали большое влияние новые факторы (к ним можно отнести, в частности, пандемию коронавируса COVID 19). Ее воздействие оказало серьезное влияние на сферу труда во всем мире. Сейчас аналитики корректируют свои прогнозы и составляют планы выхода из создавшегося кризиса на рынке труда. Этим обусловлено исследование потенциальных зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков на сферу трудовых отношений. Исходя из влияния глобальных рисков на общество и экономические отношения возможен более точный прогноз изменения рынка труда в ближайшее время.

Цель исследования – выделение зон воздействия глобальных экономических и социальных рисков на сферу трудовых отношений в зависимости от быстро меняющихся внешних и внутренних факторов труда, связанных с четвертой промышленной революцией.

Теоретические и методологические основы исследования

Для понимания места социально-трудовых рисков в обществе проанализируем те гло-

бальные угрозы, которые выделяли специалисты в последние годы. В первую очередь, рассмотрим данные доклада о глобальных рисках – 2020, опубликованного по итогам Всемирного экономического форума (ВЭФ). Эти данные получены путем опроса 800 мировых экспертов [8]. Глобальные риски оценены с точки зрения вероятности их возникновения и степени воздействия на общество. По итогам опроса были выделены следующие основные категории: экономические, экологические, геополитические, социальные и технологические. Следует отметить, что в перечне глобальных угроз риски трудовых отношений могут возникать в экономической, социальной и технологической категориях. К сожалению, итоговый перечень не выделяет отдельно социально-трудовые риски. Перечень глобальных угроз выглядит следующим образом:

- геополитическая нестабильность;
- проблемы экономического развития;
- недостаточные меры по противодействию изменению климата;
- негативные последствия от утраты биоразнообразия;
- малоэффективное управление развитием технологий;
- сбои национальные системы здравоохранения.

В краткосрочном периоде, кроме экологических рисков, выделена проблема замедления экономического роста, которая может опосредованно оказать влияние на трудовые отношения. В целом, акцент сделан на экологических угрозах. Так, в отчете ВЭФ «Глобальные риски» в числе первых пяти глобальных рисков на следующие 10 лет указаны: погодные катаклизмы, изменения климата, природные катаклизмы, сокращение биологического разнообразия, разрушение экосистем [9]. Экономические проблемы отнесены только к краткосрочным угрозам, социальные проблемы для сферы труда отдельно не выделены, за исключением структурной безработицы. Если рассмотреть историю рассмотрения глобальных рисков с точки зрения проблем в трудовой сфере, то неравенство доходов было выделено приоритетно в 2012–2014 гг., вынужденная миграция – в 2016 г. В результате можно говорить о слабом интересе к проблемам рынка труда,

рискам, развитие которых не выделяются в отдельную проблему. В целом авторы согласны с мнением В. Б. Белова о том, что итоги форума в Давосе в 2019 г. свидетельствуют об экономическом пессимизме и недосказанности [10].

Рассмотрим глобальные вопросы повестки для еще одной общемировой организации – ООН [11]. Экспертами выделены те глобальные вопросы, которые напрямую или косвенно влияют на социально-трудовые отношения:

- гендерное неравенство: доступ женщин к образованию и экономическим ресурсам, возможность трудоустройства и занятия руководящих должностей, неравенство доходов;

- ликвидация нищеты: нехватка дохода и ресурсов, ограниченный доступ к образованию и трудоустройству ряда слоев населения;

- миграция: перемещение в поисках лучшей работы, образования, экономических благ;

- молодежь: занятость молодежи, доступность образования;

- народонаселение: уровень рождаемости и смертности, увеличение продолжительности жизни, международная миграция.

Выделенные элементы повестки указывают на внешние угрозы в сфере труда во всем мире и могут стать основой для выделения отдельной группы рисков для социально-трудовых отношений.

При оценке угроз в сфере труда помимо глобальных рисков, важно учитывать ряд психологических факторов, которые оказывают прямое влияние на эффективность работников. Можно выделить ряд таких факторов:

- неблагоприятная психологическая обстановка на рабочем месте;

- снижение производительности труда в результате депрессии;

- притеснение и запугивание работника, в частности со стороны руководителя;

- ограниченное участие в принятии решений;

- нечеткие задачи или организационные цели;

- ненадлежащие меры гигиены труда и охраны здоровья работников.

Эти факторы можно отнести к внутренним (психологическим) рискам для сферы трудовых отношений. Они оказывают влияние, в

первую очередь, на эффективность труда, что несет серьезные проблемы для отдельных организаций и экономики в целом. Так, снижение производительности труда работников в результате депрессии и тревожности составляет, по оценкам специалистов Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), 1 трлн долларов ежегодно во всем мире. Депрессией в мире страдает около 264 млн человек. Также депрессию часто называют одним из психологических факторов безработицы, что уже является основным риском для трудовых отношений. Нарушения физического и психологического здоровья работника вследствие различных неблагоприятных факторов труда ведет к рискам злоупотребления алкоголем и психотропными веществами, прогулам, браку, травматизму, низкой производительности труда. Специалисты ВОЗ рассчитали, что вложение 1 доллара в улучшение психологического здоровья работника может принести 4 доллара за счет повышения производительности труда [12]. Влияние психологических рисков на социально-психологическое благополучие работников обусловлено реальным воздействием глобальных экономических и социальных угроз на трудовые отношения. В связи с чем, на взгляд авторов, при идентификации потенциальных зон воздействия рисков в сфере трудовых отношений их также нужно учитывать; и хотя они и не относятся к глобальным рискам, однако связаны с ними и взаимно детерминированы.

Кроме рассмотренных факторов внешней и внутренней среды следует учитывать современные условия развития социально-трудовых отношений. К ним можно отнести объективный фактор перехода к индустриальной системе «Индустрия 4.0» и субъективные условия пандемии COVID-19, которая обнажила недостатки и уязвимые места в сфере труда и обществе в целом (рис. 1).

Промышленная революция «Индустрия 4.0» серьезно влияет на мировой рынок труда. Эти изменения связаны с перестройкой промышленности, которая заключается в развитии робототехники, цифровизации экономики, автоматизации производства и сферы услуг. Компания *Hayu* совместно с *Oxford Economics* дважды в год проводит анализ рынка труда

Рисунок 1 – Взаимосвязь рисков, влияющих на сферу труда в современных условиях

Figure 1 – Interrelation of risks affecting the world of work in modern conditions

в 33 странах; по их прогнозам «Индустрия 4.0» окажет серьезное влияние на рынок труда [13]. В первую очередь, это коснется исчезновения рабочих мест среднего уровня, произойдет общее изменение структуры рынка труда по профессиям и уровню квалификации. Эксперты отмечают, что автоматизация может создать больше низкоквалифицированных и высококвалифицированных рабочих мест. В частности, по мнению экспертов Сената Итальянской Республики, организационные изменения, связанные с Индустрией 4.0, могут привести к сценарию более глубокой социально-экономической поляризации (навыков, доходов и территорий). Это безусловно может привести к еще большему неравенству в распределении богатства, широко распространенному параличу социальной мобильности и росту абсолютной бедности [14].

Данные показывают, что во многих странах мира число работников промежуточного уровня (англ. *middle skills*), будучи замененными в условиях цифровизации и глобализации, значительно сокращается [15]. Также, по мнению аналитиков, произойдет увеличение численности дистанционно занятых работников, что повлечет за собой и необходимость трансформации образовательных программ высшего образования и пересмотр требований работодателей к компетенциям работников [16]. При этом ожидается снижение себестоимости производства товаров и услуг, 44 % работников с низким уровнем образования и 30 % рабочих мест будут подвержены риску автоматизации к 2030 г. [17].

Автоматизация существенно изменит структуру рынка труда. Дополнительным рискам будут подвергаться следующие категории работников: рабочие при внедрении автоматизации на промышленных предприятиях, офисные и административные работники, работники сферы услуг. Останутся востребованы научно-технические специалисты, инженеры и лица, имеющие высшее образование. В сфере IT-технологий ожидается увеличение рабочих мест. В особую группу риска потери работы попадают женщины, молодежь и лица старшего возраста [18; 19]. Хотя автоматизация и роботизация производства относятся к глобальным технологическим рискам, очевидно ее влияние на занятость и доходы населения. Сегодня существуют достаточно противоречивые исследования на этот счет [20; 21]. Одни ученые считают, что четвертая промышленная революция не окажет значительного влияния на безработицу в связи с перераспределением сфер занятости. Другие опасаются роста технологической безработицы и прогнозируют снижение доходов населения.

Действительно, сегодняшний мировой опыт свидетельствует о тесной взаимосвязи между внедрением роботов и занятостью (например, в США). Так, в районах с наиболее высоким уровнем внедрения роботов в период с 1990 по 2007 гг. как уровень занятости, так и уровень заработной платы значительно снизились. За этот период внедрение одного нового робота на 1 000 рабочих привело к уменьшению местного коэффициента занятости населения на 0,34 % и местной заработной платы на 0,5 %. Это эквивалентно потере 5,6 рабочих на каждого робота [22]. В то же время другими экспертами осуществлен анализ данных о внедрении роботов в отраслях промышленности в 17 странах с 1993 по 2007 гг. с использованием новых инструментальных переменных. Анализ показал, что увеличение использования роботов способствовало увеличению производительности труда примерно на 0,36 %, одновременно увеличивая общую производительность факторов производства и снижая цены на продукцию. Роботы значительно не сократили общую занятость, хотя и сократили долю занятости низкоквалифицированных работников [23].

Таким образом, технологические изменения системы «Индустрия 4.0» в настоящий момент времени привели к плавной трансформации структуры рынка труда и не вызвали резкого роста безработицы. Это было вызвано стагнацией отдельных экономик, которая привела к замедлению процессов цифровизации и автоматизации. В частности, по мнению Сената Итальянской Республики, в отличие от предыдущей промышленной революции, когда технология была интегрирована для повышения эффективности человеческой деятельности, Индустрия 4.0 не ограничивается поддержкой и помощью человеку, а для некоторых видов деятельности полностью заменяет собой человека. Широкий спектр технологий помогает предприятиям полностью революционизировать их бизнес-модели и качество жизни людей, уделяя при этом особое внимание отношениям между компанией и конечными пользователями, а также между работниками и производственными процессами. Рынок труда в Италии, несмотря на небольшой рост занятости, в последние годы сохраняет некоторые критические проблемы и противоречия: уровень занятости является одним из самых низких на континенте; старение населения – средний возраст итальянских рабочих за последние 25 лет увеличился с 38 до 44 лет; гендерный дуализм – молодежь и женщины, уровень занятости которых значительно ниже, чем в среднем по Европе [13].

В 2020 г. мировая пандемия и последующий экономический кризис значительно ускорили процессы автоматизации и привели к принудительной цифровизации рабочих мест [24]. В короткие сроки предприятия были вынуждены перевести сотрудников на удаленную работу, внедрить новые технологии коммуникации, изменить системы организации труда. При этом часть предприятий и некоторые виды профессий оказались в состоянии невосприимчивости. В первую очередь, это сферы деятельности, связанные с контактным обслуживанием клиентов, туризм и развлечения. Соответственно, работники этих сфер оказались в зоне риска безработицы. Серьезно ухудшилось положение самозанятых. По мнению ряда авторов, пандемия коронавируса снизила уровень доверия самозанятых лиц к госу-

дарству, что в дальнейшем приведет к значительному снижению их количества [25, с. 181]. В других сферах экономики также наблюдается тенденция оптимизации численности работников и снижения дохода. Это связано с замедлением экономик в целом, изменением структуры потребления, сокращением заказов промышленных предприятий, снижением покупательной способности населения.

По прогнозу Всемирного банка, можно говорить о сокращении в течение года мировой экономики на 5,2 % [26; 27]. В России Минэкономразвития посчитал экономические потери, которые в апреле составили 12 % ВВП, в мае – 10,7 %, в июне – 6,4 %. Доходы населения в мировом масштабе снизятся на 3,6 %. В России, по данным Росстата, реальные располагаемые денежные доходы населения за 1 квартал 2020 г. сократились на 8 % – впервые с 1999 г. При этом эксперты института «Центр развития» НИУ «ВШЭ» оценили падение доходов населения на 17,5–18 % в годовом выражении [28].

Анализ, проведенный Международной организацией труда (МОТ), показал серьезное влияние мировой пандемии на сферу труда. Во 2 квартале 2020 г. глобальное рабочее время сократилось на 14 % (400 млн рабочих мест). В мае этот показатель составил 10,7 % (305 млн рабочих мест). Количество безработных увеличивается в развивающихся странах, и такая тенденция будет сохраняться. Так, потери рабочего времени распределяются по регионам следующим образом:

Северная и Южная Америка	– 18,0 %;
Европа и Центральная Азия	– 13,9 %;
Азиатско-Тихоокеанский регион	– 13,5 %;
Арабские государства	– 13,2 %;
Африка	– 12,1 %.

В мире 93 % экономически активного населения живут в странах, подверженных росту безработицы вследствие мировой пандемии. Самое серьезное сокращение рабочих мест наблюдается в странах Америки [29]. Что касается категорий работников наиболее пострадавших в сложившейся ситуации, то можно наблюдать, что удар пришелся на самых уязвимых. Например, Международная организация труда в последнем отчете (июль 2020) подчеркивает тот факт, что пандемия по-разному

затронула женщин и мужчин. Женщины в большей степени заняты в тех секторах, которые потерпели наибольшие потери (сектор услуг), или являются представителями профессий, которые напрямую задействованы в борьбе с вирусом (в частности, медицинский персонал, 70 % которого представлено женщинами). Женщины также имеют более ограниченный доступ к социальной защите с точки зрения помощи и ухода (непропорциональный даже в обычное время), который в период пандемии еще более значительно снизился из-за закрытия школ или учреждений по уходу за семьей. Кроме того, женщины часто заняты в неформальной экономике (домработницы), находящейся в данный момент в чрезвычайно сложных обстоятельствах. Второй категорией, в наибольшей степени пострадавшей от COVID-19, является молодежь. Молодые люди, многие из которых уже столкнулись со значительными трудностями на рынке труда до начала пандемии, в настоящее время находятся в еще более сложной ситуации [30].

В России, по официальным данным Росстата, с 1 апреля 2020 г. количество безработных увеличилось в 3,5 раза и на конец июня составило 4,6 млн человек (4,2 % по критериям МОТ) [31]. Ситуация на российском рынке труда сложилась непростая, требующая кардинального изменения подходов к его формированию. Произошло переформатирование структуры рынка труда, которое включило в себя негативное воздействие на работающих: увольнения, сокращения, неполное рабочее время, снижение дохода. Но несмотря на увеличение рисков в трудовой сфере, можно отметить и расширение возможностей в трудоустройстве узких специалистов, повышение цифровой грамотности, освоение новых форм работы, в частности удаленной.

Результаты исследования

Рассмотрев различные глобальные факторы, влияющие на трудовую сферу в данный период времени, можно выделить потенциальные зоны воздействия рисков. Этим рискам подвержен как российский рынок труда, так и мировой.

С этой целью выделим основные группы внешних (глобальных) и внутренних (психологических) рисков для сферы трудовых от-

ношений. Следует отметить, что в классификацию не включены риски законодательства, кадровые риски и иные частные риски, поскольку для каждой страны они будут иметь индивидуальный характер и будут зависеть от специфики их применения. Нами выделены три группы потенциальных рисков: две внешних и одна внутренняя:

1. Внешние экономические риски: спад экономики, рост безработицы, рост теневой занятости, снижение доходов населения, неконтролируемая трудовая миграция, снижение производительности труда и пр.

2. Внешние социальные риски: потеря работы, снижение дохода семьи, социально-трудовые конфликты, изменение структуры рынка вакансий, увеличение нагрузки на работодателя, высокий риск потери работы и дохода для социально уязвимых групп на рынке труда и пр.

3. Внутренние психологические риски: эмоциональное выгорание, снижение самооценки работников, неуверенность в завтрашнем дне, токсическое управление, снижение эффективности работы при депрессии, нарушение физического и психологического здоровья работника и пр.

Некоторые риски могут оказывать влияние на разные потенциальные зоны воздействия. Так, снижение дохода будет риском и для развития экономики, и для семейного благосостояния, и фактором возникновения депрессии у работника. Объединив такие риски, можно получить укрупненные зоны воздействия рисков в сфере труда:

- безработица;
- снижение дохода;
- снижение производительности труда;
- трудовые миграции;
- физическая и психологическая трудоспособность;
- условия труда.

Для оценки воздействия потенциальных рисков на сферу трудовых отношений составим таблицу, где определим, как каждая выделенная зона воздействия риска будет отражаться в той или иной группе риска (табл. 1).

Рассмотренные авторами статьи группы рисков, через воздействие на выделенные в сфере трудовых отношений зоны,

Таблица 1 – Воздействие различных групп рисков на сферу труда¹

Table 1 – Impact of different risk groups on the world of work

Зона воздействия рисков	Потенциальные риски		
	экономические	социальные	психологические
1. Безработица	– низкая собираемость социальных налогов; – выплата пособий	– отсутствие работы; – низкое материальное благополучие; – семейные конфликты	– неопределенность; – невостребованность трудовых навыков; – профессиональная деформация
2. Снижение дохода	– сокращение потребительского рынка; – снижение ВВП	– дифференциация общества; – неудовлетворение базовых потребностей; – нищета	– неудовлетворенность уровнем жизни; – снижение возможности поддержания психического и физического здоровья
3. Снижение производительности труда	– недополучение прибыли; – низкая эффективность вложения ресурсов	– низкая оплата труда; – слабая реализация трудового потенциала	– неудовлетворенность трудом; – нереализованные возможности
4. Трудовые миграции	– расходы на переезд и обустройство на новом месте; – низкооплачиваемая работа	– изменение социального статуса; – адаптация к новой социальной среде	– неуверенность в завтрашнем дне; – возможные конфликты в новой среде
5. Трудоспособность	– оплата больничных листов, инвалидности; – снижение эффективности труда	– заболевания, инвалидность; – потеря возможности полноценно трудиться	– депрессия, стресс; – эмоциональное выгорание; – боязнь потерять физическое и психическое здоровье
6. Условия труда	– недополучение прибыли от низкой эффективности труда	– травматизм; – трудовые конфликты	– утомляемость; – стресс; – негативное влияние на здоровье

оказывают негативное влияние на социально-психологическое благополучие работников и ухудшают показатели эффективности труда.

Заключение

Выделение потенциальных зон негативного влияния глобальных (внешних) и психологических (внутренних) рисков на трудовую сферу позволяет выделить направления по их снижению. Анализ глобальных угроз для трудовых отношений показал слабую разработанность этой проблемы. Ведущие общественные организации, влияющие на политические и экономические решения в странах мира, дела-

ют, на взгляд авторов, недостаточный акцент на проблемах в сфере труда.

Современная действительность показала уязвимость работника и работодателя в сфере трудовых отношений, необходимость своевременных государственных мер по устранению угроз. В дальнейших исследованиях возможен переход от общего к частному и выделение рисков, характерных для сферы труда отдельных стран и регионов. Важно оценить последствия социально-экономических изменений в трудовых отношениях, связанных с мировым кризисом, вызванным пандемией.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов О.Б., Робертсон Э. (2012). Современные тенденции управления рисками в крупных компаниях // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. № 5. С. 4–18. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10009.

2. Нестик Т.А. (2016). Глобальные риски как

психологический феномен // Пути к миру и безопасности. № 1. С. 24–38.

3. Зайцева И.А. (2017). Глобальные риски, как факторы, влияющие на современную систему международных отношений. Проблемы постсо-

¹Составлено авторами.

ветского пространства. № 4 (4). С. 356–363. URL: [10.24975/2313-8920-2017-4-4-356-363](https://doi.org/10.24975/2313-8920-2017-4-4-356-363).

4. Evans J., Allan N., Cattle N. (2017). A new insight into the world economic forum global risks, *Economic Papers: A journal of applied economics and policy*, vol. 36, no. 2, pp. 185–197. DOI: 10.1111/1759-3441.12172.

5. Солодовников С.Ю. (2018). Экономика рисков // Экономическая наука сегодня: сборник научных статей. Вып. 8. С. 16–55.

6. Иванов О.Б. (2020). Глобальные риски и новые вызовы человеческой цивилизации // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. № 2. С. 7–20.

7. Земцов С.П. (2019). Цифровая экономика, риски автоматизации и структурные сдвиги в занятости в России // Социально-трудовые исследования. № 3. С. 6–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-6-17.

8. Доклад о глобальных рисках — 2020. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-globalnykh-riskakh-2020/> (дата обращения: 30.07.2020).

9. The Global Risks Report 2020. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-2020> (accessed 30.07.2020).

10. Белов В.Б. (2019). Итоги Давоса 2019 – экономический пессимизм и недосказанность // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. № 1. С. 97–102. DOI: 10.15211/vestnikieran1201997102.

11. Глобальные вопросы повестки дня // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/global-issues-overview/> (дата обращения: 01.08.2020).

12. Психическое здоровье на рабочем месте : Информационный листок. Май 2019 г. // Официальный сайт ВОЗ. URL: https://www.who.int/mental_health/in_the_workplace/ru/ (дата обращения: 01.08.2020).

13. Index H. G. S. (2017). Regional Dynamics of the Global Labour Market: Skills in Demand and Tomorrow's Workforce. London, Hays PLC, 55 p.

14. Impatto sul mercato del lavoro della quarta rivoluzione industriale : 11a Commissione Lavoro, previdenza sociale. Senato della Repubblica, 2017. URL: <https://www.anitec-assinform.it/in-evidenza/documento-sullimpatto-sul-mercato-del-lavoro-della-quarta-rivoluzione-industriale-approvato-dalla-commissione-lavoro-del-senato.kl> (accessed: 01.08.2020).

15. Salvatori A., Manfredi T. (2019). Job polarisation and the middle class: New evidence on

the changing relationship between skill levels and household income levels from 18 OECD countries. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, Paris, OECD Publishing. No. 232, 45 p. URL: <https://doi.org/10.1787/4bf722db-en>.

16. Пеша А.В., Камарова Т.А. (2020). Дистанционный формат работы и развитие компетенций студентов в условиях пандемии COVID-19 // Кадровик. № 7. С. 71–88.

17. Hawksworth J., Berriman R., Goel S. (2020). Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long-term impact of automation 2018, Pricewaterhouse Coopers. URL: <https://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/the-impact-of-automation-on-jobs.htm> (accessed 28.07.2020).

18. Puriwat W., Tripopsakul S. Preparing for Industry 4.0 – Will youths have enough essential skills? An Evidence from Thailand, *International Journal of Instruction*, vol. 13, no. 3, pp. 89–104.

19. Flynn J., Dance S., Schaefer D. (2017). Industry 4.0 and its Potential Impact on Employment Demographics in the UK, *Advances in Transdisciplinary Engineering*, vol. 6, pp. 239–244.

20. David H. (2015). Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation, *Journal of economic perspectives*, vol. 29, no. 3, pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.29.3.3.

21. Гапоненко Н.В., Гленн Д.К. (2020). Технологии индустрии 4.0: проблемы труда, занятости и безработицы (научный обзор) // Проблемы прогнозирования. № 3. С. 40–47.

22. Acemoglu D., Restrepo P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets, *Journal of Political Economy*, vol. 128, no. 6, pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

23. Graetz G., Michaels G. (2018). Robots at work, Review of Economics and Statistics, vol. 100, no. 5, pp. 753–768. DOI: 10.1162/rest_a_00754.

24. Zemtsov S. (2020). New technologies, potential unemployment and 'nescience economy' during and after the 2020 economic crisis, *Regional Science Policy & Practice*, pp. 1–21. DOI: 10.1111/rsp3.12286.

25. Тонких Н.В., Бабинцева А.В. (2020). Исследование самозанятости населения в Российской Федерации: общие и частные проблемы // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». Т. 18. № 1. С. 172–183. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183.

26. The Economy in the Time of Covid-19. LAC Semiannual Report; April 2020. Washington, DC,

World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33555> (accessed 30.07.2020).

27. World Bank. 2020: Global Economic Prospects, June 2020. Washington, DC, World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748> (accessed 30.07.2020).

28. Старостина Ю. Реальные располагаемые доходы россиян рекордно упали из-за пандемии. URL: <https://www.rbc.ru/economics/17/07/2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (дата обращения: 01.08.2020).

29. The official website of ILO. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_749398/langen/index.htm (accessed 01.08.2020).

30. COVID-19 and the World of Work. ILO Global Summit concept note. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/-dcomm/documents/meetingdocument/wcms_747931.pdf (accessed 01.08.2020).

31. Официальный сайт Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/140.htm (дата обращения: 01.08.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Коропец Ольга Анатольевна – кандидат психологических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); okor78@mail.ru.

Мельникова Анна Сергеевна – кандидат экономических наук; Уральский государственный университет путей сообщения (620034, Россия, Екатеринбург, ул. Колмогорова, 66); anuta_kk@mail.ru.

Меньшикова Мария Сергеевна – Ph.D.; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); Maria.menshikova@bk.ru.

IDENTIFICATION OF POTENTIAL AREAS OF IMPACT OF GLOBAL ECONOMIC AND SOCIAL RISKS ON LABOR RELATIONS

O.A. Koropets^a, A.S. Melnikova^b, M.S. Menshikova^a

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

^bUral State University of Railway Transport

ABSTRACT:

The study of global economic and social risks is of particular importance due to the transformation of the labor sphere in Russia and the world. The authors' attention is paid to the trends of transition to changing the system of labor relations within the context of the fourth industrial revolution.

Purpose. Identification of zones of impact of global economic and social risks on the sphere of labor relations, depending on the rapidly changing external and internal factors of labor associated with the fourth industrial revolution.

Methods. The authors used classical methods of statistical and system analysis when studying statistical data, reports of international organizations, and analytical materials. Additionally, elements of sociological research are applied, which consist in using data from sociological surveys and expert surveys.

Results. The analysis of the impact of global threats on labor relations has shown insufficient development of this problem. The authors identified the main risk zones in the field of labor relations, taking into account the impact of external (global) – social and economic and internal (psychological) factors: unemployment, reduced income, reduced labor productivity, labor migration, physical and psychological ability to work, and working conditions. Trends in the transformation of labor relations in the modern changed conditions of the coronavirus pandemic are analyzed. Further research is planned to identify areas of impact of global economic and social risks of the fourth industrial revolution that are specific to individual countries and regions.

Scientific novelty. The integrated approach allowed the authors to consider the psychological risks that affect the social and psychological well-being of employees in relation to global risks.

FUNDING: The reported study was funded by RFBR, project number 20-010-00952.

KEYWORDS: labor relations, global economic risks, global social risks, unemployment, Industry 4.0, pandemic, social and psychological well-being of employees.

FOR CITATION: Koropets O.A., Melnikova A.S., Menshikova M.S. (2020). Identification of potential areas of impact of global economic and social risks on labor relations, *Management Issues*, no. 6, pp. 60–70.

REFERENCES

1. Ivanov O.B., Robertson E. (2012). Modern trends in risk management in large companies, *ETAP: economic theory, analysis, practice*, no. 5, pp. 4–18. DOI: 10.24411/2071-6435-2020-10009.
2. Nestik T.A. (2016). Global risks as a psychological phenomenon, *Pathways to Peace and Security*, no. 1, pp. 24–38.
3. Zaitseva I.A. (2017). Global risks as factors influencing the modern system of international relations, *Problems of the post-Soviet space*, no. 4 (4), pp. 356–363. DOI: 10.24975/2313-8920-2017-4-4-356-363.
4. Evans J., Allan N., Cattle N. (2017). A new insight into the world economic forum global risks, *Economic Papers: A journal of applied economics and policy*, vol. 36, no. 2, pp. 185–197. DOI: 10.1111/1759-3441.12172.
5. Solodovnikov S.Yu. (2018). Economics of risks, *Economic science today: collection of scientific articles*, Iss. 8, pp. 16–55.
6. Ivanov O.B. (2020). Global risks and new challenges of human civilization, *ETAP: Economic theory, analysis, practice*, no. 2, pp. 7–20.
7. Zemtsov S.P. (2019). Digital economy, risks of automation and structural shifts in employment in Russia, *Social and labor research*, no. 3, pp. 6–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2019-36-3-6-17.
8. Global Risk Report 2020. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-globalnykh-riskakh-2020/> (accessed 30.07.2020).
9. The Global Risks Report 2020. World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/events/world-economic-forum-2020> (accessed 30.07.2020).
10. Belov V.B. (2019). Results of Davos 2019 – economic pessimism and understatement, *Scientific and analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*, no. 1, pp. 97–102. DOI: 10.15211/vestnikieran1201997102.
11. Global issues on the agenda, Official website of the UN. URL: [https://www.un.org/ru/sections](https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/global-issues-overview/)
12. Mental Health in the Workplace. Fact Sheet. May 2019. Official website of the WHO. URL: https://www.who.int/mental_health/in_the_workplace/ru/ (accessed 01.08.2020).
13. Index H. G. S. (2017). Regional Dynamics of the Global Labour Market: Skills in Demand and Tomorrow's Workforce. London, Hays PLC, 55 p.
14. Impatto sul mercato del lavoro della quarta rivoluzione industriale : 11a Commissione Lavoro, previdenza sociale. Senato della Repubblica, 2017. URL: <https://www.anitec-assinform.it/in-evidenza/documento-sullimpatto-sul-mercato-del-lavoro-della-quarta-rivoluzione-industriale-approvato-dalla-commissione-lavoro-del-senato.kl> (accessed: 01.08.2020).
15. Salvatori A., Manfredi T. (2019). Job polarisation and the middle class: New evidence on the changing relationship between skill levels and household income levels from 18 OECD countries. OECD Social, Employment and Migration Working Papers, Paris, OECD Publishing. No. 232, 45 p. URL: <https://doi.org/10.1787/4bf722db-en>.
16. Pesha A.V., Kamarova T.A. (2020). Remote format of work and development of students' competencies in the context of the COVID-19 pandemic, *Kadrovik*, no. 7, pp. 71–88.
17. Hawksworth J., Berriman R., Goel S. (2020). Will robots really steal our jobs? An international analysis of the potential long-term impact of automation 2018, Pricewaterhouse Coopers. URL: <https://www.pwc.co.uk/services/economics-policy/insights/the-impact-of-automation-on-jobs.htm> (accessed 28.07.2020).
18. Puriwat W., Tripopsakul S. Preparing for Industry 4.0 – Will youths have enough essential skills? An Evidence from Thailand, *International Journal of Instruction*, vol. 13, no. 3, pp. 89–104.
19. Flynn J., Dance S., Schaefer D. (2017). Industry 4.0 and its Potential Impact on Employment De-

mographics in the UK, *Advances in Transdisciplinary Engineering*, vol. 6, pp. 239–244.

20. David H. (2015). Why are there still so many jobs? The history and future of workplace automation, *Journal of economic perspectives*, vol. 29, no. 3, pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.29.3.3.

21. Gaponenko N.V., Glenn D.K. (2020). Industry 4.0 technologies: problems of labor, employment and unemployment (scientific review), *Problems of forecasting*, no. 3, pp. 40–47.

22. Acemoglu D., Restrepo P. (2020). Robots and jobs: Evidence from US labor markets, *Journal of Political Economy*, vol. 128, no. 6, pp. 2188–2244. DOI: 10.1086/705716.

23. Graetz G., Michaels G. (2018). Robots at work, *Review of Economics and Statistics*, vol. 100, no. 5, pp. 753–768. DOI: 10.1162/rest_a_00754.

24. Zemtsov S. (2020). New technologies, potential unemployment and ‘nescience economy’ during and after the 2020 economic crisis, *Regional Science Policy & Practice*, pp. 1–21. DOI: 10.1111/rsp3.12286.

25. Tonkikh N.V., Babintseva A.V. (2020). Research of the population’s self-employment in the Russian Federation: general and particular problems, *Bulletin of Omsk University*. Series “Eco-

nomics”, vol. 18, no. 1, pp. 172–183. DOI: 10.24147/1812-3988.2020.18(1).172-183.

26. The Economy in the Time of Covid-19. LAC Semiannual Report; April 2020. Washington, DC, World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33555> (accessed 30.07.2020).

27. World Bank. 2020: Global Economic Prospects, June 2020. Washington, DC, World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/33748> (accessed 30.07.2020).

28. Starostina Yu. Real disposable income of Russians fell record-breaking due to the pandemic. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07.17.2020/5f119dad9a79475dd1458eeb> (accessed 01.08.2020).

29. The official website of ILO. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_749398/langen/index.htm (accessed 01.08.2020).

30. COVID-19 and the World of Work. ILO Global Summit concept note. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/-dcomm/documents/meetingdocument/wcms_747931.pdf (accessed 01.08.2020).

31. Official website of Rosstat. URL: https://gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d05/140.htm (accessed 01.08.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Olga A. Koropets – Ph.D. of Psychological Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); okor78@mail.ru.

Anna S. Melnikova – Ph.D. of Economic Sciences; Ural State University of Railway Transport (66, Kolmogorov St., Ekaterinburg, 620034, Russia); anuta_kk@mail.ru.

Maria S. Menshikova – Ph.D.; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); Maria.menshikova@bk.ru.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ УПРАВЛЕНИЯ КАРЬЕРОЙ СТУДЕНТАМИ

М.Н. Шавровская^{1а}, А.В. Пеша^{2а}

^аУральский государственный экономический университет

АННОТАЦИЯ:

В данной статье представлен анализ особенностей управления карьерой студентами вуза. В исследовании приняли участие студенты направлений подготовки «Экономика труда и управление персоналом» Уральского государственного экономического университета. Анализ полученных данных позволил определить, осознанно или нет выбрали студенты данную специальность, в чем они видят сложности трудоустройства, в каких функциях управления персоналом они планируют работать, на какое место в жизни они ставят карьерный успех, какие темы в управлении карьерой являются для них самыми актуальными. Также автор предлагает ряд рекомендаций, которые позволят улучшить процесс обучения, а также сделать развитие студентов более целенаправленным и приближенным к технологиям, используемым в бизнесе.

В статье делается акцент на то, что у студентов важно развивать надпрофессиональные компетенции, так как они играют важную роль в построении карьеры. Объектом исследования данной статьи являются студенты специальности «Экономика труда и управление персоналом». Цель статьи – проанализировать результаты исследования опроса студентов о том, как они управляют своей карьерой в ходе обучения в университете. Для достижения данной цели автор поставил следующие задачи:

1. Определить, что повлияло на выбор специальности «Экономика труда и управление персоналом», насколько он был осознанным.

2. Оценить, как кафедра экономики труда и управления персоналом и в целом университет могут способствовать студентам в управлении их карьерой, определить активность студентов в предлагаемых мероприятиях со стороны вуза.

3. Проанализировать текущую и планируемую трудовую активность студентов (работают ли они по специальности, и, если нет, то планируют ли).

4. Оценить, на какое место в жизни студенты ставят карьеру, какие темы для них актуальны в рамках управления карьерой.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07435.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: карьера, управление карьерой, управление развитием, надпрофессиональные компетенции.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шавровская М.Н., Пеша А.В. (2020). Результаты исследования особенностей управления карьерой студентами // Вопросы управления. № 6. С. 71–80.

В настоящее время вопросы управления карьерой студентами вуза являются достаточно актуальными [1–3]. От того, насколько осознанно был сделан выбор в пользу той или иной профессии, от уровня вовлеченности в процесс обучения в вузе, в том числе в раз-

личные мероприятия, которые предлагаются в ходе получения образования (ярмарки вакансий, стажировки, экскурсии), зависит дальнейшая профессиональная деятельность студентов и их дальнейшая эффективность при трудоустройстве в определенную компанию.

¹AuthorID РИНЦ: 593628

²AuthorID РИНЦ: 864622

Кроме этого, современное поколение рассматривает работу не только как способ зарабатывания денег, но и как то, что может приносить удовольствие и быть хобби. Увидеть профессиональные особенности той или иной специальности можно уже на самых первых курсах, но многие студенты проявляют пассивность в этом вопросе, не используя тех возможностей, которые существуют. Такая ситуация складывается, с одной стороны, из-за отсутствия времени (так как студенты работают не по специальности, чтобы быть более или менее финансово независимыми), с другой стороны, из-за низкой мотивацию к глубокому погружению в профессии в силу личных причин (например, лени). Как отмечает Т. Н. Харланова, «значительная часть современной молодежи не имеет четких представлений о будущей профессиональной деятельности и реальной карьере, что создает значительные трудности на пути ее профессиональной социализации» [1].

Также стоит отметить, что у выпускников сложилось неадекватное представление о себе как субъекте карьерной деятельности и несоответствие наличного уровня образования требуемому уровню профессиональной компетентности [2, с. 7]. Многим студентам не хочется заниматься рутинной и однообразной работой, хотя она очень важна для понимания основ профессии. Например, в специальности «Экономика труда и управление персоналом» очень важно понимать специфику кадрового делопроизводства, так как оно является базой в управлении сотрудниками.

Вопросами изучения особенностей построения карьеры студентами занимаются многие отечественные авторы, среди которых можно выделить Н. В. Волкову, О. А. Коропец, М. И. Плуту, В. А. Чикер, А. Г. Пушкарева, Л. В. Темнова, Н. Н. Доронина, О. А. Лизунова, М. Г. Леухова, Е. С. Богдан, М. Э. Гузич, Л. В. Верниенко, Д. И. Беркутова, Е. М. Громова, Т. А. Горшкова и др. [3–10]. Одной из проблем, которая существует в построении карьеры молодежью, А. Г. Пушкарева отмечает, что «на выбор профессии влияют такие случайные факторы, как продолжение семейных традиций, нежелание противоречить воле родителей, поступление вместе с друзьями, обучение там, куда „прошел по конкурсу“, просто жела-

ние получить высшее образование, независимо от того, какое» [6]. В момент окончания школы и выбора специальности большинству школьников достаточно сложно определиться с выбором, поэтому управлением карьерой важно заниматься еще в старших классах (если не раньше), заинтересовывая школьников в получении информации о разнообразии профессий. В настоящее время для этого большие возможности, среди которых школьные лагеря об управлении карьерой (в т. ч. при высших учебных заведениях), дни открытых дверей, экскурсии в различные компании и т. д.

По данным информационно-консалтингового центра выбора профессии *orientPROF*, к третьему курсу 50 % студентов уже точно знают, что выбрали не ту профессию, 80 % выпускников никогда не работают по специальности, а к 35 годам человек в современном мире меняет до восьми профессий [7]. Частая смена профессий не говорит о том, что достигается высокий профессиональный уровень, а указывает, в том числе, на то, что при выборе профессии человек не до конца понимает ее специфику. Как следствие, студент, а в дальнейшем и сотрудник, находится в постоянном поиске. При этом есть исследования, которые указывают, что «студенты управленческих специальностей вполне четко представляют то, чего они хотят в карьере, самое главное для них – управление: людьми, проектами, любыми бизнес-процессами» [12].

В управлении карьерой студентами немаловажную роль играет социально-профессиональная ориентация студентов, и, как указывают М. Н. Булаева, А. В. Лапшова, она «предполагает под собой создание социально-педагогических, психологических, материально-технических, культурно-просветительских условий для эффективного взаимодействия с заинтересованными структурными подразделениями различных профессиональных организациях, решающих вопросы дальнейшего трудоустройства выпускников» [13]. Таким образом, в управлении карьерой предполагается системный подход и взаимодействие разных субъектов, начиная от педагогических работников вуза и заканчивая специальными службами, занимающимися практикой студентов и взаимодействием с работодателями.

Кроме этого, на управление карьерой влияют факторы, которые связаны с личными особенностями студентов. Ряд авторов используют понятие «личная конкурентоспособность», выделяя следующие факторы, влияющие на нее:

- целеполагание и способность устанавливать личностно-значимые приоритеты;
- самосознание, высокий уровень самостоятельности и самореализации;
- ранняя профессионализация и профессиональная рефлексия;
- креативность и гибкость мышления;
- адекватная самооценка, эмоциональная устойчивость и волевой компонент [14].

Тема факторов, влияющих на личную конкурентоспособность, тесно связана с важностью развития надпрофессиональных компетенций, и в управлении карьерой, как показывает практика и указывают многие ученые, они важнее профессиональных. Б. Чиматти указывает, что «высшее учебное заведение должно обучать студентов *soft skills* не только для того, чтобы они могли найти работу, но и для того, чтобы они процветали как люди и граждане» [15]. В бизнесе значительные усилия прикладываются для оценки и развития надпрофессиональных компетенций у сотрудников. При этом в высшем учебном заведении можно создавать условия для их формирования, что будет также способствовать успешному управлению карьерой. Как указывает ряд ученых сегодня существует потребность в модернизации практики профессиональной подготовки специалистов, которая сформировалась в России к настоящему времени, и имеет важное значение развитие таких навыков, как социально-профессиональная и виртуальная мобильность, коммуникабельность, практический интеллект, ответственность, коллективизм, работоспособность, корпоративный подход, инновационность [16]. В статьях авторы пишут, что важно менять систему высшего образования и сосредоточиваться на надпрофессиональных компетенциях, которые могут помочь студентам быть более успешными на рынке труда [17, 18].

Для выявления особенностей построения карьеры студентов всех курсов специальности

«Экономика труда и управление персоналом» Уральского государственного экономического университета автором было проведено исследование. В опросе приняли участие студенты всех курсов, обучающиеся на программах бакалавриата Уральского государственного университета. Для опроса использовалось анкетирование, случайная выборка (из 122 студентов в опросе приняло участие 64 человека – 52 %). Опрос проходил в ноябре 2019 года с помощью *GoogleForms*. Цель исследования – проанализировать как студенты выбранной специальности управляют своей карьерой в ходе обучения в университете. В проведенном опросе выделено четыре основных блока:

1. Вопросы, посвященные тому, что повлияло на выбор профессии

2. Вопросы, оценивающие роль кафедры «экономики труда и управления персоналом» и УРГЭУ в управлении карьерой студентов

3. Вопросы о текущей и планируемой трудовой активности студентов

4. Вопросы о месте карьеры в жизни студентов и темах, актуальных для них в рамках управления карьерой.

Автором было выдвинуто несколько гипотез. Первая касается того, что многие студенты выбор в пользу специальности «Экономика труда и управление персоналом» сделали осознанно, так как и вуз, и сама кафедра проводит большое количество профориентационных мероприятий (День открытых дверей, лагеря в период школьных каникул). При этом у кафедры есть свои страницы в различных социальных сетях: *Facebook*, *Instagram*, *ВКонтакте*, – а также свой сайт³, на котором можно найти основную информацию о специальности. Вторая гипотеза связана с тем, что студенты достаточно пассивно принимают участие в различных мероприятиях, организованных кафедрой, тем самым ограничивая свои возможности в управлении карьерой в ходе получения образования. Третья гипотеза заключается в том, что многие студенты уже работают, но не по специальности. И четвертая гипотеза касается того, что студенты не ставят карьеру на первое место в жизни, как указывалось ранее: современному поколению хочется, чтобы работа была не только спосо-

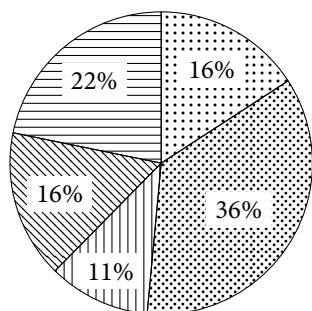
³<http://etr.usue.ru/abiturientu/karera-v-hr-sfere-formula-uspekha/>.

бом достижения материального благополучия, но и хобби (тем, что приносит удовольствие).

Согласно опросу, 63 % студентов сделали осознанный выбор при поступлении в пользу специальности «Экономика труда и управление персоналом», 27 % проходили по ЕГЭ, остальные 10 % указывают на стечение случайных обстоятельств, либо на близость с домом, либо на выбор родителей. Т. е. более половины студентов понимали сущность специальности «Экономика труда и управление персоналом».

Осознанный выбор профиля обучения влияет на мотивацию работать по данному профилю в будущем, что подтверждает рисунок 1. Так, 36 % студентов работают не по специальности, но планируют работать по специальности; 16 % находится в активном поиске работы по специальности; 16 % уже работают по специальности.

Работа не по специальности для студентов необходима для получения дополнительного дохода, и часто работа по специальности оплачивается гораздо ниже либо не оплачивается совсем. В связи с этим ряд студентов не готовы отказываться от дополнительного дохода в пользу получения опыта работы по специальности. Студенты указывают на то, что работа по специальности на первых этапах предполагает получение достаточно низкого дохода по сравнению с тем, который предлагаются вакансиями, не связанными с профилем «Экономика

- Нет, я не работаю, но нахожусь в активном поиске работы по специальности
- Да, я работаю, но не по специальности, но планирую работать в будущем по специальности
- Да, я работаю, но не по специальности, и планирую работать в будущем не по специальности
- Да, я работаю по специальности, на которую учусь
- Нет, и пока не планирую работу по специальности

Рисунок 1 – Распределение студентов в зависимости от желания работать по специальности

Figure 1 – Distribution of students depending on the desire to work in the specialty

Таблица 1 – Основные сложности при поиске работы
Table 1 – Main difficulties in finding a job

Понять, где и кем хочу работать	47 %
Получить опыт работы по специальности	33 %
Устроиться на работу	14 %
Недостаток знаний и мало опыта	2 %
Предоставить интересных работодателей для прохождения практики	2 %
Не вижу сложности	2 %

мика труда и управление персоналом». Кроме этого, сложность трудоустройства по специальности заключается в том, что студентов не всегда с желанием берут на работу в организации, предпочитая тех, у кого есть хоть какой-то опыт работы. И даже если берут, в редких случаях могут предоставить график, позволяющий совмещать работу и обучение.

Из таблицы 1 видно, что 47 % опрошенных основной сложностью при поиске работы отмечает понимание того, где и (или) кем они хотят работать. Это указывает на то, что профориентационная работа важна как со школьниками, так и со студентами.

В университете проводятся экскурсии на предприятия, предлагаются места практики, ярмарки вакансий; но, видимо, работу в части консультационной поддержки студентов в области профессионального самоопределения необходимо усиливать. Хотя, с другой стороны, отдел взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала проводит так называемые «Часы карьеры», на которых студенты могут задать свои вопросы практикам в сфере управления персоналом, но на них студенты специальности «Экономика труда и управление персоналом» не приходят. Возможно, такие «Часы карьеры» необходимо встраивать в саму программу обучения с первого курса, чтобы студенты с самого начала «озадачивались» этим вопросом и планировали прохождение практики в разных подразделениях управления по работе с персоналом. Со студентами также можно ее проводить в виде различных тематических игр, экскурсий по разным функциям управления персоналом. Так, например, у кафедры есть опыт организации экскурсии в архив и деловой игры, когда реальные работодатели проводят собеседования со студентами, чтобы потом предоставить им обратную связь по резюме и поведению в ходе интервью.

Второй по популярности сложностью при поиске работы является получение опыта работы по специальности (33 %). Как уже отмечалось, студентам достаточно сложно совмещать работу по специальности с обучением. Кроме того, на практике не всегда студентам предлагают выполнять реальные задачи, которые позволяют приобретать навыки работы в рамках функций управления персоналом. Хотя студенты часто сами не проявляют активности, чтобы налаживать контакты с организациями. Так, только 45 % опрошенных студентов принимали участие в мероприятиях, организуемых кафедрой «Экономика труда и управление персоналом» в течение последнего года. На данные мероприятия, как правило, приглашаются работодатели, заинтересованные во взаимодействии со студентами. Т. е. только половина студентов использует возможности, которые предоставляет кафедра для налаживания профессиональных связей, углубления понимания выбранной специальности. Только каждый 8 студент из числа опрошенных смог назвать фамилию практика в области экономики труда и управления персоналом, которого он знает. При этом половина названных специалистов – это преподаватели, которые работают на кафедре, а 44 % опрошенных студентов являются студентами 4 курса и ни раз уже проходили практику по специальности в определенной компании. Это снова указывает на то, что многие студенты не стремятся формировать сеть контактов с профессионалами, которые потом могли бы помочь как с консультацией, так и с устройством на практику и поиском работы.

Стоит отметить, что 41 % опрошенных указали, что хотели бы работать специалистом по управлению персоналом, выполняющим раз-

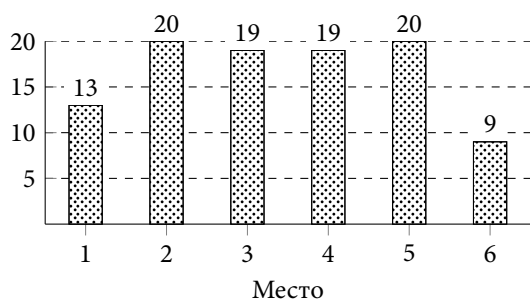

Рисунок 2 – Место карьерного успеха в жизни студентов

Figure 2 – Place of career success in students' lives

ные функции. Функции «подбор» и «обучение и развитие» выбрали по 17 % студентов, «заработную плату» – 11 %, «кадровое делопроизводство» – 9 %, «оценка персонала» – 5 %.

Как видно из рисунка 2, карьерный успех на первое место в жизни ставит 13 % студентов, остальные – на второе (20 %). Вероятно, это еще связано с тем, что большая часть опрошенных (75 %) и обучающихся на специальности «Экономика труда и управление персоналом» – это девушки, у которых в приоритете создание семьи. Также, возможно, студенты связывают работу с хобби и не рассматривают ее как самую важную цель в жизни. 47 % студентов отмечают, что посещение занятий в вузе способствует построению карьеры. Соответственно, половина опрошенных студентов не видят связи построения карьеры с непосредственным обучением. Конечно, здесь необходим дополнительный анализ причин, но тем не менее это может указывать на то, что или у студентов уже определены места работы, или они не считают преподаваемые дисциплины (или материал, который на них дается) ценным.

Интересны еще цифры, которые показывают, как с точки зрения студентов кафедра может способствовать построению карьеры. Самые распространенные ответы: налаживание профессиональных связей – 79 %, опыт публичных выступлений – 53 %, участие в научных проектах – 26 %, написание статей – 23 %. Т. е. студенты понимают, что кафедра может способствовать формированию сети социальных контактов, но при этом сами не используют этих возможностей.

Самые популярные темы, посвященные построению карьеры, которым студенты хотели бы уделять время, это «Сильные стороны и зоны роста» (56 % студентов сделали выбор в пользу нее), а также «Индивидуальный план карьеры» (55 %) (рис. 3).

Как вариант, возможно проведение центра оценки на первом курсе для определения «зон роста» студентов (в рамках надпрофессиональных компетенций) с последующим составлением плана карьеры на четыре года, включая в них мероприятия, проводимые кафедрой; выступление на конференциях, стажировки. Также можно разработать «компас

развития», в который включить рекомендуемую литературу для каждой надпрофессиональной компетенции, видео-лекции, художественные фильмы.

Кроме этого, студентам интересны темы «Подготовка к собеседованию» (39 %) и «Технологии поиска работы» (27 %), тренировку по которым предлагает отдел взаимодействия с работодателями и развития кадрового потенциала УрГЭУ.

Говоря о самых популярных темах, которые отмечают студенты, важно отметить, что возможность проведения оценки на первом курсе обучения для определения зон роста студентов была бы бесспорным преимуществом как для вуза, так и для студента. В бизнес-среде для понимания того, какие компетенции необходимо развивать у сотрудников, проводится оценка с помощью таких методов, как ассессмент-центр, оценка 360 градусов, с применением различных видов тестов (в первую очередь, онлайн). Такая оценка позволяет определять траектории развития, составлять индивидуальные планы обучения, мотивировать сотрудников на усиление их «зон роста», а также отслеживать динамику изменений. К студентам тоже может быть применен такой подход, в том числе с использованием современных технологий (в частности, онлайн-платформ для оценки различных компетенций). Онлайн-оценка могла бы позволить автоматически проектировать обучение и развитие сотрудников, встраивая в методы развития важные для учебного заведения мероприятия (научные конференции, мастер-классы от работодателей).

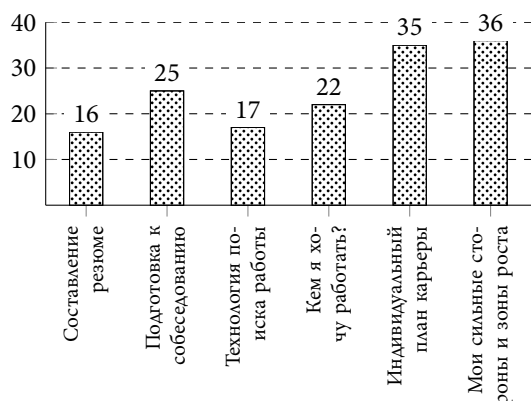

Рисунок 3 – Популярные темы, касающиеся построения карьеры
Figure 3 – Popular career-building topics

Можно было бы внедрить специальную систему мотивации надпрофессиональных компетенций. Существует кейс одного трехлетнего исследовательского проекта, ориентированного на развитие надпрофессиональных компетенций в Европейском Союзе, основная цель которого заключается в создании механизмов, позволяющих преподавателям постоянно поддерживать, наблюдать, оценивать и признавать развитие мягких навыков студентов с помощью цифровых значков [19].

Интересен опыт ученых, создающих машины, способные автоматически обнаруживать черты личности по простым акустическим и визуальным невербальным сигналам, извлекаемым из коротких (30–120 секунд) самопрезентаций [20]. Также есть исследователи, которые описывают свой опыт того, как аспиранты-техники разработали онлайн-систему командной оценки, в которой студенты выполняют и оценивают другие задания, сделанные их сокурсниками, и анализируют, как оценка может способствовать развитию надпрофессиональных компетенций [21].

В первую очередь, студенты хотели бы получить от карьеры материальное благополучие (94 % респондентов выбрали этот вариант), во вторую – самореализацию (75 %), и далее: более высокий социальный статус (58 %), уверенность в себе (55 %), уважение (39 %) и власть (14 %).

В настоящее время для большинства молодых людей важно приобрести самостоятельность от родителей, которая, в первую очередь, может обеспечить материальное благополучие. При этом, как показывают цифры,

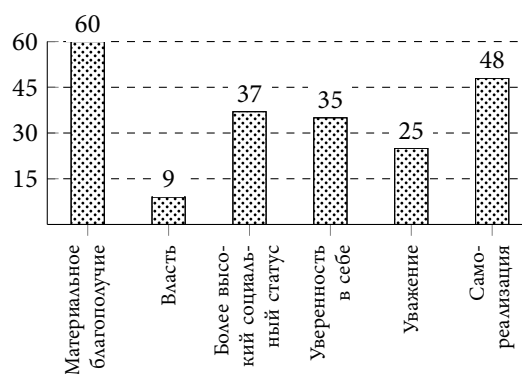

Рисунок 4 – Цели, преследуемые студентами при выборе карьеры
Figure 4 – Goals pursued by students when choosing a career

самореализация также важна, т. е. работа должна быть не только способом зарабатывания денег, но и возможностью получать от нее моральное удовлетворение.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы относительно того, каким образом студенты специальности «Экономика труда и управление персоналом» Уральского государственного университета управляют своей карьерой:

1. Согласно опросу, большое количество студентов делает выбор в пользу специальности «Экономика труда и управление персоналом» осознанно. Это говорит, во-первых, о том, что профориентационная работа кафедрой экономики труда и управления персоналом проводится на хорошем уровне. Во-вторых, вероятно, что студенты перед выбором специальности изучают информацию о будущей профессии через посещение дней открытых дверей, общение с теми, кто уже учится по данному направлению (или закончил его).

2. Основные сложности, которые студенты видят при трудоустройстве, – это понимание того, где и кем они хотят работать, а также получение опыта работы по специальности.

3. Многие студенты хотели бы работать так называемым *HR-generalist*, то есть специалистом по управлению персоналом, выполняющим разные функции (начиная от подбора и обучения, заканчивая кадровым делопроизводством и мотивацией).

4. Карьерный успех для многих студентов не является самым важным в жизни, большинство от работы ожидают получить материальное благополучие и самореализацию.

5. Самые актуальные темы в управлении карьерой являются для них две тесно взаимосвязанных между собой темы: понимание сильных и слабых сторон и составление индивидуального плана развития.

Проведенное исследование показывает, что важно усиливать роль вуза в оценке и развитии надпрофессиональных компетенций с помощью инструментов, которые используются в бизнес-среде. В условиях распространения онлайн-формата в обучении (а в некоторых случаях и полный переход в такой формат) особенно актуальным становится повышение вовлеченности студентов в процесс изучения своей профессии и управления карьерой. В этом случае особую роль играют преподаватели, уровень развития их навыков в части использования современных технологий в онлайн-обучении (например, *mentimeter*, *jamboard*, *trello*, *padlet*). Также стоит отметить, что в условиях развития цифровых технологий вузам стоит внедрять онлайн-платформы для оценки и развития надпрофессиональных компетенций студентов. Это позволит с одной стороны повысить эффективность их развития и систематизировать управление карьерой, с другой – увеличить привлекательность вузов как места получения образования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харланова Т.Н. (2015). Развитие карьерных ориентаций студенческой молодежи в процессе профессиональной подготовки : диссертация на соискание научной степени кандидата психологических наук. Москва.

2. Верниенко Л.В. (2017). Стратегии построения карьеры студентами в процессе получения высшего образования // Синергия. № 1. С. 7–12.

3. Пеша А. В., Камарова Т.А., Патутина С.Ю. (2019). Дорожная карта взаимодействия высшего учебного заведения, работодателей и студентов в условиях современной инновационной экономики // Современное образование. № 1. С. 48–62.

4. Волкова Н.В., Чикер В.А. (2016). Особен-

ности карьерной мотивации в контексте теории поколений: результат эмпирического исследования // Вестник СПбГУ. Сер. 8. Менеджмент. Вып. 4. С. 79–105.

5. Коропец О.А., Пеша А.В., ПлUTOва М.И. (2017). Управление карьерой на этапе профессиональной подготовке студентов экономических специальностей // Экономика и предпринимательство. № 8-2. С. 1005–1008.

6. Пушкарева Л.Г., Мусин А. (2014). Размышления о карьере (по данным опроса молодежи) // Концепт. Спецвыпуск № 2. ISSN 2304-120X. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14518.htm> (дата обращения: 26.05.2020).

7. Темнова Л.В., Лизунова О.А. (2017). Фак-

торы формирования карьерных траекторий выпускников ВУЗов // Высшее образование в России. С. 89–97.

8. Доронина Н.Н. (2017). Карьерные ориентации студентов ВУЗа // Научные ведомости белгородского университета. Серия: Гуманитарные науки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-studentov-vuza-1> (дата обращения: 26.05.2020).

9. Лесникова С.А., Леухова М.Г. (2018). Профессиональное самоопределение студентов ВУЗа как условие профессиональной идентичности: аспект отношения к профессиональной карьере // Балтийский гуманитарный журнал. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samoopredelenie-studentov-vuza-kak-uslovie-professionalnoy-identichnosti-aspekt-otnosheniya-k-professionalnoy> (дата обращения: 26.05.2020).

10. Богдан Е.С., Гузич М.Э. (2016). Психологический аспект планирования и управления индивидуальной карьерой студентами и выпускниками ВУЗа // Психолого-педагогические проблемы в образовании. № 6. С. 178–183.

11. Беркутова Д.И., Громова Е.М., Горшкова Т.А. (2018). Становление профессиональной идентичности как фактор проектирования карьерной стратегии современного студента ВУЗа // Самарский научный вестник. Т. 7. № 4 (25). С. 299–304.

12. Гирфатова А.Р., Пискарева С.Е. (2015). Взаимосвязь личностных качеств и особенностей карьерной ориентации студентов управленческих специальностей // Вестник Башкирского университета. Т. 20. № 4. С. 1413–1416.

13. Булаева М.Н., Лапшова А.В. (2017). Современные тенденции развития социально-профессиональной ориентации студентов вуза // Карельский научный журнал. Т. 6. № 4 (21). С. 21–24.

14. Краковецкая И.В., Кудашкина Л.А. (2018).

Формирование личной конкурентоспособности студентов в условиях трансформации университетов // Университетское управление: практика и анализ. Т. 22. № 2. С. 106–115.

15. Cimatti B. (2016). Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises, *International Journal for Quality Research*, vol. 10, no. 1, pp. 97–130.

16. Zeer E.F., Tretyakova V.S., Scherbina E.Y., Bukovey T.D. (2018). Convergence as methodological basis for development of trans-professionalism of activity subjects, *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, vol. 13, no. 1b.

17. Smidt W. (2015). Big Five personality traits as predictors of the academic success of university and college students in early childhood education, *Journal of Education for Teaching*, vol. 41, no. 4. pp. 385–403.

18. Thongthaw S. (2014). Changes in teacher education in Thailand 1978–2014, *Journal of Education for Teaching*, vol. 40, no. 5, pp. 543–550.

19. O'Connor A., O'Connor A., Seery N., Cleveland-Innes M. (2016). Identifying, Developing and Grading 'Soft Skills' in Higher Education: A Technological Approach Education. In: Higher Education in Transformation Conference. Ontario.

20. Batrinca L.M., Mana N., Lepri B., Pianesi F., Sebe N. (2011). Please, tell me about yourself: automatic personality assessment using short self-presentations. In: Proceedings of the 13th international conference on multimodal interfaces, pp. 255–262.

21. Pisoni G., Gaio L., Rossi A. (2019). Investigating Soft Skills Development through Peer Reviews Assessments in an Entrepreneurship Course. In: IEEE International Symposium on Multimedia (ISM).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шавровская Марина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); marina_bel@list.ru.

Пеша Анастасия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский государственный экономический университет (620144, Россия, Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45); myrabota2011@gmail.com.

RESEARCH RESULTS OF THE FEATURES OF THE CAREER MANAGEMENT BY STUDENTS

M.N. Shavrovskaya^{4a}, A.V. Pesha^{5a}

^aUral State University of Economics

ABSTRACT:

This article presents an analysis of the features of career management by University students. The study involved the students of the areas of training “Labor Economics and Personnel Management” of the Ural State University of Economics. The analysis of the obtained data allowed us to determine whether students consciously or not chose this specialty, what they see as the difficulties of employment, what functions of personnel management they plan to work in, what place in life they put career success, what topics in career management are the most relevant for them.

The author also offers several recommendations that will improve the learning process, as well as make the development of students more focused and closer to the technologies used in business. The article focuses on the fact that it is important for students to develop supra-professional competencies, since they play an important role in building a career. The object of research in this article are students of the specialty “Labor Economics and Personnel Management”. The purpose of the article is to analyze the results of a survey of students on how they manage their career during their studies at the University. To achieve this goal the author set the following tasks for himself:

1. Determine what influenced the choice of specialty “Labor Economics and Personnel Management”, as far as it was conscious.
2. Evaluate how the Department of Labor Economics and Personnel Management and the University can help students manage their careers, determine the efforts of students in the proposed activities on the part of the University.
3. Analyze the current and planned labor activity of students (whether they work in their specialty, and if not, whether they plan to).
4. Evaluate where students place their careers in their lives and what topics are relevant to them in the context of career management.

FUNDING: The study was carried out with the financial support of the RFBR within the framework of scientific project no. 19-29-07435.

KEYWORDS: career, career management, development management, supra-professional competence.

FOR CITATION: Shavrovskaya M.N., Pesha A.V. (2020). Research results of the features of the career management by students, *Management Issues*, no. 6, pp. 71–80.

REFERENCES

1. Kharlanova T.N. (2015). Development of career orientations of student youth in the process of professional training. Ph. D. thesis. Moscow.
2. Vernienko L.V. (2017). Strategies for building a career by students in the process of obtaining higher education, *Synergy*, no. 1, pp. 7–12.
3. Pesha A.V., Kamarova T.A., Patutina S.Yu. (2019). Roadmap of interaction of a higher educational institution, employers and students in the conditions of a modern innovative economy, *Modern Education*, no. 1, pp. 48–62.
4. Volkova N.V., Chiker V.A. (2016). Features of career motivation in the context of the theory of generations: the result of empirical research, *Bulletin of St. Petersburg State University. Ser. 8. Management*, Issue 4, pp. 79–105.

⁴RSCI AuthorID: 593628

⁵RSCI AuthorID: 864622

5. Koropets O.A., Pesha A.V., Plutova M.I. (2017). Career management at the stage of professional training of students of economic specialties, *Economics and Entrepreneurship*, no. 8-2, pp. 1005–1008.

6. Pushkareva L.G., Musin A. (2014). Reflections on a career (according to a survey of young people), *Concept*, spec. no. 2. ISSN 2304-120X. URL: <http://e-koncept.ru/2014/14518.htm> (accessed 26.05.2020).

7. Temnova L.V., Lizunova O.A. (2017). Factors of the formation of career trajectories of university graduates, *Higher education in Russia*, pp. 89–97.

8. Doronina N.N. (2017). Career orientations of university students, *Scientific Bulletin of Belgorod University. Series: Humanitarian sciences*. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kariernye-orientatsii-studentov-vuza-1> (accessed 26.05.2020).

9. Lesnikova S.L., Leukhova M.G. (2018). Professional Self-Determination of University Students as a Condition of Professional Identity: Aspect of Attitude to Professional Career, *Baltic Humanitarian Journal*. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnoe-samooopredelenie-studentov-vuza-kak-uslovie-professionalnoy-identichnosti-aspekt-otnosheniya-k-professionalnoy> (accessed 26.05.2020).

10. Bogdan E.S., Guzych M.E. (2016). The psychological aspect of planning and managing individual careers by students and graduates of the university, *Psychological and pedagogical problems in education*, no. 6, pp. 178–183.

11. Berkutova D.I., Gromova E.M., Gorshkova T.A. (2018). Formation of professional identity as a factor in the design of the career strategy of a modern university student, *Samara Scientific Bulletin*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 299–304.

12. Girfatova A.R., Piskareva S.E. (2015). The relationship of personal qualities and characteristics of career orientation of students of management specialties, *Bulletin of the Bashkir University*, vol. 20, no. 4, pp. 1413–1416.

13. Bulaeva M.N., Lapshova A.V. (2017). Modern

trends in the development of social and professional orientation of university students, *Karelian scientific journal*, vol. 6, no. 4 (21), pp. 21–24.

14. Krakovetskaya I.V., Kudashkina L.A. (2018). Formation of personal competitiveness of students in the context of the transformation of universities, *University management: practice and analysis*, vol. 22, no. 2, pp. 106–115.

15. Cimatti B. (2016). Definition, development, assessment of soft skills and their role for the quality of organizations and enterprises, *International Journal for Quality Research*, vol. 10, no. 1, pp. 97–130.

16. Zeer E.F., Tretyakova V.S., Scherbina E.Y., Bukovey T.D. (2018). Convergence as methodological basis for development of trans-professionalism of activity subjects, *Eurasian Journal of Analytical Chemistry*, vol. 13, no. 1b.

17. Smidt W. (2015). Big Five personality traits as predictors of the academic success of university and college students in early childhood education, *Journal of Education for Teaching*, vol. 41, no. 4, pp. 385–403.

18. Thongthaw S. (2014). Changes in teacher education in Thailand 1978–2014, *Journal of Education for Teaching*, vol. 40, no. 5, pp. 543–550.

19. O'Connor A., O'Connor A., Seery N., Cleveland-Innes M. (2016). Identifying, Developing and Grading 'Soft Skills' in Higher Education: A Technological Approach Education. In: Higher Education in Transformation Conference. Ontario.

20. Batrinca L.M., Mana N., Lepri B., Pianesi F., Sebe N. (2011). Please, tell me about yourself: automatic personality assessment using short self-presentations. In: Proceedings of the 13th international conference on multimodal interfaces, pp. 255–262.

21. Pisoni G., Gaio L., Rossi A. (2019). Investigating Soft Skills Development through Peer Reviews Assessments in an Entrepreneurship Course. In: IEEE International Symposium on Multimedia (ISM).

AUTHORS' INFORMATION:

Marina N. Shavrovskaya – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); marina_bel@list.ru.

Anastasiya V. Pesha – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg, 620144, Russia); myrabota2011@gmail.com.

ПОДРОСТКОВАЯ НЕНАВИСТЬ В РУНЕТЕ

В.И. Красиков^{1а}

^аВсероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

АННОТАЦИЯ:

Постановка проблемы. В литературе, посвященной исследованиям деструктивной активности в киберпространстве, большинство работ имеет своим предметом политические группы. Между тем, имеются радикальные сообщества неполитической направленности, вызывающие негативный общественный резонанс, но еще не ставшие объектом систематических теоретических усилий. К ним относятся подростковые интернет-объединения экстремистской направленности.

Цель. Статья имеет своей задачей сопоставительный анализ подростковых интернет-сообществ в российском сегменте интернета, отличающихся ярко выраженной риторикой ненависти: молодежь, ориентированная на криминальные ценности и российские скулшутеры. Эти группы сопоставлены по ряду мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров.

Методы исследования. Реализация этих задач требует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. Во-первых, это категориально-критериальный анализ сопоставление тезауруса и критический дискурс-анализ. Во-вторых, это сбор материала при помощи общих и специальных поисковых программ и информационно-поискового тезауруса. Центральный концепт исследования и одновременно его критерий – это понятие ненависти.

Результаты. 1. На основе анализа соответствующего контента социальных сетей, интернет-аккаунтов и при помощи разработанного тезауруса, выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной хейтерской симптоматикой. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети «ВКонтакте». Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их сопоставительного анализа.

Научная новизна. Подтверждена гипотеза о широком распространении в настоящее время подростковых интернет-объединений с ярко выраженной риторикой ненависти. Выявлены и сопоставлены между собой сообщества А.У.Е. и скулшутеры по ряду признаков.

Практическая значимость. В результате определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к экстремистским из-за систематичности применения физического насилия и наличия жертв. Материалы статьи могут заинтересовать как ученых-обществоведов, так и практических управленцев, а также специалистов по проблемам безопасности.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31650.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: группы ненависти, скулшутеры, А.У.Е., радикальная активность, речевая агрессия, криминальная субкультура.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Красиков В.И. (2020). Подростковая ненависть в рунете // Вопросы управления. № 6. С. 81–93.

Постановка проблемы

Содержание российского сегмента интернета неоднократно становилось объектом рассмотрения с лингвистической, культурологической, социологической, политологической,

философской и других точек зрения. Особенно дотошно исследовались его радикальные фрагменты, потенциально опасные с точки зрения общественной безопасности. При чем здесь явственно неравномерное распре-

¹ AuthorID РИНЦ: 75720, ORCID: 0000-0002-8850-5550

деление приоритетов. Львиная доля усилий уделена анализу ярко выраженных политических форм радикализма: политико-религиозного толка (прежде всего квази-исламского экстремизма), политико-националистического характера (шовинизм, сепаратизм и пр.), протестных движений системной и несистемной оппозиции [1–16].

Между тем в последние два десятилетия появились новые радикальные интернет-сообщества, которые мотивированы в своем появлении и другими важнейшими аспектами человеческого существования, помимо политического, националистического или религиозного, такими как возрастной, личностно-психологический и др. Их роднит с политическими формами радикализма интенсивно проявляющиеся в их активности профили ненависти к определенным группам людей. Отличает же – отсутствие определяющей политической вовлеченности. Подобные сообщества, группы приобрели, особенно в последнее время, большой и довольно негативный медийный резонанс, однако остаются вне поля внимания специального теоретического анализа, пребывая в основном в сфере публицистического дискурса. Имеющиеся исследования еще довольно немногочисленны [17–20]. Это обуславливает научную актуальность и значимость предлагаемого исследования.

Конкретная научная задача

Задачей данного исследования является сопоставительный анализ подростковых интернет-сообществ, отличающихся ярко выраженной риторикой ненависти: скулшутеров и молодежи, ориентированной на криминальные ценности. Мы намерены сопоставить их по ряду мировоззренческих, социальных, организационных и лингвистических параметров.

Методологическая база

Реализация потребует использования как теоретических, так и эмпирических приемов исследования. К числу первых можно отне-

сти категориально-критериальный анализ, составление тезауруса и критический дискурс-анализ. Методы эмпирического исследования: сбор материала при помощи общих и специальных поисковых программ, информационно-поискового тезауруса; анализ полученного контента.

Центральным концептом и одновременно критерием является понятие «ненависть».

Количество определений ненависти необъяснимо. И это вполне ожидаемо от попыток дефинирования столь базовой человеческой эмоции. Мы выбрали определение А. Ребера²: «Ненависть – это глубокая, длительная, интенсивная эмоция, выражающая злость и враждебность к человеку, группе или объекту», она «характеризуется: а) желанием причинить вред или боль объекту эмоции; б) чувствами удовольствия от неудач объекта»³. Выбор обусловлен удачной и краткой атрибуцией основных качеств: интенсивность, длительность и захваченность людей этим чувством. Так, другие исследователи либо указывают все эти важные характеристики по отдельности, либо включают в определения «ненависти» мало проясняющие метафоры (например, «крайний гнев, отвращение»⁴).

Особенность нашего исследования заключается в анализе активности тех подростковых групп (интернет-сообществ), у которых именно ненависть является системообразующим началом и основным идентификационным отличием. Главный критерий, по которым мы их выделяем: ненависть как основообразующее для них начало – это стержень и смысл их существования. На первом плане у них интенсивное желание поражения в правах своего противника и самоутверждение посредством этого.

Информационная база

Исследование проводилось в виде ручного интернет-поиска по заранее составленным и уточняемым в ходе практики тезаурусам с

²Ненависть // Оксфордский толковый словарь по психологии / под ред. А. Ребера. URL: <https://www.psyoffice.ru/6-487-nenavist.htm> (дата обращения: 30.10.2020).

³Байковский Ю. В., Самойлов Н. Г., Алёшичева А. В. Экстремальная психология: словарь терминов. М. : АГСПА, 2018. С. 84.

⁴Военно-психологический словарь-справочник / под общ. ред. Ю. П. Зинченко. М. : ИД Куприянова ; Общество психологов силовых структур, 2010. С. 166.

⁵Мониторинг соцсети ВКонтакте. URL: <https://vktoppost.ru/> (дата обращения: 30.10.2020).

использованием как общих поисковиков, так и специальных программ на базе социальных сетей⁵.

Подростковые группы ненависти, объединяющиеся действительно на основе сильнейшей профильной эмоции против определенных категорий других людей, были выявлены, в итоге, по наличию в их названии слов-маркеров, соответствующих их лексике: «пацаны», «братва», «шмары», «гопота», «жизнь вора», «ненавижу школу», «уничтожим школы», «убить училку» и др.

Следует сказать, что условия поиска подобных групп изменились в последние два года – из-за политики блокировок Роскомнадзора, предпринявшим меры борьбы против них⁶. Он, по сути, вывел из легального оборота интернет-лейблы, прямо указывающие на профиль объединений, успевших дискредитировать себя в сравнении с более ранними исследованиями этих групп [21]. Такие слова как «скулшутинг», «А.У.Е.» и др., бывшие ранее маркерами этих сообществ, сейчас просто табуированы в легальном интернет-обороте, что в известной степени затруднило поиск. Кстати, можно перевести аббревиатуру «А.У.Е.» как «арестантский уклад един» или «арестантское уркаганское единство» Это есть название криминальной субкультуры, состоящей из несовершеннолетних. Данное молодежное сообщество пропагандирует среди несовершеннолетних криминальные ценности, требует соблюдения «воровского кодекса» со сбором денег на их фонд взаимной поддержки («общак») взамен обещая защиту [22].

Решение научной проблемы

Мы выявили ареалы и масштабы интернет-распространения подобных групп, установили численность их подписчиков, особенности коммуникативной активности этих деструктивных объединений. Остановимся на них более подробно.

Генезис блатной культуры, основанной на своих столпах-носителях – «ворах в законе», возводят к концу XVII – началу XVIII вв. Однако, вышла из состояния маргинальности она в годы сталинских репрессий, когда значительная часть населения прошла через лагеря⁷. Были созданы своя мораль, свой кодекс поведения и даже своя незатейливая «философия». Уличные хулиганы, подростковые банды всегда были, так сказать, резервом криминального подполья в любом обществе, в том числе и у нас. И с появлением киберпространства, социальных сетей молодые люди из известных слоев общества и местностей стали сбиваться в аналогичные подворотням виртуальные группы.

Причем эти группы не локальны, а хорошо скоординированы, существуют в российском сегменте интернета в виде довольно тематически разработанного интернет-сайта Быдла.NET⁸ с почти 9 тыс. зарегистрировавшихся. В отличие от просто настенных фотообъявлений, здесь уже даже есть нечто вроде «концепции».

Однако, все же основное количество молодежи, так сказать «гопнической направленности», пребывает в социальных сетях. Ключевыми словами для поиска групп ВКонтакте, ориентирующихся на воровскую культуру, были: «пацаны», «братва», «гопота», «воры» («жизнь вора»), «ненавидим мусоров», «шмары» и др.

Наибольшее количество названий групп (2 170), причем лишь по Москве, связано, так или иначе, со словом «пацаны». Кроме нескольких десятков объединений поклонников известного сериала, все же большая часть представлена молодежью, ориентированной на воровские ценности. Они актуально действуют и быстро прирастают. Причем впечатляет число подписчиков: так, у группы с мелодраматическим названием «Душа пацана» их более 533 тыс.⁹

⁵Роскомнадзор. Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. URL: <http://eais.rkn.gov.ru/> (дата обращения: 31.10.2020).

⁷Уголовная империя. 2001–2017 гг. Дополнения А. Захарова. URL: https://aferizm.ru/criminal/crime_kingdom.htm (дата обращения: 31.10.2020).

⁸Быдла.NET. URL: http://bidla.net/forum/topic_8338/ (дата обращения: 31.10.2020).

⁹Душа пацана // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/public33009863> (дата обращения: 31.10.2020).

Другой популярный бренд – «братва»; с ним в Москве представлено 987 групп: от 5 600 подписчиков в «топовой» группе «Будни пацана»¹⁰, причем все группы именно «приблатненные». Количество групп, содержащих в названии слово «воры» – 275, «гопота» – 77, «шмары» – 36, «жизнь вора» – 20.

Их контент сводится к картинкам с «пацанскими мудростями», фотографиям люксовых машин и полуобнаженных девушек. Иногда можно встретить цитаты из блатных песен, видео о ворах в законе и жизни на зоне.

История скулшутинга (англ. *school shooting* – атаки в учебных учреждениях) начинается 20 апреля 1999 г., когда американские подростки Эрик Харрис и Дилан Клиболд устроили бойню в школе «Колумбайн» штата Колорадо. Тогда были убиты 13 человек, еще 23 получили ранения, сами убийцы застрелились. Феномен «Колумбайна» во многом объясняется целым комплексом факторов, которые вкуче создали некий культ с большой примесью подросткового романтизма непонимания, неприкаянности и мелодрамы мести. Это образы самих террористов: черные плащи, очки. Голливудский сюжет: травля одноклассниками, непонимание со стороны родителей и часовая сладостная месть расстрела, записанная на любительскую камеру, прощальный ролик и самоубийство. Кстати, снято порядка десятка фильмов о ненависти в школе, в том числе и под влиянием истории Харриса и Клиболда. Не хватало лишь мощного звукового ряда – и он появился в 2010 г., когда инди-поп-группа *Foster the People* выпустила песню (клип) «Pumped Up Kicks», разошедшуюся тиражом в 4 млн копий, ставшую, по сути, гимном культа, с припевом: «Вам лучше бежать, лучше бежать быстрее моей пули». Наконец, появились и литературе дневниковые записи самих убийц.

Проблемы всюду одни, и глобализующийся мир воспроизводит единые паттерны. В России произошло более 10 случаев совершения скулшутинга по образу последователей преступников из Колумбайна, из них наиболее массовым стал расстрел 17 октября 2018 г. в Керчи в местном политехническом колле-

дже, когда восемнадцатилетний студент Владислав Росляков убил 21 человека, ранив 60. Совершение преступления напоминало убийство в Колумбайне (использование взрывчатых веществ, подражание одному из скулшутеров Колумбайна, самоубийство в библиотеке и др.).

Ключевыми словами для поиска подобных групп в социальной сети «ВКонтакте» были: «ненавижу школу», «убить учителя», «сжечь школу» и др.

Таблица 1 – Группы социальной сети «ВКонтакте» по ключевым словам

Table 1 – Groups of the VKontakte social network by keywords

Строка запроса	Число групп	Участников	
		от	до
«ненавижу школу»	417	36	2 578
«убить училку»	15	15	291
«убей учителя»	19	10	281
«ненавижу учителей»	25	10	218
«сожжем школу»	16	10	736
«уничтожим школы»	29	10	205

Правда контент подобных открытых сообщений, к тому же у многих не актуальный, а прошлых лет функционирования, вряд ли можно признать экстремистским. По большей части это инфантильный юмор школьников или же рекламные объявления репетиторов. Предположительно иной контент в закрытых пабликах¹¹.

Теперь, когда мы определили основной круг «подозреваемых», настало время их сравнения для выявления общих и отличительных черт с целью определения шкалы их общественной вредности. О том, что они вредны свидетельствует опыт жизни сотен предшествующих нам поколений людей: ненависть между группами людей никогда ни к чему хорошему не приводила.

Выявление этих групп проходило по критерию «ненависти» как их системообразующего начала (смысла объединения) и основного идентификационного отличия. Соответственно, их сравнение целесообразно начать с анализа различий в объектах ненависти, целей и средств деятельности в их отношении.

¹⁰ Будни пацана // ВКонтакте. URL: https://vk.com/budni_pazana (дата обращения: 31.10.2020).

¹¹ Когда все вместе соберемся, уничтожим нашу школу!!! // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club1302617> (дата обращения: 31.10.2020).

Таблица 2 – Объекты ненависти подростковых интернет-групп
Table 2 – Objects of hatred of teenage internet groups

Группа	Объекты ненависти	Причины ненависти	Неприятные категории	Приятные категории
А.У.Е.	служащие органов правопорядка («менты», «легалы», «мусора»)	фрустрации, низкий жизненный уровень, социально неблагополучные семьи и проблемные регионы	молодежь не их круга («быдло», «чмори», «лохи»), государство и его институты	спортсмены силовых видов спорта, футбольные фанаты
Скулшутеры	ненависть к не принимающему их конкретному социальному окружению: обидчикам и угнетателям	фрустрации со стороны сверстников; негативная обстановка в семьях; личные психологические проблемы и дисфункции (различные комплексы, депрессии)	так называемые «успешные» ученики, объединенные в разного рода «клики», «банды»: физически более сильные, агрессивные, с большим самомнением	другие школьные аутсайдеры, мстители и борцы за справедливость

Таблица 3 – Ключевые ценности подростковых интернет-групп
Table 3 – Key values of teenage internet groups

Группа	Ключевые ценности	Контекст происхождения ценностей (социо-демографический)	Паттерны активности
А.У.Е.	система ценностей блатного мира: преступления, а не полезный труд; культ безмерного чувственного удовольствия (выпивка, наркотики, секс, хулиганство-преступления); условная социальность («братва», «общак», «авторитеты»); брутальность (душевная грубость и примитивизм)	маргинальная молодежь из неблагополучных семей и депрессивных регионов – следствие проблем, связанных с расширением бедности, незащищенности, исключение молодых из реальных секторов общественной жизни	попойки, драки «за район»; запугивания, провокации и шантаж в отношении одноклассников; установление жесткой иерархии и криминальных порядков в учебных заведениях
Скулшутеры	неонационалистическая идеология (идеи А. Гитлера, А. Брейвика, Б. Таррента и др.)	молодые люди (16-19 лет) с комплексом неполноценности, собственной неопределенности обществом, у которых конфликтные коммуникации со своими одноклассниками и учителями, родителями	участие в ролевых играх, касающихся тем скулшутинга; интерес к оружию; распространение материалов о скулшутинге; историческая реставрация событий скулшутинга

Далее, имея дело со сформировавшимися, в целом, субкультурами, уместно применить для их анализа структурно-семиотический метод, исходя из допущения о структурном сходстве языка и культуры, связи означаемого с означающим. Означающее – это чувственно воспринимаемое в субкультурах: сленг, символика, нормы поведения. Означаемое, представленное в означающем – ментальные конструкции: концепты, идеи или мифологемы [23].

Таким образом, после сравнения ключевых объектов их ненависти, мы сопоставим их ключевые ценности (смыслы), цели (задачи), лингвистические особенности дискурса, символику, степени выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой, лидеров или «культовых персонажей».

Хотя объединения, являющиеся предметом нашего анализа и называются «группами

ненависти» и это чувство является действительно профильным для них, все же есть и другие категории людей, с которыми эти группы каким-то образом выстраивают свои отношения (неприятель меньшей интенсивности: презрение, недоверие-непонимание), а с некоторыми могут иметь и некие связи приятельности.

Причины ненависти ожидаемы и понятны. Это всегда фрустрации и обиды, независимо от того, насколько они реальны и от кого бы они ни происходили, и насколько социально необходимы они ни были, – они всегда повсеместно присутствуют в нашей жизни.

Группы ненависти так и названы в силу того, что ненависть к конкретным социальным адресатам определяют сам смысл существования этих объединений, когда людям интересно именно сильная нелюбовь к какой-то ка-

тегории, группе. Подобный объединительный импульс предопределяет и общие ценности, и структуры соответствующей активности. Также сюда органично примыкают источники рекрутирования в группы ненависти – они далеко не случайны, сюда приходят и остаются вполне определенные люди.

Анализ-сопоставление ключевых ценностей исследуемых сообществ приводит к довольно неожиданному выводу: все они разделяют эмансипационный порыв, но весьма специфического свойства. Это свобода от ряда обязательств, накладываемых обществом, некоторых традиций, перекраивание в свою пользу соотношения разрешений и запретов. Именно подобной «новой свободой» они и привлекательны для молодого поколения, являющегося их основным «электоратом». Скулшутеры требуют ресентимента как «револю-

ции» полного переворачивания ролей господ и угнетателей – хотя бы в своем маленьком приватном мирке. Криминализованная молодежь стремится превратить социальный мир с его конвенциональными нормативными конструкциями в «сумеречную зону» понятий преступного мира.

Ценности сообществ трансформируются во вполне ожидаемые цели, задачи и средства, иначе бы терялся сам смысл объединения людей в сообщества. И здесь очень важно разобратся в том, к чему реально стремятся эти группы и как это подается.

Цели реальные здесь довольно-таки очевидны и связаны все с тем же профилирующим чувством ненависти к определенным группам. Это всегда месть и презрение обидчикам. Все это, однако, непременно маскируется благовидными прикрытиями.

Таблица 4 – Цели подростковых интернет-групп
Table 4 – Goals of teenage internet groups

Группа	Цели	Задачи	Средства достижения
А.У.Е.	Пить, гулять, без оглядки на окружающих, еще и презирать и унижать их; терроризировать их, особенно сверстников, бравирова своей силой и наглостью; навязывая свои порядки	Преступления, обогащение за счет других, эпатажное потребление спиртных напитков, наркотических средств и т.д.; пренебрежение к труду	Соблюдение «воровского кодекса», его интернет-пропаганда; сбор денежных средств, продуктов, одежды в «воровской общак»; нападения на отделы полиции, для освобождения своих сверстников, задержанных за административные нарушения; подготовка к тюрьме как позитивному будущему (инициация на взрослость)
Скулшутеры	месть обидчикам, утверждение своей значимости, по-смертная слава и многочисленные обожжающие последователи	убить конкретных обидчиков, мучителей; нанести вред молчаливому безучастному большинству	угрозы убийства; предупреждение окружающих о подготовке нападения; публикация в социальных медиа сообщений с датой, ключевой фразой с использованием характерных смайликов «оружия, черепа» и др.; демотиваторы с высмеиванием учителей, их депозитивация

Таблица 5 – Лингвистические особенности дискурса
Table 5 – Linguistic features of discourse

Группа	Лингвистические особенности дискурса	Основные понятия, в которых предстает значимое окружающее	Основные нарративы: популярные типичные повествования
А.У.Е.	общение мало интенсивно, предпочитают визуальный ряд в соц. сетях: фото, граффити, краткие надписи и клипы, более сложные текстовые словесные самовыражения редки, очень обедненная лексика: приторные – по слезливости и банальности – «мысли»	пацаны, легавый, мусора, шмалево, общак, смотрящий, чифир, арестантский уклад един, А.С.А.В., шмары, лохи, терпилы, чмошники	вечеринка (день рождения, выход «на район»), с обязательным обильным возлиянием; столкновения с правоохранителями; рассказы о зоне, воровских авторитетах; разного рода криминальные сюжеты; спорт с элементами насилия
Скулшутеры	навязчивое присутствие в текстах слов, обозначающих насилие, причем в заданном «героями-основателями» формате: бойня, заложники, убивать (стрелять), взрывать, вышибу мозги, отомщу им за все, не приходи завтра в школу	Колумбайн, скулшутеры, Эрик Харрис и Дилан Клибод, пустить кровь, вышибу мозги училке, всех перестрелять, расстреляю школоту, апрельские мальчики	рассказы о скулшутинге, насилии, личности убийц; их дневниковые записи, записи из медицинских карт, фото из семейного архива, подробное описание последовательности событий преступления; тип оружия, предпочтения в еде

Таблица 6 – Символика подростковых интернет-групп
Table 6 – Symbols of teenage internet groups

Группа	Символы	Атрибутика (цвета, одежда, стрижка и пр.)	Популярные визуальные образы, сюжеты, мемы	Музыка
А.У.Е.	восьмиконечная «роза ветров», «звезда воров»	классика жанра: спортивные костюмы, «качалки», армейские ботинки, короткие стрижки и т. п.	многочисленные фотографии «пацанов» в героических позах, культ силы, оружия; в почете Бодров-младший, герои «Бригады», гангстерские фильмы, смакования унижения полицейских, видеозаписи драк	шансон, при- блатненная му- зыка (<i>Лесоповал</i> , <i>Сектор газа</i> , <i>Бутырка</i>), рэп, панк
Скул-шутеры	использование нацисткой и сатанинской символики, аватарки в виде фото скулшутеров или их комиксных вариантов, рисунки (кровь, оружие, мишени)	широкие штаны с карманами, белая футболка (надписи, типа: «Естественный отбор», «Ненависть», «Гнев» и др.) и длинный черный плащ, высокие ботинки	интерес к материалам с шок-контентом: убийства, самоубийства, происшествия, терроризм, пытки, живодерство; интерес к информации, содержащей описание методов и способов убийства/ насилия/самоубийства/изготовления оружия и взрывчатки; оправдание убийства и убийц, мысли о красоте убийства. Видео-контент, фильмы: «Слон», «Класс», «Боллинг для Колумбины», «Апрельские дожди»	<i>Foster The People</i> («Pumped up Kicks»), <i>Rammstein</i> , <i>KMFDM</i>

Неотъемлемым признаком любой новой субкультуры является создание словаря специфических понятий, которые востребованы для создания своей особой картины мира, предстающей в серии повторяющихся «классических» рассказов (нарративов). В понятиях предстает значимое окружающее с определенного угла зрения, профильного для данной субкультуры, а нарративы сюжетно раскрывают понятия, складываясь как паззлы в некое характерное мировоззрение.

Для них характерна ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение речевых средств. В тезаурусе преобладают оскорбительные характеристики, прежде всего своих врагов («мусора», «лохи», «школота», «училки»). Нарративы созданы как для запечатления своей неординарности и монументальности, так и обуздания врага. Среди них почетное место занимают именно насильственное обуздание ненавистника: драки и расстрелы.

И вполне естественно возникновение символического ряда, сопровождающего появление каждой новой субкультуры во всевозможной гамме ее самовыражения. Сюда включается как чистая символика (абстрактные стилизованные изображения или обозначения; повседневная атрибутика или сопутствующие характерные одежда, обувь, стрижка) так и атрибутика, специфичная именно для современ-

ной медийной (интернет) культуры – особое визуально-звуковое сопровождение.

Бросаются в глаза явно общие черты этих субкультур в символике: агрессивность, тяготение к воинственности (милитари) и насилию в визуальных образах.

Степень выражения связей с традициями и общезначимой ценностной сферой весьма важна при анализе степени развитости субкультуры, которая оформляется, рано или поздно, при достаточно длительном существовании групп, объединенных единым профильным интересом, в особенности, если он достаточно акцентирован, как в случае с нашими группами. Анализ этой характеристики показывает, насколько далеко зашел процесс самоотделения и самоотличения: как, так сказать, от «бэкграунда» самого общего плана (корневых традиций отечественной культуры), так и от современного культурного контекста. Из всего этого можно также умозаключить насколько далеко группы продвинулись на пути «субкультурного строительства» – в складывании уже своих характерных культурных форм.

А.У.Е. из общезначимых традиций признают лишь семейные и дружеские: «за своих родных и друзей любого порву», «я плохой сын хорошей матери». Вместе с тем ориентированы они все же в основном на блатные традиции. К современным ценностям (образова-

Таблица 7 – Персонализация: лидеры и культовые персонажи

Table 7 – Personalization: leaders and cult characters

Группа	Лидеры	Культовые персонажи	Персонифицированные враги
А.У.Е	Воровские авторитеты прошлого и настоящего, администраторы своих сайтов	Воровские авторитеты, воры в законе, известные бойцы без правил, борцы	Игорь Комиссаров ¹² , правоохранители всех уровней
Скулшутеры	Актуальные лидеры неизвестны, т.к. участь скулшутера суицидальна по определению, в России наиболее известны погибшие Михаил Пивнев и Владислав Рославлев	Э. Харрис, Д. Клиболд, Дилан Руф, Митчел Джонс, Эндрю Голден, Джеффри Уиз, Сын Чи Хо	Наиболее популярные одноклассники, молодежь из богатых семей

ние, карьера, семья) отношение отрицательное, т. к. жизнь вора предполагает существование в своей особой реальности при отторжении нормальной повседневности. Из сформировавшихся своих традиций можно назвать вписки, или посвящения (посвят), т. е. прием в сообщество, сбор средств в общак, следование «понятиям», преследование изменников.

Отношения скулшутеров к традициям и к современной общезначимой ценностной сфере выявить пока не представляется возможным, поскольку их это просто не интересует. Зато можно сказать о формировании кое-чего, напоминающего «традиции». Это романтизация поведения знаменитых скулшутеров: трансляция их биографических фактов, цитат; популяризация идеи скулшутинга через визуальные образы, мемы, онлайн-сообщества, ролевые игры, спецканалы в мессенджерах.

Как можно видеть из сопоставления отношения групп к традициям и общезначимой ценностной сфере, а также их притязаний на собственное культурное оформление, они имеют достаточно выраженный контркультурный характер.

Предлагаемая рубрикация позволяет в некоторой возможной степени персонализировать данные рунет-сообщества. Естественно, следует отдавать себе отчет в условности приписывания качеств «лидерства» и «культовости» тем или иным личностям – для многих участников групп они могут и не быть вполне таковыми.

Шкала социальной опасности

Попытаемся на основании полученных результатов определить диапазон их социальной опасности: насколько они мешают жить другим, каков вред, причиняемый ими людям. Критериями выступают степень радикализма целей и средств, степень присутствия в «реале» риторики ненависти, общественный резонанс (известность), наличие насильственных актов.

Именно систематичность физического насилия, наличие жертв и являются качественной чертой, за которой начинается не потенциальный, а прямой экстремизм. К экстремистским группам следует отнести и сообщества криминализованной молодежи (А.У.Е.), и скулшутеров. Симптоматично, что первые буквально недавно наконец-то были признаны таковыми официально нашей правоохранительной системой.

Проблема путей противодействия и качественного изменения ситуации

Следует признать, что проблема преступности несовершеннолетних и склонность молодежи к бунту в целом – это не столько характеристика ситуации в абсолютном большинстве современных стран, какими бы отличными в социально-экономическом, цивилизационно-культурном отношении они ни были, сколько, похоже, антропологическая константа.

Трудно и, скорее всего, невозможно, выдумать нечто совсем что-то новое, оставаясь в технологических и социальных рамках совре-

¹²Бывший старший помощник председателя СКР РФ, генерал-майор юстиции, 8 лет назад одним из первых инициировал расследование феномена А.У.Е. Широко известно его выступление по этому поводу в Госдуме, распространенное в рунете. В результате, 17.08.2020 Верховным судом РФ принято решение о признании А.У.Е. экстремистским движением.

менности, но можно обобщить и систематизировать уже имеющееся, ранее высказанные позитивные идеи.

Проблема молодежных девиаций, в нашем случае в электронном пространстве рунета, решается двумя группами мер: запретительно-ограничивающего, юридического действия и (или) социально-трансформирующего реформистского движения.

Меры первой группы соответственно градации групп по шкале социальной опасности (поведенчески-девиантные, социально-вредоносные, экстремистские) могут быть таковы: превенция, существенные ограничения и преследование-искоренение. Первые две меры относимы к регуляции интернет-коммуникаций, третья – собственно к юридическим мерам в «реале». Последняя должна стать поводом для дальнейших серьезных обсуждений в юридическом сообществе, а вот первые уже имеют обозримый опыт применения.

Речь идет о практике ограничения деятельности и блокировке вредоносных аккаунтов. Казалось бы, вполне разумный путь, однако последние исследования показывают, что ни временная, ни полная блокировка подобных аккаунтов не приносит долгосрочных результатов. При блокировке одного из лидеров, другие лидеры помогают ему восстановиться или создать новый аккаунт, группы легко перемещаются в другие коммуникационные пространства (социальных сетей, интернет-каналов, мессенджеров и др.). В силу самой архитектуры сети технические средства контроля-блокировки пока невозможны. А это делает малоприменимыми разрабатываемые юридические меры и в «реале».

Коренной недостаток ограничивающе-запретительных мер в том, что они пытаются остановить активность, признанную деструктивной. Однако, помимо того, что действие порождает противодействие, сама энергия отрицания остается, ищет и, в конце концов, находит иные каналы реализации. Это касается того, как устанавливаются преграды в русле текущей реки – будучи остановленной в одном месте, она тут же пробивает себе новые русла. Иное дело, если попытаться изменить вектор самой энергии, с отрицательного (для общества) значения – на позитивный.

Это в принципе возможно: при помощи педагогов, социальных работников, психологов, которые смогут убедить молодежь идентифицировать себя с установленным порядком и научить ее получать удовольствие от соответствия ему. Либо решить проблему склонности к бунту при помощи других молодых людей, вдохновленных новыми великими идеями, позволяющими им сделать в жизни что-то важное и задать творческий тон и новую моду для своих сверстников [24]. Увы, новые «великие идеи» всегда в большом дефиците, но вот создавать позитивные идентификации, нужные для сохранения имеющихся мировоззренческих балансов и социальных контрактов – задача вполне решаемая, хотя и основательно подзабытая на уровне принятия вышших управленческих решений.

Итак, подведем итоги и сделаем выводы из проведенного исследования. Получены следующие результаты (установлены факты):

1. На основе анализа соответствующего контента социальных сетей и интернет-аккаунтов при помощи разработанного тезауруса выявлена совокупность интернет-сообществ с характерной «хейтерской» симптоматикой.

2. Установлены основные интернет-ареалы и аккаунт-дислокации выявленных групп ненависти, примерные вариации их представленности в социальной сети «ВКонтакте».

3. Составлены содержательные «паспорта» их основных мировоззренческих и субкультурных характеристик, ставшие основой для их последующего сопоставительного анализа.

Выводы

Подтверждена исходная гипотеза исследования о том, что имеется ряд сходных неполитических интернет-объединений, отличных от других объединений вызывающе опасным для социума признаком. Это ненависть определенной группы людей к другим по одному общему основанию. В группы ненависти объединяются люди, полагающие себя униженными и обиженными некими общими «другими». И хотя опыт унижения и обид отдельных людей конкретен, он экстраполируется на всю категорию «обидчиков».

Особенно это характерно для групп подростков А.У.Е. и скулшутеров. Так неудачи и унижения в индивидуальном опыте общения

с дворовыми и школьными хулиганами универсализуются, становятся вмененной атрибуцией всей противопоставляемой категории, а именно «не наших ребят» («быдла», «школоты»). Так формируется и объект ненависти, и прочное объединительное начало существования этих групп.

Другой общий признак – это попытка перекроить традиционно установившееся соотношение разрешений и запретов, утвердив тем самым свою «новую свободу». Для скушутеров – свободу апокалиптического ресентимента, для криминализованной молодежи – свободу «сумеречной зоны» понятий преступного мира.

Следующий общий признак – «двойная бухгалтерия» целей и средств: одни – для презентации, другие – для внутреннего негласного взаимопонимания и эмоционального единения. Подобная «бухгалтерия» нужна для «нормализации» своей субкультуры, придания ей респектабельности, а себе – чувства неординарности, особой значимости и роли в обществе, истории, повседневной жизни, для упреждения обвинений в экстремизме и ненависти.

Далее для них является общим и ярко выраженная речевая агрессия, обилие ненормативной лексики, сознательное искажение и снижение лингвистических средств: преобладание в тезаурусе оскорбительных характери-

стик, в нарративах – сюжетов собственной исключительности и обуздания «врага». Другие явно общие черты у них в символике: агрессивность, тяготение к воинственности и насилию в визуальных образах.

Наконец, можно умозаключить на основе сопоставления, что они уже определенно стали субкультурами. Здесь также можно говорить о стабильности условий их воспроизводства – до тех пор, пока существуют, прежде всего, социально уязвимые семьи и депрессивные регионы. Можно предположить, что если качественно изменится отечественная социальная политика, то база молодежного хулиганства резко сократится.

Некоторые затруднения вызвал анализ и оценка субкультуры скушутеров. С одной стороны, у них уже существует своя символика, мифология, музыка, воспроизводимые независимо от особенностей культур или местных социально-экономических условий. С другой – она существует, в основном, онлайн, а крайне молодой, эмоционально-нестабильный, мировоззренчески-незрелый и текущий состав делает их перспективы мало определенными.

Наконец, определен диапазон социальной опасности этих групп ненависти. По ряду критериев они отнесены к экстремистским из-за систематичности применения физического насилия, наличия массовых жертв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бареев М.Ю., Качурина И.О. (2019). YouTube как фактор формирования протестного потенциала молодежи // Регионология. Т. 27. № 3. С. 572–587.

2. Никитина Т.А., Терентьева И.А. (2019). Противодействие распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве России // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. № 3. С. 100–106.

3. Бутенко А.С. (2019). Экстремизм в сети Интернет: понятие и сущность // Юристъ-Правоведъ. № 2 (89). С. 57–61.

4. Пашенко И.В. (2018). Идеология террористических сообществ в сети Интернет: технологии распространения и специфика противодействия // Caucasian Science Bridge. № 1 (2). С. 12–24.

5. Буткевич С.А. (2018). Экстремизм и терроризм в киберпространстве: выявление, нейтрализация и предупреждение // Вестник Краснодарского университета МВД. № 1 (39). С. 17–22.

6. Нерубенко А.С., Елисеєва Е.С. (2018). Экстремизм как социально-правовое явление: распространение экстремистских материалов в сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России. № 1. С. 41–44.

7. Болдырев Е.В., Гонтаренко Н.Н. (2020). Молодежный экстремизм в социальных сетях: анализ основных трендов и мер противодействия. Обзор // НЦПТИ. Вып. 2 (21). С. 37–46.

8. Мурюкина Е.В. (2017). Медиаобразовательный анализ террористических сайтов для молодежи // Медиаобразование. Media Education. № 1. С. 198–212.

9. Рудик М.В., Волков Д.В. (2017). Социальные сети как средство распространения экстремизма // Вестник Краснодарского университета МВД. № 2 (36). С. 32–35.
10. Ключко Е.И. (2016). Социально-интегративные аспекты дискурсивных практик националистических интернет-сообществ // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». Т. 16. № 2. С. 69–73.
11. Стышинский М. (2016). Джихадистская пропаганда в Интернете и социальных медиа // Политическая лингвистика. № 5 (59). С. 158–164.
12. Быкадорова А.С., Чурилов С.А., Шаповалова Е.В. (2016). Экстремизация молодежной аудитории сети Интернет // Казанский педагогический журнал. № 3. С. 181–184.
13. Ушкин С.Г. (2014). Пользовательские комментарии к протестным акциям в русскоязычном сегменте YouTube // Социологические исследования. № 6. С. 127–133.
14. Антонова Ю.А. (2012). Виртуальное сообщество в социальной сети как способ распространения экстремистской идеологии среди молодежи // Политическая лингвистика. № 4. С. 71–80.
15. Салимовский В.А., Ермакова Л.М. (2011). Экстремистский дискурс в массовой коммуникации Рунета // Вестник Пермского университета. Вып. 3 (15). С. 71–80.
16. Кузьмин А.Г. (2008). «Правый» Интернет в России: специфика развития и проблемы противодействия // Политэкс. Т. 4. № 3. С. 75–96.
17. Меняйло Д.В., Иванова Ю.А., Меняйло Л.Н. (2019). АУЕ – криминальное молодежное движение: сущность и способы распространения // Вестник Московского университета МВД России. № 3. С. 107–111.
18. Чирун С.Н. (2019). Молодежное «АУЕ» как интегральный феномен российского постмодерна. Мониторинг общественного мнения // Экономические и социальные перемены. № 1. С. 49–65.
19. Демидова-Петрова Е.В. (2018). Информационный фактор в детерминации современной преступности несовершеннолетних (на примере феномена «А.У.Е.») // Криминология и криминалистика. № 1. С. 20–23.
20. Карпов В.О. (2018). Культ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. Т. 9. № 4. С. 442–446.
21. Самосват О.И., Брежнева Т.С., Шмеерова Е.Р. (2020). Эффективность блокировки деструктивных групп в социальных сетях // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). № 1. С. 109–122.
22. Гребенщиков А.А., Гребенщикова Л.А. (2019). Пропаганда социально-негативного поведения среди несовершеннолетних как общественно опасное явление // Проблемы правоохранительной деятельности. Белгород: Белгородский юридический институт МВД им. И. Д. Путилина. № 3. С. 24–28.
23. Малахова Е.В. (2014). Методологические подходы и принципы исследования современной молодежной субкультуры // Известия МГТУ «МАМИ». Т. 5. № 1 (19). С. 129–132.
24. Маршалл Ходжсон. (2013). История ислама: Исламская цивилизация от рождения до наших дней. М. : Эксмо. 1484 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, профессор; Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (117638, Россия, Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1); KrasVladIv@gmail.com.

TEENAGE HATRED IN RUNET

V.I. Krasikov^{13a}

^aAll-Russian State University of Justice

ABSTRACT:

Problem definition. In the academic literature devoted to studies of destructive activity in cyberspace, most of the works have political groups as their subject. Meanwhile, there are radical communities of non-political orientation that cause a negative public response, but have not yet become the object of systematic theoretical efforts. These include teenage Internet associations with an extremist orientation.

Purpose. The article aims at a comparative analysis of teenage Internet communities in the Russian segment of the Internet that are characterized by the rhetoric of hatred: young people focused on criminal values and Russian school shooters. These groups are compared according to a number of ideological, social, organizational and linguistic parameters.

Method of research. The implementation of these tasks requires the use of both theoretical and empirical research techniques. First, it is a categorical-criteria analysis, a thesaurus, and a critical discourse analysis. Secondly, it is the collection of material using general and special search programs and information and search thesaurus. The central concept of research and at the same time its criterion is the concept of hatred.

Results. Based on the analysis of the relevant content of social networks, Internet accounts and using the developed thesaurus, a set of Internet communities with characteristic hater symptoms was identified. The main Internet areas and account locations of the identified hate groups, as well as approximate variations of their representation in the Vkontakte social network, are established. Substantial “passports” of their main ideological and subcultural characteristics were compiled, which became the basis for their comparative analysis.

Scientific novelty. The hypothesis about the widespread use of teenage Internet associations with the rhetoric hatred is confirmed. Community of J.R.U. and school shooters Identified and mapped according to a number of grounds.

Practical significance. As a result, the range of social danger of these hate groups is determined. According to a number of criteria, they are classified as extremist because of the systematic use of physical violence and the presence of victims. The materials of the article may be of interest to both specialists in social studies and practical managers, as well as specialists in security issues.

FUNDING: The research was carried out with the RFBR and EIS financial support within the framework of scientific project no. 20-011-31650.

KEYWORDS: hatred groups, schoolshooters, Jail Rough Unity (J.R.U), radical extremist activity, speech aggression, criminal subculture.

FOR CITATION: Krasikov V.I. (2020). Teenage hatred in Runet, *Management Issues*, no. 6, pp. 81–93.

REFERENCES

1. Bareev M.Yu., Kachurina I.O. (2019). YouTube as a factor in the formation of the protest potential of youth, *Regionology*, vol. 27, no. 3, pp. 572–587.
2. Nikitina T.A., Terentyeva I.A. (2019). Countering the spread of extremist ideology in the information space of Russia, *Bulletin of the Volga Institute of Management*, vol. 19, no. 3, pp. 100–106.
3. Butenko A.S. (2019). Extremism on the Internet: concept and essence, *Jurist-Pravoved*, no. 2 (89), pp. 57–61.

¹³RSCI AuthorID: 75720, ORCID: 0000-0002-8850-5550

4. Pashchenko I.V. (2018). Ideology of Terrorist Communities on the Internet: Distribution Technologies and Specificity of Counteraction, *Caucasian Science Bridge*, no. 1 (2), pp. 12–24.
5. Butkevich S.A. (2018). Extremism and terrorism in cyberspace: detection, neutralization and prevention, *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, no. 1 (39), pp. 17–22.
6. Nerubenko A.S., Eliseeva E.S. (2018). Extremism as a social and legal phenomenon: the spread of extremist materials on the Internet, *Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 1, pp. 41–44.
7. Boldyrev E.V., Gontarenko N.N. (2020). Youth Extremism on Social Media: An Analysis of Major Trends and Countermeasures. Review, *NTsPTI*, Iss. 2 (21), pp. 37–46.
8. Muryukina E.V. (2017). Media educational analysis of terrorist sites for youth, *Media Education*, no. 1, pp. 198–212.
9. Rudik M.V., Volkov D.V. (2017). Social networks as a means of spreading extremism, *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs*, no. 2 (36), pp. 32–35.
10. Klyuchko E.I. (2016). Socio-integrative aspects of the discursive practices of nationalist Internet communities, *Bulletin of SUSU*, Series “Social Sciences and Humanities”, vol. 16, no. 2, pp. 69–73.
11. Styshinsky M. (2016). Jihadist propaganda on the Internet and social media, *Political linguistics*, no. 5 (59), pp. 158–164.
12. Bykadorova A.S., Churilov S.A., Shapovalova E.V. (2016) Extremization of the Internet youth audience, *Kazan pedagogical journal*, no. 3, pp. 181–184.
13. Ushkin S.G. (2014). User comments on protest actions in the Russian-language YouTube segment, *Sociological Research*, no. 6, pp. 127–133.
14. Antonova Yu.A. (2012). Virtual community in a social network as a way of spreading extremist ideology among young people, *Political linguistics*, no. 4, pp. 71–80.
15. Salimovsky V.A., Ermakova L.M. (2011). Extremist discourse in the Russian Internet mass communication, *Bulletin of the Perm University*, Iss. 3 (15), pp. 71–80.
16. Kuzmin A.G. (2008). “Right” Internet in Russia: Specificity of Development and Problems of Resistance, *Politex*, vol. 4, no. 3, pp. 75–96.
17. Menyailo D.V., Ivanova Yu.A., Menyailo L.N. (2019). AUE – criminal youth movement: essence and methods of distribution, *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, no. 3, pp. 107–111.
18. Chirun S.N. (2019). Youth “AUE” as an integral phenomenon of Russian postmodernism. Monitoring of public opinion, *Economic and social changes*, no. 1, pp. 49–65.
19. Demidova-Petrova E.V. (2018). Information factor in the determination of modern juvenile delinquency (on the example of the phenomenon of “AUE”), *Criminology and criminalistics*, no. 1, pp. 20–23.
20. Karpov V.O. (2018). The Cult of Columbine: the main determinants of mass murder in schools, *Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, vol. 9, no. 4, pp. 442–446.
21. Samosvat O.I., Brezhnev T.S., Shmeerova E.R. (2020). The effectiveness of blocking destructive groups in social networks, *Bulletin of the Moscow State Regional University* (electronic journal), no. 1, pp. 109–122.
22. Grebenshchikov A.A., Grebenshchikova L.A. (2019). Promotion of socially negative behavior among minors as a socially dangerous phenomenon, *Problems of law enforcement*. Belgorod: Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs named after I. D. Putilin, no. 3, pp. 24–28.
23. Malakhova E.V. (2014). Methodological approaches and principles of research of modern youth subculture, *Izvestia MSTU “MAMI”*, vol. 5, no. 1 (19), pp. 129–132.
24. Marshall Hodgson. (2013). History of Islam: Islamic Civilization from Birth to the Present Day. Moscow, Eksmo, 1484 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Vladimir I. Krasikov – Advanced Doctor in Philosophical Sciences, Full Professor; All-Russian State University of Justice (2/1, Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia); KrasVladIv@gmail.com.

МЕНЕДЖМЕНТ ОРГАНІЗАЦІЙ

CORPORATE MANAGEMENT

ВИРТУАЛЬНЫЙ КЛАСТЕР КАК ПРОЕКТ

Ю.Н. Лапыгин^{1а}, Д.Ю. Лапыгин^{2а}, Е.А. Ковалев^{3а}

^аРоссийская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АННОТАЦИЯ:

Цель. Определить основное содержание виртуальной организации в рамках кластерной теории с позиций проектного подхода.

Методы. В основе методологии исследования лежит системный и проектный подходы в части определения отношений между организациями в процессе их взаимодействия как физического, так и виртуального. На базе положений кластерной теории построено описание содержания интеграции организаций, завязанных в цепочку создания стоимости. В качестве инструментов построения основного содержания виртуальных организаций использована модель создания ментальных карт. С позиций системного подхода определены стадии развития кластера, исходя из сочетания таких атрибутов организации, как виртуальность, состояние кластера и проектное управление.

Результаты. Построена ментальная карта виртуальной организации, которая позволила упорядочить основные характеристики такой организации, потребность в ее создании, а также сильные и слабые стороны организации как социально-экономического явления. Показана возможность создания кластера на принципах виртуализации отношений между участниками кластера. Обосновано содержание стадий перехода венчурного проекта в виртуальный кластер с признаками сети, а затем – в проект виртуального кластера по производству персонифицированного продукта, а также возможность продолжения развития кластера в части реализации проекта формирования реального кластера вокруг лидирующей организации.

Научная новизна. Отличительная особенность предложенного сочетания кластерной теории с проектным подходом и теорией виртуальных организаций заключается в обосновании возможности формирования реального кластера в результате прохождения через четыре стадии: венчурного проекта, виртуального кластера, кластера по производству персонифицированного продукта и кластера по производству продукта серийного или массового выпуска. Кроме того, построена ментальная модель виртуальной организации, отличающаяся упорядоченным представлением основных характеристик, достоинств и недостатков виртуальной организации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: виртуальная организация, проектный подход, ментальная карта, сочетание систем, кластер.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лапыгин Ю.Н., Лапыгин Д.Ю., Ковалев Е.А. (2020). Виртуальный кластер как проект // Вопросы управления. № 6. С. 95–106.

Введение

Кластеры, как явление в развитии социально-экономических отношений между участниками рынка, ознаменовали новое направление в теории организаций более сорока лет тому назад, переместив конкуренцию из сферы взаимодействия отдельных организаций в плоскость соревнования между объединения-

ми организаций, входящими в целую цепочку создания стоимости.

Временность объединения в данном случае отражает тот факт, что речь идет не о присоединении одних организаций к другим или о слиянии организаций в процессе создания новой организации и не о формировании совместных предприятий. Речь идет о времен-

¹AuthorID РИНЦ: 178050, ORCID: 0000-0002-0173-0852

²AuthorID РИНЦ: 178686, ORCID: 0000-0003-3481-702X

³AuthorID РИНЦ: 1084558, ORCID: 0000-0002-4539-1274

ном взаимодействии на период реализации, например, какого-либо проекта.

В основе подходов прошлых лет лежал тезис о предпосылках создания кластеров на базе территориальной близости организаций, кооперация которых обеспечивала конкурентное преимущество. Однако исследователи отмечают не только рост числа региональных и межрегиональных кластеров [1], но и возникновение кластеров, в которых представлены организации различных государств (межгосударственных кластеров) [2].

Территориальная близость во времена становления кластерного подхода играла решающую роль в снижении не только издержек транспортировки сырья, материалов и полуфабрикатов в цепочке создания стоимости и сохранении ценности в указанных элементах производства в процессе их трансформации в готовую продукцию. Важным фактором снижения затрат выступала возможность снижения транзакционных издержек, обусловленного согласованием объединяющимися сторонами правил взаимодействия, которые действовали продолжительное время. Отмеченное обеспечивало реализацию такой эталонной стратегии, как лидерство в издержках, позволявшей получать конкурентное преимущество.

В настоящее же время динамичное развитие дистанционных форм отношений между поставщиками и потребителями в цепочке создания стоимости побуждает сформулировать вопрос о том, всегда ли кластер должен состоять из организаций, находящихся в территориальной близости друг от друга или может ли он быть построен на основе кооперации удаленных и даже виртуальных предприятий.

Современная экономика стремительно набирает обороты в части наращивания цифровизации, растет рынок виртуальных услуг и взаимодействий. По оценкам правительства прирост трафика интернета в нашей стране будет составлять 23 % ежегодно [3].

По определению, виртуальная организация представляет собой временное объединение независимых организаций, в структуре которого отсутствует иерархия, а продукт совместной деятельности отвечает требованиям изменяющейся конъюнктуры рынка. В таком вре-

менном объединении могут участвовать партнеры, вносящие ресурсы, необходимые для совместной деятельности (трудовые, информационные, финансовые, материальные, энергетические), что повышает эффективность за счет проявления закона синергии и, в частности, снимает барьеры по обеспеченности ресурсами при входе на конкурентные рынки товаров и услуг.

Что касается синергии, то она проявляется не только за счет кластерных эффектов в цепочке создания стоимости, но за счет синергии инноваций виртуальных участников совместной деятельности, их интеллектуального капитала и капитала материального.

Временное партнерство позволяет вовлекать в цепочку создания стоимости наиболее ценных, с точки зрения результативности, участников не только по всей указанной цепочке, но и на всех стадиях жизненного цикла совместно выпускаемых товаров и услуг [4].

Потребность в создании виртуальных структур обусловлена, кроме того, стремлением к достижению взаимовыгодных целей объединяющихся организаций [5], переходом к безграничной конкуренции в создании инновационных продуктов для персонифицированных потребителей [4], а также обусловлена потребностью в снижении издержек (накладных расходов) и повышении гибкости в реализации бизнеса [6].

С одной стороны, потребности участников в создании виртуальной организации могут побуждать их преследовать различные доминирующие цели (у физических лиц – оплата труда и самореализация; у малого бизнеса – обеспечение роста; у крупного бизнеса – репутация успешной организации), но, с другой стороны, объединяющим началом в этом процессе выступает цель, содержание которой обеспечивает каждому участнику достижение своей собственной цели.

В этом процессе, как правило, накладные расходы снижаются за счет экономии условно постоянных расходов, традиционно присутствующих у предприятий, но для целей создания виртуальной организации не нужных и не обязательных.

Гибкость в деятельности виртуальной организации обеспечивается за счет организаци-

онной структуры, распределенной в виртуальном пространстве и меняющейся в зависимости от решаемой задачи на каждом этапе функционирования, чему способствуют возможности коммуникации, не имеющей формальных географических и временных ограничений.

К тому же, новые возможности, открываемые глобальной коммуникацией на базе информационных технологий и сети «Интернет» [5], обеспечивают лучшую координацию совместной деятельности участников проектов, повышая эффект от разделения труда, обеспечивая точную реализацию принимаемых решений в проектном управлении [7].

Методика исследования

Для определения основного содержания такого явления как виртуальная организация, наряду с виртуализацией как методом исследования, необходимо использовать метод построения ментальных карт, а также рассмотреть предмет исследования с точки зрения системного и проектного подходов.

Под виртуальной организацией в данном случае понимается модель распределения в сети «Интернет» сочетания таких основных категорий общей теории организации, как структура, связи, элементы системы, рынок, ресурсы, цели, организационная культура, правила и т. д.

Метод построения ментальных карт как графической модели, отражающей морфологическое и информационное описание виртуальной организации, необходим для описания характеристики и потребности в виртуализации организаций, а также выделения сильных и слабых сторон такой организации.

Кластерный подход как метод исследования факторов, процедур и условий интеграции организаций, образующих систему, в которой проявляются такие законы общей теории систем, как закон развития, закон самосохранения, закон синергии и прочие закономерности функционирования организаций как социально-экономических систем, необходим в настоящем исследовании для получения представления о возможности распределения в глобальной сети «Интернет» совокупности организаций, которые могут восприниматься как нечто целое. Проектный же подход в исследовании позволяет рассматривать

процедуру формирования системы интегрируемых организаций с позиций основных категорий проектного управления: целей интеграции, сроков выполнения указанной процедуры и получения конечного результата, а также с позиций взаимодействия команды стейкхолдеров и стадий реализации проекта по формированию кластера.

Результаты построения ментальной карты виртуальной организации

Среди характеристик виртуальной организации обычно выделяют не только временный характер объединения независимых организаций (что роднит ее с такой организационной формой как консорциум) и открытость распределенной в пространстве и времени организационной структуры, но и автономную удаленность участников друг от друга, наличие у них ключевых компетенций, определяющих их специализацию в разделении труда виртуальной организации, а также наличие лояльности, ориентированной на доверие и достижение совместно разделяемых целей.

Открытость организационной структуры заключается в широком наборе связей с возможными участниками, распределенными во внешней среде, что дает возможность осуществлять такие функции управления, как саморегулирование и самоорганизация при гибком реагировании на изменение внешней среды.

Участники удалены не только в части невозможности непосредственного общения специалистов, но и в отношении мест нахождения организаций в других населенных пунктах или государствах. А в качестве ключевых компетенций как специалистов, так и самих организаций-участников необходимо выделить уникальное сочетание инновационных технологий участников, их умение обучаться в процессе взаимодействия и навыки управления отношениями в удаленном доступе, а также совместные компетенции по взаимодействию с клиентами на рынке товаров и услуг.

Под лояльностью в данном случае понимается не только верность договоренностям между участниками виртуальной организации на этапе формирования проекта совместной деятельности, но и стремление обеспечить ре-

ализацию закона синергии в процессе достижения поставленной цели.

Ментальная карта виртуальной организации построена нами на рисунке 1, из которого следует, что наряду с перечисленными выше характеристиками такой организации можно отметить и гибкость в реализации рыночных возможностей, и разделение рисков совместной деятельности, и совместное владение результатами не только материальной, но и интеллектуальной деятельности [4].

В основе быстрой адаптации виртуальных организаций к переменам рыночной среды лежит способность ее участников к минимизации своих рисков в принятии решений, направленных на достижение цели создания виртуальной организации, с одной стороны, а с другой – способность обеспечить системность единого процесса деятельности основных, обслуживающих и вспомогательных структур для максимизации итоговой добавленной стоимости.

Что касается результатов совместной интеллектуальной деятельности, то к ним следует отнести не только традиционные изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а также программы, базы данных и ноу-хау, но и результаты, которые могут быть востребованы при переходе виртуальной организации к серийному или массовому выпуску продукции – товарные знаки и знаки обслуживания, коммерческие обозначения и т. п.

В составе виртуальной организации могут быть как предприятия малого и среднего бизнеса, так и отдельные подразделения крупных организаций, на временной основе задействованные в процессе изготовления продукции, а также физические лица и индивидуальные предприниматели. В этом случае, как отмечают исследователи, следует выделить, наряду с традиционным аутсорсингом, новые способы найма персонала, ориентированные в том числе на удаленные формы трудовой деятельности: косорсинг, аутстаффинг, аутплейсмент (см. ниже) [6].

Основные критерии отбора потенциальных участников виртуальной организации соответствуют принципам дополнительности компетенций и инновационности, позволяющим провести конкурсный отбор участни-

ков, способных разработать новшество, обеспечить его нововведение и в идеале развить коммерческий успех на рынке товаров и услуг. Инновации характерны и для удаленных способов найма, когда функции организации рабочего процесса распределяются между участниками виртуальной организации в соответствии с лучшими компетенциями исполнителей (косорсинг) или осуществляется предоставление труда конкретных сотрудников одной организации для выполнения работ в другой организации (аутстаффинг), или трудоустройство увольняемых работников из одной организации в другую, например, одну из объединившихся в виртуальный кластер организаций (аутплейсмент).

К достоинствам виртуальной формы осуществления совместной деятельности организаций относят и привлечение лучших партнеров [7], и распределенный капитал, и уникальное разделение труда [6], и ориентацию на конкретного потребителя (кастомизацию), и гибкую адаптацию, и возможность снижать издержки [5].

Реализация возможности произвести отбор лучших из лучших среди потенциальных участников виртуальной организации обусловлен отсутствием требований по территориальной близости и позволяет сформировать такое разделение труда, которое повышает эффективность совместной деятельности. Акционерный капитал распределен среди участников, что создает стимул к достижению цели, поставленной перед виртуальной организацией. Индивидуализация результата совместной деятельности участников виртуальной организации позволяет учесть запросы первого потребителя-заказчика инновационного продукта, что снижает венчурные риски. В случае успеха продукт может стать серийным товаром, чему также способствует возможность гибкой адаптации и снижения издержек.

Среди недостатков создаваемых виртуальных организаций необходимо отметить различие целей ее участников и зависимость конечного результата от взаимодействия партнеров при их чрезмерной специализации [7], что в свою очередь может создать дополнительные риски. Для реализации совместной деятельности организациям необходимо нести допол-

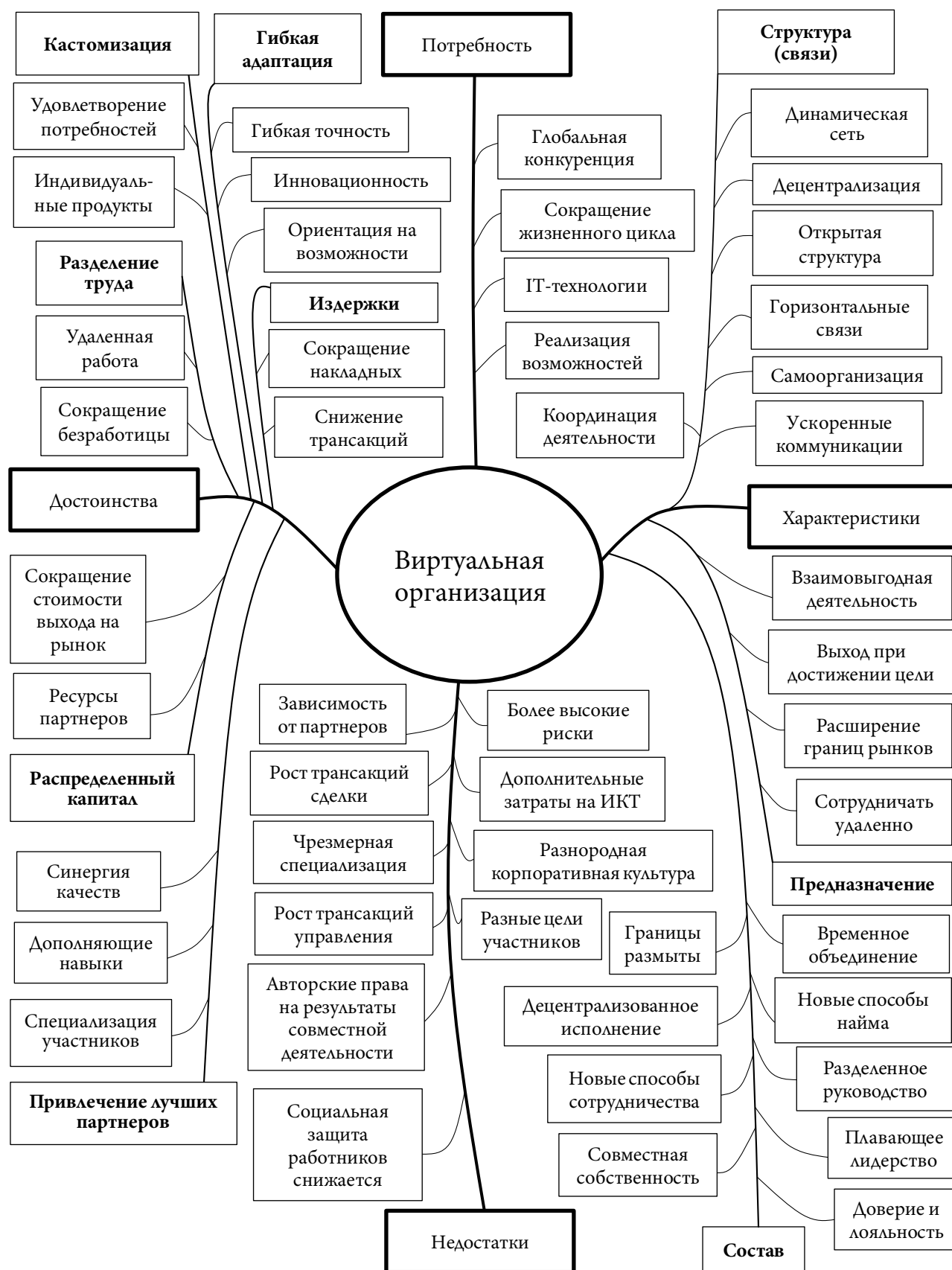

Рисунок 1 – Ментальная карта виртуальной организации
Figure 1 – Virtual organization mental map

нительные затраты на информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), а транзакционные издержки (транзакции рационализации, транзакции сделки и управления) также могут быть значительными.

Размеры транзакционных издержек обусловлены однократной процедурой сделок и договоров между участниками виртуальной организации, что затрудняет выработку норм поведения и ведет к потерям во время переговоров по известным причинам в реализации коммуникационных процессов при согласовании принимаемых решений. По той же причине могут возникать дополнительные издержки в реализации таких функций управления, как планирование, организация и координация, и особенно такой функции, как контроль, который для участников виртуальной организации становится самоконтролем.

Разнородная корпоративная культура, характерная для виртуальной организации, способствует возникновению конфликтов в силу того, что участники являются носителями различных ценностных ориентаций. При этом нормы поведения не закреплены в повседневной деятельности, отсутствуют ритуалы, символы и символические действия, а также обычные привычки, характеризующие корпоративную культуру организации. Снижается социальная защита и мотивация работников, т. к. не фиксируются меры по поддержке работников, которые могут пострадать от социальных рисков [6]. По той же причине возникают риски в плоскости авторского права на результаты совместной деятельности [4].

В целом, создание виртуальной организации можно рассматривать как стратегически значимый проект, ориентированный на использование возможностей, предоставляемых рыночной средой, в опоре на потенциал организаций, которые могут быть объединены в систему, способную реализовать инновационное решение, имеющее коммерческий успех.

Обсуждение места виртуальной ориентации в кластерной теории

Как известно, кластерная теория основана на проявлении закона синергии за счет объединения близко расположенных организаций, включенных в цепочку создания стоимости на принципах кооперации при внутрен-

ней конкуренции, инновационности и тесной коммуникации, что обеспечивает рост конкурентоспособности как кластера, так и входящих в него организаций.

Кластерная политика современных российских регионов [8] предусматривает создание и отраслевых кластеров, и центров кластерного развития, и муниципальных кластеров по инициативе предприятий малого и среднего бизнеса [9].

В этом направлении важным условием процессов кластеризации выступает финансовая поддержка со стороны органов власти и управления, рыночная инфраструктура, включенность в этот процесс научно-исследовательских и венчурных структур, а также организаций малого и среднего бизнеса, активно участвующих в информационном обмене и взаимодействии с лидером (ядром) кластера [10].

Анализ содержания ментальной карты самого кластера [11] позволяет выделить четыре наиболее значимые характеристики, из которых следует, что системообразующими элементами кластера выступают не только сами организации, но такие подсистемы, как сети, внешнее окружение и органы власти и управления.

Эффективное взаимодействие как самих участников кластера, так и взаимодействие кластера с рыночной инфраструктурой и органами власти основано на результатах стратегического анализа, которые обеспечивают построение стратегии развития кластера на длительную перспективу [12–15].

Однако перспективу формирования кластеров на основе классических подходов, выстроенных на достижениях экономической науки прошлого века, некоторые авторы подвергают сомнению [16], приводя в качестве аргументов тезисы о том, что факторы, способствовавшие успеху кластеров в прошлом, меняются, появляются новые (например, фактор виртуальности взаимодействия хозяйствующих субъектов), требующие корректировки кластерной теории.

В научной литературе показано, что кластеры отличаются от территориально производственных комплексов своей внутренней конкуренцией, большей самостоятельностью

в принятии решений и, в то же время, большей вовлеченностью в совместную деятельность [17]. Стимулирующая роль государства рассматривается как искусственный путь создания кластера, а приоритет отдается роли государства в части поддержки инициативы хозяйствующих субъектов [18–20]. Перспективу же развития кластера исследователи связывают с диверсификацией его деятельности в опоре на инновационную инфраструктуру и институциональную среду [21].

В качестве факторов развития принимаются национальные, отраслевые и региональные условия хозяйствования, причем по своей силе последние имеют преимущество [22]. Иные исследователи в качестве значимых факторов выделяют рынки ресурсов и рынки сбыта [23], не учитывая того обстоятельства, что эти рынки становятся все более виртуальными. Тем более, как замечают некоторые авторы о кластерах, «местоположение предприятия и природных ресурсов не являются необходимым условием для их формирования» [24, с. 41]. Той же позиции в части необязательности ориентации на территориальную близость объединяющихся в кластер организаций высказывают исследователи Волгоградского государственного университета [25], да и сама глобализация стимулирует появление новых факторов, определяющих развитие кластерной теории [26]. Например, развитие инструментов проектного подхода открывает новые возможности в рассмотрении сочетания таких категорий, как виртуальная организация, кластер, проектное управление. Но в начале обратимся к вопросу о месте проектного подхода в построении кластера.

Исследование сочетания проектного управления и виртуальности кластера

Ментальная модель управления проектами [27] позволяет выделить ключевые элементы, характеризующие проекты как явление в структуре управления. К таким элементам следует отнести цели, процесс, ресурсы и деятельность, что дает возможность сформулировать краткое определение проекта как процесс целевой деятельности, обеспеченный ресурсами. К ресурсам здесь относится и время, которое определяет начало и конец проекта.

В исследованиях специалистов в качестве тенденций развития проектного управления отмечается и децентрализация, необходимая для гибкого реагирования на изменения внешней и внутренней среды проекта, и интеграция в части обмена опытом и инновациями, и проникновение проектного управления в иные сферы деятельности социально-экономических систем. Отмеченные характеристики относятся и к процедурам формирования кластерных структур. В том же ключе следует отметить специфику стадий жизненного цикла в управлении проектами: инициацию, планирование, реализацию и завершение.

Рассматривая кластер как проект, следует назвать в качестве положительных эффектов и согласованность целей стейкхолдеров и критериев их оценки, и ориентацию на эффективность использования имеющихся и доступных ресурсов при оптимизации затрат, и учет возможных рисков, и четкое формулирование конечных ожидаемых результатов, и расстановку приоритетов деятельности, и стимулирование инновационных инициатив.

Так же как в проектной деятельности, деятельность участников кластера ориентирована не на процесс, а на конечный результат. Сама деятельность носит креативный характер, а коммуникации основаны на плавающем лидерстве.

На рисунке 2 показано пересечение трех плоскостей, дающее пищу для размышлений о содержании особых зон, отражающих сочетание (пересечение) отмеченных категорий. В этом плане в развитии кластера можно выделить несколько стадий, обозначенных на рисунке цифрами 1, 2, 3 и 4.

На стадии венчурного проекта оценивается степень новизны и конкурентоспособности ожидаемых результатов деятельности зарождающегося кластера с учетом рисков и потенциальной доходности проекта. В проектном управлении эта стадия соответствует стадии инициации.

Виртуальный кластер как сеть представляет собой совокупность распределенных в пространстве и времени потенциальных участников кластера, которые планируют достичь своей собственной цели за счет достижения цели, стоящей перед кластером в целом. То есть речь

Рисунок 2 – Сочетание трех категорий
Figure 2 – Combination of three categories

идет о стадии планирования совместной деятельности в коммуникационном процессе распределенных в пространстве участников.

На стадии реализации проекта виртуального кластера осуществляется производство персонализированного продукта, характеристики которого согласованы с конкретным потребителем. Это состояние соответствует стадии реализации проекта и может завершить жизненный цикл кластера, а может и продлить его в том случае, если имеется коммерческий успех и рыночный спрос на персонализированный продукт кластера.

В этом случае может быть осуществлен переход к проекту кластера вокруг лидера виртуального кластера или, как принято говорить в кластерной теории, вокруг ядра кластера. Таким образом, виртуальный кластер переходит в разряд обычного кластера, осуществляющего хозяйственную деятельность по серийному или массовому выпуску товаров и услуг.

Необходимо в итоге отметить, что взаимосвязь проектного управления и виртуального кластера как современного явления проявляется в том, что на стадии инициации проекта по формированию кластера проявляется его венчурная составляющая, затем на стадии планирования проекта наблюдается тенденция построения виртуальной сети кластера, а далее (в стадии реализации проекта по формированию кластера) будет доминировать акцент на производство персонализирован-

ного продукта, что на последней стадии реализации рассматриваемого проекта (стадии завершения) приведет к появлению лидера, вокруг которого (как вокруг ядра) окончательно сформируется кластер в классическом его проявлении.

Заключение

Подводя итог, необходимо подчеркнуть, что проектный кластер можно рассматривать в качестве виртуальной сети, создаваемой для реализации какого-либо проекта. В какой-то мере кластер можно рассматривать и как виртуальный консорциум венчурного типа, а при переходе к продолжающимся проектам виртуальный кластер переходит в разряд обычных кластерных структур.

В условиях развития информационно-коммуникационных технологий и сети «Интернет» организации как явление все более становятся кластерами с виртуальным штатом сотрудников.

Виртуальная сеть, состоящая из физических и юридических лиц, по своему составу и характеристикам соответствует определению кластера. Однако такой подход к рассмотрению виртуальной сети требует дополнительных обоснований и исследований. Интерес представляет и построение виртуального кластера, формируемого из физических лиц в условиях пандемии на принципах проектного подхода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дубровская Ю.В. (2016). Межрегиональное взаимодействие как инструмент управления дифференциацией региональных социально-экономических систем: кластерный подход // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». № 4 (31). С. 117–126. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-4-117-126.
2. Яшева Г.А., Вайлунова Ю.Г. (2019). Международные кластеры в рамках европейской интеграции // Молодые ученые – развитию Национальной технологической инициативы (ПО-ИСК). № 1-1. С. 241–244.
3. Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года : Утверждена распоряжением Правительства РФ от 14.08.2019 № 1797-р. URL: <http://government.ru/docs/37669/> (дата обращения: 06.05.2020).
4. Хромов И.Е. (2018). Виртуальные организации в современной экономике // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 8. № 8А. С. 377–388.
5. Коблова Ю.А. (2013). Виртуальные организации как новейшая форма сетевых структур // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. № 3 (47). С. 18–21.
6. Каленов О.Е. (2017). Виртуальные бизнес-организации: потенциал и перспективы // Экономика знаний: теория и практика. № 4 (4). С. 57–63.
7. Ошнянская С.А., Онегова Я.В. (2019). Виртуальные организации // Вестник современных исследований. № 1.15 (28). С. 122–124.
8. Лапыгин Ю.Н. (2019). Направленность кластерной политики регионов Центрального Федерального округа // Ученые записки. Научно-практический журнал. № 4. С. 75–82.
9. Бейсекова П.Д. (2019). Роль кластеров в стратегии инновационного развития региона // Вестник университета Туран. № 1 (81). С. 168–171.
10. Ибрагимов Р.С., Головкин Д.С. (2019). Ключевые факторы формирования условий развития инновационно-промышленного кластера // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». Т. 14. № 1. С. 177–192. DOI: 10.17072/1994-9960-2019-1-177-192.
11. Лапыгин Ю.Н. (2018). Проектный подход к управлению // Ученые записки: Научно-практический журнал. № 2. С. 34–47.
12. Базуева Е.В., Оборина Е.Д., Ковалева Т.Ю. (2016). Обоснование предпосылок формирования и развития высокоэффективных кластеров в региональной экономике: обзор отечественного и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». № 2 (29). С. 93–108. DOI: 10.17072/1994-6690-2016-2-93-108.
13. Белякова Г.Я., Калинина А.А., Окунева М.А., Мамедов Э.Н., Рябченко Т.С., Ключко А.С., Дулейкина А.Е. (2019). Исследование механизма построения модели межфирменного взаимодействия участников кластера // Экономика и предпринимательство. № 7. С. 820–826.
14. Мохова Е.А., Туманян Ю.Р., Иванов Н.П. (2019). Кластеры в экономике: эволюция дефиниции и классификация // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. № 4 (122). С. 61.
15. Тарахтеева Г.К. (2019). Зарубежный опыт использования кластеров для инновационного развития экономики // Вестник науки и образования. № 10-3 (64). С. 42–44.
16. Колмаков В.В., Полякова А.Г., Карпова С.В., Головина А.Н. (2019). Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов // Экономика региона. Т. 15. Вып. 1. С. 270–284. DOI: 10.17059/2019-1-21.
17. Донцова О.И. (2019). Кластеры как инструмент структурной трансформации экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. № 4 (42). С. 5–8.
18. Гайша О.Д. (2019). Классификация кластеров в экономике // Вестник ВГУ серия: экономика и управление. № 4. С. 39–43.
19. Рудская Е.Н., Матвиенко В.Е. (2019). Роль государства в развитии промышленных кластеров: зарубежный и российский опыт // Journal of Economy and Business. Т. 56. № 10-2. С. 67–71.
20. Семичастная Г.А. (2019). Перспектива развития кластеров в России // Актуальные, проблемы современной науки и практики. № 2. С. 81–84.
21. Напольских Д.Л. (2019). Анализ динамики изменения организационной структуры инновационных кластеров в российской федерации // Инновационные технологии управления и права. № 1 (24). С. 18–31.
22. Головин В.А. (2019). Стадии жизненного цикла регионального экономического кластера и факторы его эффективного развития // Вестник Института экономики Российской академии наук. № 2. С. 61–71.
23. Карев А.В. (2019). Географический подход

к формированию кластеров // Инновационное развитие экономики. Часть 1. № 4 (52). С. 83–89.

24. Бурук Ф., Дегтярева Н.В., Жаров А.В. (2019). Подходы к развитию и поддержке кластеров // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 10. С. 40–44.

25. Епинина В.С., Мосейко В.О., Коробов С.А. (2019). Оценка предпосылок формирования кластеров в регионе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 46–49.

26. Абибулаева Н.С. (2019). Эволюция теории кластеров в экономических системах // Казанский экономический вестник. № 3 (41). С. 5–9.

27. Лапыгин Ю.Н. (2019). Ментальная карта категории «кластер» // Ученые записки: Научно-практический журнал. № 4. С. 56–64.

27. Лапыгин Ю.Н. (2019). Ментальная карта категории «кластер» // Ученые записки: Научно-практический журнал. № 4. С. 56–64.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Лапыгин Юрий Николаевич – доктор экономических наук, профессор; Владимирский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (600017, Россия, Владимир, ул. Горького, 59а); lapygin.y@gmail.com.

Лапыгин Денис Юрьевич – кандидат экономических наук, доцент; Владимирский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (600017, Россия, Владимир, ул. Горького, 59а); lapygin.den@gmail.com.

Ковалев Евгений Александрович – Владимирский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (600017, Россия, Владимир, ул. Горького, 59а); jevaka92@rambler.ru.

VIRTUAL CLUSTER AS A PROJECT

Yu.N. Lapygin^{4a}, D.Yu. Lapygin^{5a}, E.A. Kovalev^{6a}

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ABSTRACT:

Purpose. To determine the main content of a virtual organization in the framework of cluster theory from the perspective of the project approach.

Methods. The research methodology is based on system and project approaches in terms of defining relations between organizations in the process of their interaction, both physical and virtual. Based on the provisions of the cluster theory, a description of the content of integration of organizations tied to the value chain is constructed. The model of creating mental maps is used as tools for building the main content of virtual organizations. From the point of view of the system approach, the stages of cluster development are determined based on a combination of such attributes of the organization as virtuality, cluster state, and project management.

Results. A mental map of a virtual organization was constructed, which allowed us to organize the main characteristics of such an organization, the need for its creation, as well as the strengths and weaknesses of the organization as a socio-economic phenomenon. The possibility of creating a cluster based on the principles of virtualization of relations between cluster members is shown. The content of the stages of transition of a venture project to a virtual cluster with network features, and then to a virtual cluster project for the production of a personalized product, as well as the possibility of continuing the development of the cluster in terms of implementing the project of forming a real cluster around a leading organization, is substantiated.

Scientific novelty. A distinctive feature of the proposed combination of cluster theory with the project approach and the theory of virtual organizations is to justify the possibility of forming a real cluster

⁴RSCI AuthorID: 178050, ORCID: 0000-0002-0173-0852

⁵RSCI AuthorID: 178686, ORCID: 0000-0003-3481-702X

⁶RSCI AuthorID: 1084558, ORCID: 0000-0002-4539-1274

as a result of passing through four stages: start-up project, a virtual cluster, cluster for production of a personalized product and production cluster product serial or mass production. In addition, a mental model of a virtual organization is constructed, which is characterized by an ordered representation of the main characteristics, advantages, and disadvantages of a virtual organization.

KEYWORDS: virtual organization, project approach, mental map, combination of systems, cluster.

FOR CITATION: Lapygin Yu.N., Lapygin D.Yu., Kovalev E.A. (2020). Virtual cluster as a project, *Management Issues*, no. 6, pp. 95–106.

REFERENCES

1. Dubrovskaya Yu.V. (2016). Interregional interaction as a tool for managing the differentiation of regional socio-economic systems: a cluster approach, *Bulletin of Perm University*, Ser. "Economy", no. 4 (31), pp. 117–126. DOI: 10.17072/1994-9960-2016-4-117-126.
2. Yasheva G.A., Vailunova Yu.G. (2019). International clusters within the framework of European integration, *Young scientists – the development of the National Technology Initiative (SEARCH)*, no. 1-1, pp. 241–244.
3. The strategy for the development of export of services until 2025. Approved by the order of the Government of the Russian Federation No. 1797-r dated August 14, 2019. URL: <http://government.ru/docs/37669/> (accessed 06.05.2020).
4. Khromov I.E. (2018). Virtual organizations in the modern economy, *Economy: yesterday, today, tomorrow*, vol. 8, no. 8A, pp. 377–388.
5. Koblova Yu.A. (2013). Virtual organizations as the newest form of network structures, *Bulletin of the Saratov State Social and Economic University*, no. 3 (47), pp. 18–21.
6. Kalenov O.E. (2017). Virtual business organizations: potential and prospects, *Economy of knowledge: theory and practice*, no. 4 (4), pp. 57–63.
7. Oshnyanskaya S.A., Onegova Ya.V. (2019). Virtual organizations, *Bulletin of modern research*, no. 1.15 (28), pp. 122–124.
8. Lapygin Yu.N. (2019). Orientation of the cluster policy of the regions of the Central Federal District, *Uchenye zapiski. Scientific and practical journal*, no. 4, pp. 75–82.
9. Beisekova P.D. (2019). The role of clusters in the strategy of innovative development of the region, *Bulletin of the Turan University*, no. 1 (81), pp. 168–171.
10. Ibragimova R.S., Golovkin D.S. (2019). Key factors in the formation of conditions for the development of an innovative industrial cluster, *Bulletin of the Perm University*, Ser. "Economy", vol. 14, no. 1, pp. 177–192. DOI: 10.17072/1994-9960-2019-1-177-192.
11. Lapygin Yu.N. (2018). Project approach to management, *Scientific notes: Scientific and practical journal*, no. 2, pp. 34–47.
12. Bazueva E.V., Oborina E.D., Kovaleva T.Yu. (2016). Substantiation of the prerequisites for the formation and development of highly efficient clusters in the regional economy: a review of domestic and foreign experience, *Bulletin of Perm University*, Ser. "Economy", no. 2 (29), pp. 93–108. DOI: 10.17072/1994-6690-2016-2-93-108.
13. Belyakova G.Ya., Kalinina A.A., Okuneva M.A., Mamedov E.N., Ryabchenko T.S., Klochko A.S., Duleikina A.E. (2019). Investigation of the mechanism for constructing a model of inter-firm interaction of cluster participants, *Economics and Entrepreneurship*, no. 7, pp. 820–826.
14. Mokhova E.A., Tumanyan Yu.R., Ivanov N.P. (2019). Clusters in economics: evolution of definition and classification, *Management of economic systems: electronic scientific journal*, no. 4 (122), p. 61.
15. Tarakhtieva G.K. (2019). Foreign experience of using clusters for innovative economic development, *Bulletin of Science and Education*, no. 10-3 (64), pp. 42–44.
16. Kolmakov V.V., Polyakova A.G., Karpova S.V., Golovina A.N. (2019). Development of clusters based on the competitive specialization of regions, *Economy of the region*, vol. 15, Iss. 1, pp. 270–284. DOI: 10.17059/2019-1-21.
17. Dontsova O.I. (2019). Clusters as a tool for structural transformation of the economy, *Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies*, no. 4 (42), pp. 5–8.
18. Gaisha O.D. (2019). Classification of clusters in economics, *Vestnik of VSU, Series "Economics and management"*, no. 4, pp. 39–43.
19. Rudskaya E.N., Matvienko V.E. (2019). The role of the state in the development of industrial

clusters: foreign and Russian experience, *Journal of Economy and Business*, vol. 56, no. 10-2, pp. 67–71.

20. Semichastnaya G.L. (2019). Prospects for the development of clusters in Russia, *Actual problems of modern science and practice*, no. 2, pp. 81–84.

21. Napol'skikh D.L. (2019). Analysis of the dynamics of changes in the organizational structure of innovative clusters in the Russian Federation, *Innovative technologies of management and law*, no. 1 (24), pp. 18–31.

22. Golovin V.A. (2019). Stages of the life cycle of a regional economic cluster and factors of its effective development, *Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 2, pp. 61–71.

23. Karev A.V. (2019). Geographical approach to

the formation of clusters, *Innovative development of the economy*, part 1, no. 4 (52), pp. 83–89.

24. Buruk F., Degtyareva N.V., Zharov A.V. (2019). Approaches to the development and support of clusters, *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*, no. 10, pp. 40–44.

25. Epina V.S., Moseiko V.O., Korobov S.A. (2019). Assessment of the prerequisites for the formation of clusters in the region, *State and municipal management. Scholarly notes*, no. 2, pp. 46–49.

26. Abibulaeva N.S. (2019). Evolution of cluster theory in economic systems, *Kazan Economic Bulletin*, no. 3 (41), pp. 5–9.

27. Lapygin Yu.N. (2019). Mental map of the category “cluster”, *Scientific notes: Scientific and practical journal*, no. 4, pp. 56–64.

AUTHORS' INFORMATION:

Yuriy N. Lapygin – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky Sr., Vladimir, 600017, Russia); lapygin.y@gmail.com.

Denis Yu. Lapygin – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky Sr., Vladimir, 600017, Russia); lapygin.den@gmail.com.

Evgeniy A. Kovalev – Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (59a, Gorky Sr., Vladimir, 600017, Russia); jevaka92@rambler.ru.

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ ПРЕДПРИЯТИЙ

С.К. Байдыбекова^{1а}

^аЖетысуский университет им. И. Жансугурова

АННОТАЦИЯ:

Цель. В статье отражены основные проблемы управления и пути совершенствования производственных ресурсов предприятия. При проведении исследования темы были определены следующие цели:

- исследование природы использования производственных ресурсов в деятельности предприятий и компаний;
- расчет основных показателей эффективности использования основных средств: фондоотдачи и фондовооруженности;
- расчет показателей материалоотдачи и материалоемкости;
- выявление основных проблем и путей совершенствования использования производственных ресурсов предприятий.

Методы. При проведении исследования были широко использованы такие методы исследования, как сравнительный и статистический, метод структурного анализа, методы синтеза и дедукции, а также другие методы и приемы.

Результаты. Результаты исследования заключаются в том, что выводы и предложения, научные положения, сформулированные в исследовательской работе, приносят более глубокое и качественное содержание, они могут быть использованы при дальнейшей научной разработке вопросов, связанных с использованием производственных ресурсов предприятия при проведении исследований в области бухгалтерского учета и финансовой отчетности на предприятиях.

Новизна. Новизна и практическая значимость исследовательской работы определяется тем, что положения и выводы, полученные при проведении исследований могут служить основой для определения проблем управления и путей совершенствования использования производственных ресурсов на предприятиях.

При проведении исследования осуществлен анализ эффективности использования производственных ресурсов предприятия, в частности, таких как фондоотдача, фондоемкость, фондовооруженность, материалоотдача, материалоемкость, и определены факторы, влияющие на величину этих показателей.

В статье отражены основные принципы и методы формирования экономически рациональной структуры капитала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: производственные ресурсы, основные средства, трудовые ресурсы, материальные ресурсы, материалоотдача, материалоемкость, фондоотдача, фондовооруженность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Байдыбекова С.К. (2020). Проблемы управления и пути совершенствования использования производственных ресурсов предприятий // Вопросы управления. № 6. С. 107–120.

Введение

Производственный капитал является основным фундаментом развития предприятия. В состав производственного капитала входят основные средства, материальные запасы и трудовые ресурсы.

Каждое предприятие, независимо от форм собственности и вида деятельности, имеет производственные ресурсы. Для полноценной деятельности каждое предприятие должно проводить анализ использования состояния, структуры и движения производствен-

¹ AuthorID РИНЦ: 1009523, ORCID: 0000-0002-7974-1236

ных ресурсов, а также эффективность их использования. При осуществлении управленческой деятельности на предприятиях возникают проблемы, связанные с организацией производства которые необходимо регулировать и координировать.

Для принятия правильных управленческих решений руководству предприятия необходимо грамотное управление процессом производства и регулирования возникших проблем. Руководитель предприятия должен правильно и грамотно выставить приоритеты развития бизнеса для того, чтобы не принимать опрометчивых решений, не допускать ошибок в планировании и прогнозировании развития предприятия и вследствие этого грамотно и рационально использовать все производственные ресурсы.

Управленческая деятельность предприятия включает в себя весь управленческий механизм, который направляется для продуктивного использования научно-технической и производственной деятельности предприятия [1, с. 116–117].

Основные средства в структуре производственного капитала занимают наибольший удельный вес. В условиях рыночной экономики в настоящее время большое внимание уделяется увеличению экономической эффективности использования основных средств.

В случае решения проблем повышения эффективности производственных ресурсов уровень развития и деятельности предприятия изменяется в лучшую сторону, улучшается финансовое состояние предприятия, предприятие становится конкурентоспособным на рынке [2, с. 102-103].

Производственные ресурсы предприятия подразделяются на две группы: имущество и персонал – которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие виды и группы.

В группу «Имущество» входят две основные подгруппы: «Основные средства», которые занимают 55-60 % удельного веса от общей стоимости имущества предприятий, и, в свою очередь, подразделенные на *производственные* и *непроизводственные* основные средства; «Оборотные средства» – оборотные фонды и фонды обращения, занимающие 40-45 % от общего удельного веса.

Основные средства на практике подразделяются на группы в зависимости от целей использования: *производственные* и *непроизводственные*.

Согласно международным стандартам отчетности, к основным средствам относятся активы сроком использования до одного года, используемые для производства продукции, оказания услуг, для сдачи в аренду.

К основным средствам относятся: здания и сооружения; передаточные устройства; силовые и рабочие машины и оборудование; инструмент; транспортные средства; производственный инвентарь и принадлежности; хозяйственный инвентарь; рабочий и продуктивный скот; многолетние насаждения; капитальные затраты на ремонт; прочие основные фонды [3, с. 250].

Производственные основные средства, в основном, используются для производства определенного вида продукции, и их наличие на предприятиях является показателем технической оснащенности и уровня предприятия и влияет на экономическую эффективность затрат на основные средства производства. В свою очередь, производственные средства подразделяют на основные средства активной части и неактивной. В долю активной части основных средств входят такие основные средства, которые непосредственно участвуют в процессе производства, такие как машины и оборудование, станки, сооружения и др. Чем больше на предприятиях имеется активной части основных средств, тем у предприятий гораздо большая возможность производить качественную продукцию.

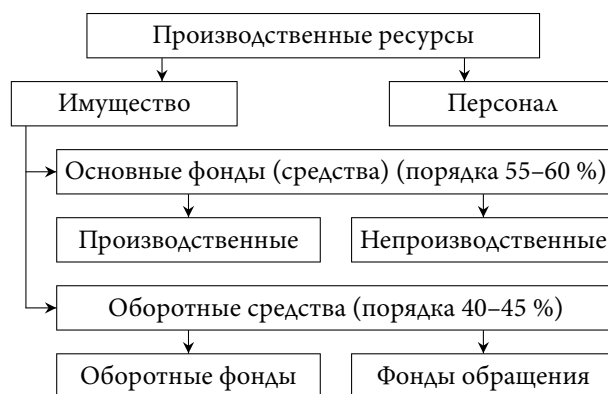

Рисунок 1 – Производственные ресурсы
Figure 1 – Manufacturing resources

К основным непроизводственным средствам относятся такие средства, которые не участвуют в процессе производства, а участвуют в обслуживании основного производства, такие как отрасли торговли, жилищно-коммунальное хозяйство, общественное питание, образование, здравоохранение и др.

Для нормального функционирования предприятия необходимо, чтобы его внутренняя среда была обеспечена всеми необходимыми условиями деятельности. В противном случае на предприятиях возникают трудности как в производственном плане, так и в финансовом – вплоть до разорения и банкротства.

В связи с тем, что в производственный капитал предприятия входят материальные ресурсы, трудовые ресурсы и основные средства, проблемы, возникающие с управлением ресурсами, подразделяют на три группы: 1) проблемы управления материальными ресурсами; 2) проблемы управления трудовыми ресурсами; 3) проблемы управления основными средствами.

Первая группа связана с проблемами, возникающими в процессе управления материальными ресурсами, заключающимися в эффективном использовании и рациональном распределении материальных ресурсов предприятия. Для получения стабильной прибыли предприятию необходимо правильно организовать систему управления материальными ресурсами, которая, в свою очередь, влияет на ритмичность и эффективность производства.

Трудовые ресурсы также занимают значительный вес в структуре производственных ресурсов, и от их качественного состава зависит эффективность использования трудовыми ресурсами [4, с. 8–10].

На величину и структуру основных средств предприятия влияют следующие основные факторы:

- производственное направление или специализация предприятия, например, в таких отраслях, как машиностроение, легкая промышленность, наибольший удельный вес составляют рабочие машины и оборудования;

- уровень специализации и концентрации производства. Степень механизации тем выше, чем выше уровень концентрации и специализации производства и соответствен-

но больше удельный вес производственных фондов;

- климатические условия производства, а также географическое расположение предприятий. Чем суровее климат, тем больше возникает необходимость возведения капитальных строений, что ведет к увеличению стоимости производственных фондов;

- развитие научно-технического прогресса и индустриализации.

Основные средства производства занимают наибольший удельный вес в структуре производственных ресурсов, так как составляют материально-вещественную основу предприятия. Для повышения эффективности и рентабельности производства необходимо повысить эффективность управления основными средствами.

Основными показателями характеризующими эффективность использования основных средств являются такие, как *фондоотдача* и *фондоемкость*. Фондоемкость определяется как отношение стоимости произведенной продукции к среднегодовой стоимости основных фондов. Фондоотдача отражает количество произведенной продукции, которую получает предприятие с единицы стоимости основных средств.

Основными факторами, влияющими на увеличение производства продукции, являются следующие:

- увеличение стоимости основных средств;
- количество произведенной продукции.

Обратным показателем фондоотдачи является фондоемкость, которая определяется как отношение среднегодовой стоимости к количеству произведенной продукции.

Одним из основных показателей, влияющих на фондоотдачу и фондоемкость является фондовооруженность, которая определяется как отношение среднегодовой стоимости основных средств к среднегодовой численности рабочих [5, с. 100–108].

По результатам анализируемого предприятия ТОО «Асса», совокупная стоимость основных средств на 2019 год составляет 6 171 291 тыс. тенге, доля поступлений от общей суммы движений основных средств за 5 лет равна 94,14 % (3 817 325 тыс. тенге), выбытие – 5,86 % (237 703 тыс. тенге).

За анализируемый период стоимость основных средств увеличилась на 3 570 639 тыс. тенге (или на 137,3 %). Прирост обусловлен увеличением стоимости машин и оборудования на 2 902 689 тыс. тенге (139,75 %), общее поступление по данной группе за 5 лет составляет 3 094 054 тыс. тенге, выбытие – 187 764 тыс. тенге. В данном периоде также наблюдается прирост по следующим группам: здания и сооружения – на 500 954 тыс. тенге (124,27 %), транспортные средства – на 81 180 тыс. тенге (111,04 %); снижение стоимости основных средств произошло по группе «Земля», выбыл ресурс на сумму 921 тыс. тенге, что обусловило отрицательное значение и снижение темпов роста на 7,36 %. Уменьшение стоимости земли связано с реализацией части данного имущества. Увеличение стоимости транспортных средств, машин и оборудования произошло путем приобретения новых ресурсов, модернизации и реконструкции уже используемых средств.

Исходя из проведенного анализа, величина коэффициента фондоотдачи имеет положительную тенденцию к росту. В 2015 году фондоотдача составляла 1,83; в 2016 году – 3,87; в 2017 году – 4,06; в 2018 году – 2,89; в 2019 году – 2,25. За 2015–2019 гг. значение показателя увеличилось на 0,42 (22,81 %) от базисного.

Это свидетельствует о том, что повысилась производительность основных фондов, что позволило снизить затраты на единицу продукции. Рост фондоотдачи ведет к относительной экономии производственных основных средств и увеличению объема выпускаемой продукции. Увеличение фондоотдачи привело к снижению показателя фондоемкости на 18,57 %. Данное положение свидетельствует о росте эффективности использования основных средств [6, с. 112–114].

Таблица 1 – Показатели фондоотдачи и фондовооруженности

Table 1 – Indicators of capital productivity and capital-labor ratio

Показатель	Год					Фактич. (средн.)
	2015	2016	2017	2018	2019	
Фондоотдача	1,83	3,87	4,06	2,89	2,25	2,98
Фондовооруженность	0,55	0,26	0,25	0,35	0,44	0,37

Также увеличилось значение показателя фондовооруженности с 1 852,48 тыс. тңг/чел. в 2015 году до 3 361,72 тыс. тңг/чел. в 2019 году. Изменения равны 1 509,24 тыс. тг. Рост фондовооруженности произошел вследствие минимизации ручных процессов, повышения степени механизации и комплексной механизации производства.

Так, при нормативном значении коэффициента фондоотдачи $> 1,5$, средняя фактическая величина за 2015–2019 гг. составила 2,98; а фондоемкость – 0,37 (при норме $\leq 0,67$).

В результате проведенной оценки на соответствие коэффициентов нормативным показателям не было выявлено серьезных проблем, связанных с управлением ресурсами предприятия. Все характеристики в норме, предприятие функционирует в оптимальных условиях. Единственное замечание – резкое снижение фондоотдачи и фондоемкости предприятия в период с 2018 по 2019 гг. (при этом общий показатель роста за анализируемый период положительный).

В состав производственных ресурсов предприятия помимо основных средств входят также материальные запасы, которые используются для производства продукции.

В соответствии с международными стандартами, к запасам относятся активы:

- сырье и материалы, используемые в производственном процессе;
- активы, предназначенные для реализации и получения будущей экономической выгоды;
- готовая продукция производимая на предприятии [7].

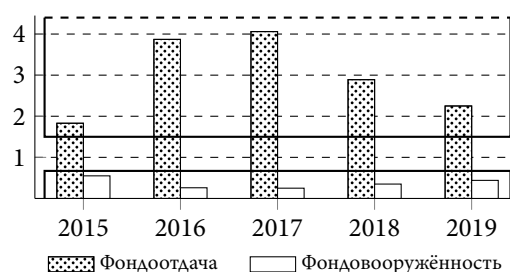

Рисунок 2 – Сопоставление нормативных и фактических значений фондоотдачи и фондовооруженности

Figure 2 – Comparison of standard and actual values of capital productivity and capital-labor ratio

Таблица 2 – Виды и сущность материальных запасов

Table 2 – Types and essence of inventories

№ п/п	Виды	Определение	Примеры по ТОО «Асса»
1	Сырье и основные материалы	Предметы труда, из которых изготавливают продукт и которые образуют материальную основу продукта	Сырье
2	Вспомогательные материалы	Материалы, которые используют для воздействия на спрос и основные материалы или для обслуживания и ухода за орудиями труда	Красители, эмали, смазочные материалы и другие химические материалы, а также упаковочные материалы
3	Полуфабрикаты собственного производства	Материалы, прошедшие определенные стадии обработки, но не являющиеся готовой продукцией, т.е. составляют его основу	Отходы
4	Топливо	Подразделяют на хозяйственное (отопление жилых помещений), технологическое, двигательное	Керосин, дизельное топливо и т. п.
5	Запасные части	Служат для ремонта и замены износившихся деталей машин и оборудования	Оси, втулки, цепи и т. д.
6	Строительные материалы	Материалы, используемые в строительных и монтажных работах для изготовления деталей, для возведения и отделки конструкций и частей зданий и сооружений, а также материальные ценности для нужд строительства	Пиломатериалы, железобетонные изделия, кровельные материалы

В соответствии с проведенным анализом количественной и качественной характеристик использования материальных ресурсов особо ощутимых проблем не выявлено. Значения в пределах нормы, существенных отклонений не имеют. Показатели *материалоотдачи* и *материалоемкости* имеют положительные значения [8, с. 66–67].

Нами в процессе проведения исследования определена эффективность использования материальных ресурсов на основе двух подходов. При применении первого подхода определяется результативность использования материальных ресурсов. При применении первого подхода определяются такие показатели, как материалоемкость и материалоотдача [9, с. 45].

Материалоемкость определяется как отношение стоимости материальных запасов к количеству произведенной продукции.

Материалоотдача – обратный показатель материалоемкости – определяется как отношение количества произведенной продукции к стоимости материальных запасов.

Одной из основных составляющих производственного потенциала предприятий являются материальные запасы. От их наличия и эффективного использования зависит состояние производственного потенциала предприятий. Для совершенствования методики анализа эффективности использования матери-

Таблица 3 – Материалоотдача и материалоемкость

Table 3 – Material efficiency and material consumption

Показатель	Год					Фактич. (средн.)
	2015	2016	2017	2018	2019	
Материалоотдача	2,77	6,47	6,18	6,41	6,31	5,63
Материалоемкость	0,36	0,15	0,16	0,16	0,16	0,20

альных ресурсов на предприятиях существуют источники материальных ресурсов, которые можно подразделить на: 1) внутренние и 2) внешние.

Применение внутренних источников включает в себя экономию материалов за счет:

- использования вторичного сырья;
- изготовления собственными силами полуфабрикатов и материалов;
- внедрения достижения науки и передовых технологий;
- применения безотходной технологии [10, с. 101–112].

Поступление материалов и запасов со стороны поставщиков согласно заключенным договорам включает в себя внешние источники.

Результаты анализа показывают, что коэффициент материалоотдачи возрос в 2 раза. В 2015 году на конец отчетного периода его значение составляло 2,77, а в 2019 – 6,31. Рост данного показателя произошел вследствие увеличения выпуска продукции с 3 253 511 тыс. тенге в 2015 до 8 498 344 тыс. тен-

Рисунок 3 – Алгоритм оценки состояния запасов

Figure 3 – Algorithm for assessing the state of stocks

ге в 2019 году, при этом стоимость материальных затрат практически не изменились. Разница составила 171 720 тыс. тенге. Рост материалоотдачи ведет к относительной экономии материалов и увеличению объема выпускаемой продукции. Повышение показателя материалоотдачи, а соответственно уменьшение материалоємкости, свидетельствует о более эффективном использовании материальных ресурсов и грамотно выстроенной системе закупок. Коэффициент материалоємкости составил в 2015 году – 0,36, в 2016 году – 0,15, в 2017–2019 гг. – 0,16. Снижение материалоємкости позволяет уменьшить себестоимость продукции и повысить его конкурентные позиции на рынке среди аналогичных товаров [11].

Так, при норме коэффициента $\leq 0,67$ материалоємкость предприятия за 2015–2019 гг. составила 0,20, а материалоотдача – 5,63 (при норме $> 1,5$).

Также произошло уменьшение удельного веса материальных затрат в себестоимости продукции с 0,35 (2015 год) до 0,18 (2019 год). Это говорит о том, что предприятие заключило новые договоры поставки сырья по более низким ценам. Снижение доли материальных затрат в себестоимости продукции свидетельствует о полном замкнутом цикле произ-

водства. ТОО «Асса» не закупает комплектующие у сторонних организаций, все необходимые детали производятся внутри предприятия [12, с. 15].

Проблемы управления кадровым потенциалом в первую очередь связаны с недостаточной квалификацией специалистов или малоэффективной системой мотивации труда. Отсутствие мотивации исправимо, и в кратчайшие сроки возможно повысить производительность работников за счет, например, материального стимулирования или премирования. Нерентабельного сотрудника можно обучить всем необходимым навыкам либо заменить более профессиональным [13, с. 145].

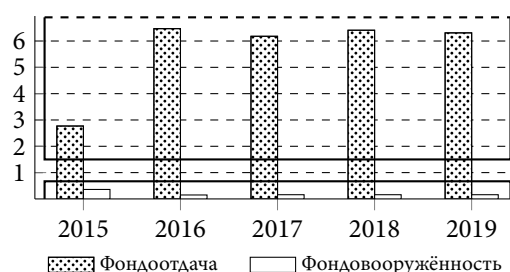

Рисунок 4 – Сопоставление нормативных и фактических значений материалоотдачи и материалоємкости

Figure 4 – Comparison of standard and actual values of material efficiency and material consumption

Важным направлением развития современного государства является формирование и развитие инновационной экономики [2], в которой основное место занимает человеческий капитал. С помощью человеческого капитала можно добиваться как экономического роста, так и повышения производительности в экономике посредством инновационной деятельности [11].

Наличие квалифицированных кадров на предприятиях является одной из основных задач рациональной организации производства, которая позволяет повышать производительность и качество труда.

Для совершенствования использования производственного потенциала на предприятиях должна быть разработана кадровая политика, решение которой направлена на повышение эффективности использования трудовых ресурсов. Так как трудовые ресурсы являются составной частью производственного потенциала кадровая политика предприятия должна быть направлена для решения следующих задач:

- создание здорового климата в коллективе;
- постоянная работа по повышению уровня квалификации кадров;
- создание нормальных благоприятных условий для работы и выполнения работниками своих служебных обязанностей;
- материальное и моральное стимулирование работников;
- продвижение кадров по службе;
- работа по совершенствованию организации труда.

Комплексный анализ производственного капитала показал, что предприятие не имеет проблем, связанных с ресурсным обеспечением. Целесообразно будет разработать ряд направлений по поддержанию и укреплению уровня эффективности использования производственных и трудовых ресурсов [14, с. 75].

Рассмотрим возможные пути совершенствования производственного капитала.

Основные средства: снижение простоев (в т. ч. внутрифирменного); увеличение активной части основных фондов; систематическое проведение работы по обновлению парка машин и другой техники; рациональное использование основных средств предприятий и

их эффективное управление; систематическое проведение текущего и капитального ремонта основных средств для поддержания их нормального состояния, а также улучшение качества их обслуживания.

Для рационального использования основных средств необходимо внедрение в производство передовой технологии и техники, которые позволили бы экономно использовать имеющиеся материальные запасы предприятий.

Оборотные средства: работа по рациональной организации учета материальных запасов; экономное и рачительное использование материальных запасов; проведение работы по совершенствованию организации материально технического снабжения для того, чтобы своевременно обеспечить предприятия запасами, необходимыми для бесперебойной работы производства; снижение материалоемкости.

Кадровый потенциал: повышение квалификации, мотивации рабочих; определение и поддержание оптимальной численности персонала; сокращение потерь рабочего времени; применение комплексной автоматизации и цифровизации всех процессов; создание санитарно-гигиенических, бытовых условий на рабочих местах; повышение производительности труда на предприятиях; учет спроса и предложения на рабочую силу и создание новых рабочих мест; снижение трудоемкости продукции; соответствие квалификации и сложности выполняемых работ; улучшение условий и оплаты труда.

Вопросы повышения эффективности использования производственного капитала имеют первостепенное значение, так как от степени производительности предприятия зависит его прибыльность. Основные методы повышения эффективности производства: снижение трудоемкости и повышение производительности труда, снижение материалоемкости продукции и рациональное использование природных ресурсов, снижение фондоемкости продукции и активизация инвестиционной деятельности предприятий [15].

Производственный капитал является основным фундаментом развития предприятия. В состав производственного капитала вхо-

дят основные средства, материальные запасы и трудовые ресурсы. Основные средства в структуре производственного капитала занимают наибольший удельный вес. В условиях рыночной экономики в настоящее время большое внимание уделяется увеличению экономической эффективности использования основных средств. В случае решения проблем повышения эффективности основных средств уровень развития и деятельности предприятия изменяется в лучшую сторону, улучшается финансовое состояние предприятия, предприятие становится конкурентоспособным на рынке. Каждое предприятие независимо от форм собственности, вида деятельности имеет основные средства. Для полноценной деятельности каждое предприятие должно проводить анализ использования состояния, структуры и движения основных средств, а также эффективность их использования [16, с. 84–87].

На предприятиях должна проводиться работа по проведению углубленного и кропотливого анализа использования основных средств. По результатам проведенного анализа, руководители и специалисты предприятия могут выявить основные резервы, которые недостаточно использовались в производстве, определить основные пути для дальнейшего совершенствования организации учета основных средств. По результатам проведенного анализа и проведенных исследований можно также определить негативные отклонения, которые можно устранить в последующем.

На практике применяют несколько путей совершенствования использования производственного капитала, к ним относятся:

- 1) технический;
- 2) организационный;
- 3) экономический [17, с. 157–159].

В процессе эксплуатации производственный капитал изнашивается, ломается. В связи с этим одним из основных путей совершенствования является технический. При применении технического пути применяются следующие методы: замена запасных частей основных средств, проведение работ по реконструкции зданий и сооружений, модернизация техники и технологии, замена устаревшей техники более современными и продвинуты-

ми, постоянное повышение уровня квалификации сотрудников и др.

Следующим направлением совершенствования путей являются организационные меры, которые также влияют на состояние производственного капитала. К ним относятся следующие меры: увеличение объема производства продукции; проведение работы по применению техники в полном объеме, т. е. продажа техники, не использованной на производстве; применение на предприятиях современной техники и технологии в соответствии с современными требованиями; применение современных методов менеджмента в управлении и др. [18, с. 43–48].

Основными путями совершенствования организации учета производственного капитала являются экономические, которые заключаются в стимулировании предприятий и сотрудников.

К ним относятся применение следующих мер: сдача в аренду не используемой на предприятиях техники, оборудования на определенный срок; приостановление действия тех основных средств, которые не используются и не будут использоваться на предприятиях в ближайшей перспективе; реализация активов в случае их ненужности; применение морального и материального поощрения работников за высокие показатели в работе; для снижения оплаты налогов на недвижимость снизить остаточную балансовую стоимость основных средств.

Для повышения эффективности использования производственного капитала необходимо осуществление следующих мер:

1. Необходимо ускорить оборачиваемость основных средств, которая позволит сократить разрыв между физическим и моральным износом, повышение коэффициента обновления.

2. В связи с тем, что в условиях рынка существует жесткая конкуренция, продукция должна быстро реализовываться и пользоваться спросом, поэтому необходимо повышать качество продукции.

3. Улучшение качества сырья. При улучшении качества сырья улучшается качество произведенной продукции, что ведет к увеличению фондоотдачи.

Увеличение производства продукции обусловлено двумя основными факторами: экстенсивным и интенсивным. В зависимости от того, насколько эффективно реализуются эти два фактора, зависит успешное функционирование основных средств [19]. При функционировании экстенсивного метода улучшение использования основных средств может быть достигнуто за счет увеличения времени работы и эксплуатации основных средств за отчетный период. Также может быть увеличен удельный вес тех активов, которые используются на производстве в общем составе всех основных средств, находящихся на предприятиях.

Для того чтобы основные средства использовались длительное время, необходимо проведение следующих мер:

1) сокращение простоев основных средств как внутрисменных, так и внешних, а также их ликвидация путем систематического проведения текущего и капитального ремонта основных средств, полноценного обеспечения всеми необходимыми ресурсами, такими как высококвалифицированные кадры, сырье и материалы, продукция незавершенного производства.

2) увеличение коэффициента сменности работы основных средств, например, оборудования [20, с. 174–178].

Для повышения эффективности использования основных средств необходимо на предприятиях уменьшить число основных средств, которые не используются на предприятиях. Также необходимо использовать законсервированные основные средства в производстве [21].

Предприятию можно порекомендовать мероприятия по увеличению выпуска продукции, так как, по расчетам, производительность оборудования позволяет увеличить объемы производства. Пик фондоотдачи приходится на 2017 год, когда коэффициент фондоотдачи составил 4,06, а к 2019 он снизился до 2,25, что может свидетельствовать либо о сокращении выпуска продукции, либо о резком удорожании основных фондов предприятия. Увеличение по количественным и качественным характеристикам не целесообразно при фиксированном выпуске с тенденцией к снижению. Обновление основных средств,

напротив, должно было привести к повышению эффективности использования основных средств, поэтому, вероятнее всего, сократилась производительность (при этом значения коэффициентов в пределах нормы).

Использование основных средств предприятия демонстрирует относительно равномерную динамику фондоемкости и фондоотдачи. Обновление основных средств положительно влияет на эффективность предприятия. В 2019 году фондоотдача увеличивается на 0,42, что можно охарактеризовать положительно. Фондоемкость снизилась на 0,1.

Основными путями и мерами по повышению эффективности использования основных средств являются совершенствование организации и управления производством.

Одним из основных показателей повышения эффективности основных средств является фондоотдача. При увеличении показателя фондоотдачи на предприятиях повышается уровень квалификации сотрудников, также необходимо морально и материально поощрять сотрудников и работников за бережное отношение к основным средствам и их эффективное использование.

Основные пути увеличения уровня использования основных средств на практике можно разделить на две группы.

Первая группа включает такие меры, выполнение которых не требует больших вложений и которые можно осуществить за короткий срок [22, с. 45–48].

К данной группе относятся:

1) сокращение числа основных средств, например, оборудования, не используемых на предприятиях;

2) сокращение или снижение количества оборудования, которое не используется на предприятиях и просто простаивает по разным причинам;

3) увеличение коэффициента сменности работы различных видов основных средств;

4) углубление специализации производства;

5) увеличение уровня кооперации производства;

6) совершенствование деятельности как основного производства, так и вспомогательно-

го производства и предприятий, обслуживающих основное производство;

7) проведение работы по улучшению материально-технического снабжения;

8) отладка работы по планированию и прогнозированию деятельности предприятия.

Ко второй группе относятся такие меры, выполнение которых зависит от различных внешних факторов и требует больших финансовых вложений и более длительного времени для того, чтобы их выполнить [23].

К данной группе относят следующие меры:

1) проведение работы по улучшению технологических процессов;

2) проведение работы по повышению уровня цифровизации и компьютеризации процессов основного и вспомогательного производства;

3) работы по улучшению технического состояния основных средств и их обслуживания;

4) осуществление работ по применению достижений научно-технического прогресса в части технического перевооружения основных средств [24].

Для повышения эффективности производственного потенциала на предприятиях необходимо проведение всех мер комплексно. Кроме этого, со стороны государства также должна быть поддержка предпринимателей. Необходимо поддерживать предприятия, которые осуществляют производство продукции путем введения различных льгот и послаблений в виде уплаты налогов. Например, введение льгот на приобретенные безотходные технологии, которые завозятся из-за рубежа, на приобретенные основные средства, которые не изготавливаются в нашей стране. Для предприятий это было бы большим стимулом в осуществлении как производственной, так и предпринимательской деятельности [25, с. 25].

Для получения конечного результата основными путями повышения эффективности использования производственного капитала являются следующие меры:

1. Увеличение коэффициента годности основных средств.

2. Работа по обновлению основных средств.

3. Работа по сокращению затрат материальных на производство и реализацию продукции.

4. Работа по созданию нормальных условий для работы сотрудников чтобы не допустить текучесть кадров.

5. Увеличение производительности труда.

6. Повышение уровня квалификации сотрудников и работников предприятия.

7. Дальнейшее расширение сфер деятельности предприятия.

8. Применение новых современных технологий и техники в соответствии с международными стандартами.

Для совершенствования производственной структуры предприятий необходимо провести ряд важнейших мероприятий, таких как ускорение технического перевооружения, рациональная организация, интенсификация производства и ускорение процесса производства востребованных товаров на рынке.

Для развития и совершенствования предприятий и компаний одним из основных направлений является проведение глубоко и всестороннего анализа их деятельности, а также проведение исследования всех систем менеджмента.

На современных предприятиях для совершенствования систем управления необходимым является решение следующих функций:

– проведение анализа соответствия поставленных целей предприятия его фактическому функционированию;

– выявление основных причин отклонений фактического функционирования предприятий от запланированных целей;

– применение различных корректировок в систему управления [26, с. 157].

Исходя из проведенных исследований и анализа, можно сделать вывод о том, что для получения максимальной прибыли, а также для повышения уровня конкурентоспособности производственного капитала предприятия одним из важных и основополагающих является правильно организованное управление, т. е. менеджмент, а также грамотно составленный стратегический план развития предприятия.

Для эффективности работы предприятий должна вестись работа в комплексе и во взаимосвязи между всеми компонентами, кото-

рые составляют производственный капитал: финансовая, производственная, кадровая, организационная, техническая работы.

В настоящее время в сложившихся условиях для решения проблем эффективного развития и улучшения финансового состояния предприятий необходимым является пра-

вильное и рациональное использование производственных ресурсов. Одним из основных условий успешного развития предприятий и их перспективной работы является обеспечение эффективного функционирования производственного потенциала предприятий [27, с. 89–94].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шумак Ж.Г. (2017). Теоретические аспекты формирования ресурсного потенциала предприятия // Наука XXI века: актуальные направления развития : Сборник научных статей VI Международной заочной научно-практической конференции (Самара, 8 сентября 2017 г.). Вып. 2. Ч. 2. С. 116–121.
2. Сафарова И.М. (2015). Ресурсный потенциал предприятия: теоретический аспект // Экономика и управление: новые вызовы и перспективы. № 9. С. 108–110.
3. Берзинь И.Э., Пикунова С.А., Савченко Н.Н., Фалько С.Г. (2017). Экономика предприятия : Учебник для вузов. 2-е изд., испр. М. : Дрофа. 368 с.
4. Волков А.В., Дубровин И.А., Никитина Л.А. (2010). Организационно-экономический механизм эффективного использования ресурсного потенциала предприятий. М. : МГУПБ. 24 с.
5. Хамидуллин Ф.Ф., Давлетшина А.Р. (2013). Методы оценки эффективного использования ресурсного потенциала предприятия // Вестник ТИСБИ. № 4. С. 100–108.
6. Савицкая Г.В. (2018). Экономический анализ : Учебник. М. : Инфра-М. 285 с.
7. Петрова Ю.М. (2020). Моделирование механизма управления оборотным капиталом как фактора повышения устойчивости экономики интегрированных агропромышленных предприятий // Вопросы управления. № 02 (63). URL: <http://journal-management.com/issue/2020/02/02>.
8. Гончаров В.Н., Шовкопляс А.Ш., Шовкопляс О.А. (2016). Оценка ресурсного потенциала предприятий // Экономические и социально-гуманитарные исследования. № 2 (10). С. 66–69.
9. Грасс Е.Ю. (2018). Комплексная оценка эффективности использования производственных ресурсов предприятия на основе использования метода эталонной динамики показателей // Вопросы управления. № 3 (52). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/03/21>.
10. Кизим А.А. Кайфеджан Д.П. (2020). Анализ конкурентоспособности предприятия с учетом цифровой трансформации бизнеса // Экономический анализ: теория и практика 1(496). С. 101–117.
11. Петрович М.В. (2020). Инновационная активность промышленных организаций: сущность, состояние и методика оценки // Проблемы управления. № 2 (76). С. 49–61.
12. Алябьева М.В., Владимирова В.Г. (2018). Экономический и маркетинговый анализ в системе обеспечения экономической безопасности предприятия и его совершенствование : Монография. М. : Русайнс. 336 с.
13. Бабичева Н.Э., Любушин Н.П. (2018). Экономический анализ устойчивого развития субъектов хозяйствования. М. : Русайнс. 512 с.
14. Стеклова С.Ю. (2017). Оценка конкурентоспособности и эффективности использования ресурсного потенциала предприятия : Монография. Хабаровск : Издательство Тихоокеанского государственного университета. 102 с.
15. Махмудова М.М. (2019). Управление материально-техническим и финансовым состоянием предприятий в условиях макроэкономической нестабильности // Вопросы управления. № 1 (56). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/01/18>.
16. Прищепа Д.Н. (2020). Человеческий капитал и цели устойчивого развития // Проблемы управления. № 2 (76). С. 84–91.
17. Бороненкова С.А. (2017). Экономический анализ в управлении предприятием. М. : Финансы и статистика. 225 с.
18. Bevan A., Estrin S., Meyer K. (2004). Foreign investment location and institutional development in transition economies, *International Business Review*, no. 13, pp. 43–48.

19. Bitoleuova Ye.A., Kabdullina D., Baimukhasheva G., Tazhibaeva M. (2020). Modern trends in management of the budget system Raikhan, *Serbian Journal of Management*, vol. 15, no. 1. DOI: 10.5937/sjm15-23985.

20. Разиньков П.И., Разинькова О.П. (2017). Методологические аспекты комплексной оценки ресурсного потенциала предприятия. С. 174–184.

21. Гуляев П.В. (2018). Ресурсный потенциал территорий Республики Саха (Якутия) // Вопросы управления. № 4 (53). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/04/09>.

22. Стеклова С.Ю. (2017). Оценка конкурентоспособности и эффективности использования ресурсного потенциала предприятия : Монография. Хабаровск : Издательство Тихоокеанского государственного университета. 101 с.

23. Baidybekova S.K., Bleutaeva K., Abdykalieva Z., Turysbekova R., Syzdykbaeva N., Bastaubayev A. (2016). Tax Accounting in the Republic of Kazakhstan and Ways of its Improvement, *Journal*

of Advanced Research in Law and Economics, Spring, Vol. VII, Issue 3 (17).

24. Барашкова О.В., Острецов В.Н. (2012). Методика оценки ресурсного потенциала сельскохозяйственного предприятия // Молочнохозяйственный вестник. Экономика и экономические науки. № 4 (8). 33 с.

25. Browder B. (2015). Red Notice: A True Story of High Finance, Murder, and One Man's Fight for Justice. Simon & Schuster, 416 p.

26. Baidybekova S.K., Abdykalieva Z., Tolegenova A., Kereeva A., Baytarakova B. (2016). Main Movements in Accounting Records' Development of the Republic of Kazakhstan in the Context of Economic Globalization, *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, Spring, Vol. VII, Issue 7 (21).

27. Макаркин Н.П., Горина А.П., Алферина О.Н., Корнеева Н.В., Потапова Л.Н. (2019). Эффективность использования ресурсного потенциала предприятия: методика оценки // Фундаментальные исследования. № 11. С. 89–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Байдыбекова Салтанат Кенжебаевна – кандидат экономических наук; Жетысуский университет им. И. Жансугурова (040009, Казахстан, Талдыкорган, ул. И. Жансугурова, 187а); b-saltanat@mail.ru.

MANAGEMENT PROBLEMS AND WAYS TO IMPROVE THE USE OF PRODUCTION RESOURCES OF ENTERPRISES

S.K. Baydybekova^{2a}

^aZhetysu State University named after I. Zhansugurov

ABSTRACT:

Purpose. The article reflects the main problems of management and ways to improve the production resources of the enterprise. During the research of the topic, the following goals were defined:

- research on the nature of the production resources exploitation in the activities of enterprises and companies;
- calculation of the main performance indicators of the fixed assets exploitation: return on investment and capital-labor ratio;
- calculation of material productivity and materials intensity;
- identification of the main problems and ways to improve the use of production resources of enterprises.

Methods. During the research, such research methods as comparative and statistical, structural analysis, synthesis and deduction methods, as well as other methods and techniques were widely used.

Results. The results of the research reside in the fact that the conclusions and proposals, scientific provisions formulated in the research work, bring a deeper and better content, they can be used in the

²RSCI AuthorID: 1009523, ORCID: 0000-0002-7974-1236

further scientific development of issues related to the use of production resources of the enterprise when conducting research in the field of accounting and financial reporting at enterprises.

Novelty. The novelty and practical significance of the research work is determined by the fact that the provisions and conclusions obtained during the research can serve as a basis for determining management problems and ways to improve the use of production resources at enterprises.

The study analyzes the efficiency of using the enterprise's production resources, in particular, such as return on investment, capital-labor ratio, capital-output ratio, material productivity, and material intensity, and determines the factors that affect the value of these indicators.

The article reflects the basic principles and methods of forming an economically rational capital structure.

KEYWORDS: production forces, fixed assets, labor forces, physical resources, material productivity, materials intensity, return on investment, capital-labor ratio.

FOR CITATION: Baydybekova S.K. (2020). Management problems and ways to improve the use of production resources of enterprises, *Management Issues*, no. 6, pp. 107–120.

REFERENCES

1. Shumak Zh.G. (2017). Theoretical aspects of the formation of the resource potential of the enterprise In: Science of the XXI century: current directions of development. Proceedings of the VI International correspondence scientific and practical conference (Samara, September 8, 2017). Issue 2. Part 2, pp. 116–121.
2. Safarova I.M. (2015). Resource potential of the enterprise: theoretical aspect, *Economics and management: new challenges and prospects*, no. 9, pp. 108–110.
3. Berzin I.E., Pikunova S.A., Savchenko N.N., Falko S.G. (2017). Enterprise Economics. Textbook for universities. 2nd ed., rev. Moscow, Drofa, 368 p.
4. Volkov A.V., Dubrovin I.A., Nikitina L.A. (2010). Organizational and economic mechanism for the effective use of the resource potential of enterprises. Moscow, MGUPB, 24 p.
5. Khamidullin F.F., Davletshina A.R. (2013). Methods for assessing the effective use of the resource potential of an enterprise, *Bulletin of TISBI*, no. 4, pp. 100–108.
6. Savitskaya G.V. (2018). Economic Analysis. Textbook. Moscow: Infra-M, 285 p.
7. Petrova Yu.M. (2020). Modeling the mechanism of working capital management as a factor of increasing the stability of the economy of integrated agro-industrial enterprises, *Management issues*, no. 2 (63). URL: <http://journal-management.com/issue/2020/02/02>.
8. Goncharov V.N., Shovkoplyas A.Sh., Shovkoplyas O.A. (2016). Assessment of the resource potential of enterprises, *Economic and social and humanitarian studies*, no. 2 (10), pp. 66–69.
9. Grass E.Yu. (2018). Complex assessment of efficiency of use of production resources of the enterprise on the basis of use of a method of standard dynamics of indicator, *Management Issues*, no. 3 (52). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/03/21>.
10. Kizim A.A., Kayfedzhan D.P. (2020). Analysis of the competitiveness of an enterprise taking into account the digital transformation of business, *Economic analysis: theory and practice*, vol. 496, no. 1, pp. 101–117.
11. Petrovich M.V. (2020). Innovative activity of industrial organizations: essence, state and method of assessment, *Management problems*, no. 2 (76), pp. 49–61.
12. Alyabyeva M.V., Vladimirova V.G. (2018). Economic and marketing analysis in the system of ensuring the economic security of an enterprise and its improvement. Moscow, Rusayns, 336 p.
13. Babicheva N.E., Lyubushin N.P. (2018). Economic analysis of sustainable development of business entities. Moscow, Rusayns, 512 p.
14. Steksova S.Yu. (2017). Assessment of the competitiveness and efficiency of using the resource potential of the enterprise. Khabarovsk, Pacific State University Publishing House, 102 p.
15. Makhmudova M.M. (2019). Management of the material-technical and financial condition of enterprises in the conditions of macroeconomic instability, *Management issues*, no. 1 (56). URL: <http://journal-management.com/issue/2019/01/18>.
16. Prischepa D.N. (2020). Human capital and sustainable development goals, *Management problems*, no. 2 (76), pp. 84–91.

17. Boronenkova S.A. (2017). Economic analysis in enterprise management. Moscow, Finance and statistics, 225 p.
18. Bevan A., Estrin S., Meyer K. (2004). Foreign investment location and institutional development in transition economies, *International Business Review*, no. 13, pp. 43–48.
19. Bitoleuova Ye.A., Kabdullina D., Baimukhasheva G., Tazhibaeva M. (2020). Modern trends in management of the budget system Raikhan, *Serbian Journal of Management*, vol. 15, no. 1. DOI: 10.5937/sjm15-23985.
20. Razinkov P.I., Razinkova O.P. (2017). Methodological aspects of a comprehensive assessment of the resource potential of an enterprise, pp. 174–184.
21. Gulyaev P.V. (2018). Resource potential of the territories of the Republic of Sakha (Yakutia), *Management issues*, no. 4 (53). URL: <http://journal-management.com/issue/2018/04/09>.
22. Steksova S.Yu. (2017). Assessment of the competitiveness and efficiency of using the resource potential of the enterprise. Khabarovsk, Pacific State University Publishing House, 101 p.
23. Baidybekova S.K., Bleutaeva K., Abdykalieva Z., Turysbekova R., Syzdykbaeva N., Bastaubayev A. (2016). Tax Accounting in the Republic of Kazakhstan and Ways of its Improvement, *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, Spring, Vol. VII, Issue 3 (17).
24. Barashkova O.V., Ostretsov V.N. (2012). Methodology for assessing the resource potential of an agricultural enterprise, *Dairy Bulletin. Economics and economic sciences*, no. 4 (8). 33 p.
25. Browder B. (2015). Red Notice: A True Story of High Finance, Murder, and One Man's Fight for Justice. Simon & Schuster, 416 p.
26. Baidybekova S.K., Abdykalieva Z., Tolegenova A., Kereeva A., Baytarakova B. (2016). Main Movements in Accounting Records' Development of the Republic of Kazakhstan in the Context of Economic Globalization, *Journal of Advanced Research in Law and Economics*, Spring, Vol. VII, Issue 7 (21).
27. Makarkin N.P., Gorina A.P., Alferina O.N., Korneeva N.V., Potapova L.N. (2019). Efficiency of using the resource potential of the enterprise: assessment method, *Fundamental research*, no. 11, pp. 89–94.

AUTHORS' INFORMATION:

Saltanat K. Baydybekova – Ph.D. of Economic Sciences; Zhetysu State University named after I. Zhansugurov (187a, Zhansugurov St., Taldykorgan, 040009, Kazakhstan); b-saltanat@mail.ru.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЛУЖБА

PUBLIC MANAGEMENT AND PUBLIC ADMINISTRATION

РАЗВИТИЕ МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ ГОРОДА ПО КРИТЕРИЯМ «УМНОГО» ГОРОДА

А.В. Антонова^{1а}

^аКемеровский государственный университет

АННОТАЦИЯ:

В настоящее время словосочетание «„умный“ город» применяется к сущности города крайне часто — это реакция общества, осознавшего значимость качества городского капитала, через оценивание показателей производительности, плотности коммуникаций, «мобильности» и «гибкости» города. Но главной проблемой, почему словосочетание «„умный“ город» сложно применить к понятию и характеристике городов, остается плюрализм подходов к его определению, что привело к отсутствию адекватной методики измерения «умности» города и, как результат, невозможности качественного и своевременного принятия управленческих городских решений.

Методом сравнения и группировки проведен анализ подходов к определению «умного» города. В результате выявлены основные недостатки подходов к определению и сформулирован авторский подход к определению «умного» города как сложной организационной системы для развития человеческого потенциала в рамках создания экологически, социально-экономически и информационно-технологически безопасной среды обитания. Также был проведен сравнительный анализ преимуществ и недостатков существующих методик оценки города по критериям «умного» города, в результате чего автором была доказана необходимость пересмотра методик, что позволит выявить наиболее актуальные проблемы развития города и выработать эффективные методы их решения.

Автором предложен и апробирован интегральный подход к оценке «умного» города, позволяющий анализировать тенденции городского развития в ретроспективе. В основе предложенной методики оценки лежат 6 критериев «умного» города, оценка которых производится по 63 показателям, которые статистически доступны в Российской Федерации. Результаты, полученные в ходе апробации предложенной методики, позволят сравнивать города, различные по численности населения, выявлять «провалы» и факторы, способствующие дифференциации городов по критериям «умного» города.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: показатели, критерии «умного» города, интегральный индекс, интегральная методика оценки.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Антонова А.В. (2020). Развитие методики оценки города по критериям «умного» города // Вопросы управления. № 6. С. 122–141.

Введение

Теоретические и методические подходы к определению понятия «умный город» и измерению его технологичности, мобильности, рациональности, сбалансированности, устойчивости и других критериев в последние годы стали одной из дискуссионных тем архитекторов, политиков, экологов, социологов, экономистов² [19; 22].

Диапазон концептуальных подходов к определению понятия «умный город» достаточно велик: от «идеальных» городов («Остров Утопия» Томаса Мора, «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона, «Венера» Жака Фреско) [16] до «цифровых» городов («Безопасный город» в Санкт-Петербурге Huawei³ [22], город Сонгдо в Южной Корее, Cisco⁴ [29; 30], Дубай [17]),

¹ORCID: 0000-0003-3338-0831

²В 8 моногородах протестируют проект «Умный город». URL: <http://моногорода.рф/news/519-v-8-monogorodah-protestiruyut-proekt-umnyy-gorod>.

³Кром Е. Дорожная карта для «умного» Петербурга. URL: <http://spb.rbc.ru/daily/18/07/2011/606027.html>.

⁴Города будущего: 10 изумительных проектов. URL: <http://www.publy.ru/post/17125>.

«устойчивые города-хабы» («линейно-полосовой город» И. Милютина, «индустриальный город» Т. Гарнье, город «Транс-Россия» И. Лежавы, города «Модулятор» И. Ахтямова, проект системы расселения от моря до моря «33 меридиан» Н. Кострикина, Утрехт в Нидерландах [35]), «кибергородов» («Плавающая Зелень» Shimizu, «Умка» Валерия Ржевского) [34], «экогородов» («Город-сад» Эбенезера Говарда, «Русла расселения» группы НЭР, город Масдар Э. Маллоуза – проект WWF, BioRegional, Foster + Partners) [3; 31], «городов знаний» («Иннополис» в пригороде Казани [2; 8]) и др. (табл. 1).

Рассмотренные подходы можно сгруппировать в три основных:

1) системный (город как совокупность взаимосвязанных элементов);

2) управленческо-технологический (город, отличающийся системой рационального управления и применением современных технологий);

3) территориальный (город как часть территориального пространства) (табл. 2).

Резюмируя вышеперечисленные подходы к определению, можно сформулировать, что «умный» город – это сложная организационная система развития человеческого потенциала в рамках создания экологически, социально-экономически и информационно-технологически безопасной среды обитания.

Причиной плюрализма подходов и неточность понятийного словаря концепции «умный город» является то, что термин был применен к двум различным областям города: «жесткой» – здания, электрические сети, дорожная инфраструктура, где ИКТ играют решающую роль в измерении «умности» города; «мягкой» – образование, культура, инновации, здравоохранение, социальная интеграция и защита, где измерение «умности» города выходит за пределы экономической стоимости и применение ИКТ бесполезно.

Феномен «умного» города с его практиками в 2 500 городах по всему миру – это реакция общества, уставшего от понимания города как полюса экономического роста и осознание значимости городского капитала в его экологическом, социальном, культурном качествах. Современный город не является исключительной собственностью архитекторов или управленцев. Свободное время становится важнее заработка, «мобильность» и «гибкость» городской среды становятся главным фактором размещения производства, климат творчества и коллективизма – главным стимулом создания гибридных социальных, инновационных, культурных и экономических предприятий.

Эти трансформационные процессы, провоцируют устойчивое развитие городской среды и создание «умного города», т.е. города, в котором создана самоорганизующаяся комфортная среда за счет рационального поведения населения, бизнеса и управляющих органов.

Таблица 1 – Концептуальные подходы к определению «умный город»⁵

Table 1 – Conceptual approaches to the definition of smart city

Концептуальный подход	Пример
«идеальные города»	«Остров Утопия» Томаса Мора; «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы; «Новая Атлантида» Френсиса Бэкона; «Венера» Жака Фреско
«цифровой город»	«Безопасный город» в Санкт-Петербурге; город Сонгдо в Южной Корее Cisco
«устойчивые города-хабы»	«линейно-полосовой город» И. Милютина; «индустриальный город» Т. Гарнье; город «Транс-Россия» И. Лежавы; города «Модулятор» И. Ахтямова; проект системы расселения от моря до моря «33 меридиан» Н. Кострикина; Утрехт (Нидерланды)
«кибергород»	«Плавающая Зелень» Shimizu; «Умка» Валерия Ржевского
«экогород»	«Город-сад» Эбенезера Говарда; «Русла расселения» группа НЭР; город Масдар Э. Маллоуза – проект WWF, BioRegional, Foster + Partners
«город знаний»	«Иннополис» в пригороде Казани

⁵Источник: составлено автором.

Таблица 2 – Сущность подходов к определению «умный город»⁶

Table 2 – The essence of approaches to the definition of smart city

Источник	Сущность подхода
1. Системный подход	
«Индикаторы умных городов НИИТС 2017»	Системный подход к использованию информационных технологий на основе анализа данных для предоставления услуг по управлению экономическими, энергетическими и природными ресурсами, способствующих устойчивому развитию экономики и стабилизации высоких стандартов качества жизни
Европейская комиссия по «Умным городам» и сообществам	Система интегрирования людей, взаимодействующих с потоками энергии, материалов, услуг и финансов и применяющих их с целью стимулирования устойчивого развития и обеспечения высокого качества жизни [12; 13]
И.С. Глебова, Я.С. Ясницкая. Возможности реализации концепции «Умного города»: практика российских городов	Система человеческого развития, характеризующаяся наличием интеллектуальной системы транспорта, общественной безопасности, рациональным потреблением энергоресурсов, защитой окружающей среды и ИКТ [5, с. 18]
Город для человека XXI века	Уютный и соразмерный человеку организм, сочетающий в себе естественные и антропогенные ландшафты, наполненные «умными» объектами [4; 33]
2. Управленческо-технологический подход	
Hollands, R. Will the real smart city please stand up? Intelligent, progressive or entrepreneurial?	Результат смены технологического уклада в переходе от постиндустриального к информационному обществу [27, с. 130]
С.В. Городничев, Ю.А. Федорова, Н.С. Шишкина. Умный город: от идеи к воплощению	Концепция комплексного городского развития, основанная на информационных технологиях, основной целью и задачей которой является обеспечение безопасной и комфортной жизнедеятельности [6, с. 111]
А.Н. Никушина. Концепция «Умный город»: теоретические постулаты и особенности реализации	Высокотехнологичный город, включающий в себя эффективную систему управления, инновационную жилую инфраструктуру, высококачественные бизнес-услуги и умных горожан [12]
Концептуальные основы создания и развития современной городской инфраструктуры на базе использования достижений современных технологий	Тип управления, при котором используются современные информационные технологии, аналитические инструменты с целью получения обратной связи [25; 26; 28]
М.В. Аргунова. Модель «Умного города» как проявление нового технологического уклада	Развитый в рамках шестого технологического уклада город, основанный на НБИК-конвергенции, объединяющей нано, био, информационные и когнитивные технологии [1, с. 14]
В.П. Куприяновский. Умные города как «столицы» цифровой экономики	Концепция, представляющая собой интеграцию областей градостроительной деятельности, IT-инструментов, особых «smart» технологий, методов и расчетов [10, с. 41]
3. Территориальный подход	
С.А. Баженов, глава администрации г. Белгород (2011-2015 гг.)	Территория с умной инфраструктурой, современной и экологичной энергетикой и биотехнологиями. Город, в котором каждый житель имеет возможность самореализации и достижения гармонии с окружающим миром
Д. Муни, вице-президент корпорации IBM по направлению «Разумный город»	Эффективно и разумно организованное пространство, комфортная среда жизнедеятельности населения, их поведения и взаимоотношений, эффективное управление, толерантные жители, обладающие активной гражданской позицией
М.В. Мизрахи. «Умный город»: эволюция концепта, инициативы городских сообществ в развитии города	Город, в котором экономическое развитие обусловлено инвестированием в человеческий и общественный капиталы, рациональным совместным природопользованием, широкой вовлеченностью общества в формирование и преобразование культурного пространства [11, с. 218]
И.А. Кишеева. Концепции «Городов будущего» как пути решения проблем урбанизированных городов	Город будущего, способный располагаться в различных слоях пространства: под и над землей, на воде, в космосе [9, с. 128]

⁶Источник: составлено автором.

Материалы и методы

Методические исследования «умного» города в настоящее время сконцентрированы на анализе вопросов [15; 18; 20; 21; 23; 24; 32]:

1. *Является ли данный город «умным»?* Это вопрос эмпирического исследования, ответ на который определяет пороговые условия для вхождения в группу «умные города».

2. *Какие города являются «умными»?* Ответ на этот вопрос требует четких принципов, реализация которых может отнести город в группу «умных городов».

На современном этапе теоретических и эмпирических исследований уже сформированы принципы «умного» города и разработан методический инструментарий для количественного подкрепления выводов. Наиболее известный методический подход к «умному» городу – рейтинг, составленный исследователями Технического Университета Вены в сотрудничестве с университетом Любляны и Технического Университета Дельфта, для ранжирования «средних» городов Европы, с населением до 500 тыс. человек, в разрезе «умных» городов⁷. Рейтинг был структурирован в три уровня: 6 характеристик, 31 фактор, 74 показателя.

Результатом исследования стало ранжирование 70 европейских «средних» городов по шести критериям: экономика, люди, управление, мобильность, среда и жизнедеятельность – для определения «провалов» и действий, необходимых для повышения уровня развития согласно критериям «умного» города. Средний город считается «умным», если он демонстрирует перспективный путь развития по всем шести критериям.

Уникальность данной рейтинговой системы, разработанной для Европейских городов, в ее универсальности применения для любого экономически развитого города с численностью от 100 до 600 тыс. человек. В России таких городов 143 (13 % всех городов России).

В 2017 году Научно-исследовательским институтом технологий и связи (НИИТС) была разработана собственная методология анализа городов – «Индикаторы умного города НИИТС». По определению института, такие индикаторы должны дать четкое представле-

ние о том, в каком направлении должна идти городская власть при разработке стратегии «умного» города. Таким образом, приоритетные направления развития российских городов планируется разрабатывать в соответствии со «Стратегией развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы» и государственной программой «Цифровая экономика Российской Федерации».

При формировании методологии были рассмотрены 16 российских городов и выявлены 7 критериев оценки, идентичные критериям Европейской системы ранжирования и включающие в себя новый критерий – «умные финансы». 7 критериев оцениваются по 26 показателям.

Методика, предложенная Н. Н. Ярош, базируется на оценке наличия и развития в городе экологических нанотехнологий, биотехнологий и умной инфраструктуры [14, с. 76]. В «умном» городе полностью изменяется соотношение «человек – окружающие технологии» [14, с. 77]. Теперь не человек работает над внедрением технологий, а, наоборот, технологии работают на человека и облегчают его жизнедеятельность (табл. 3).

Методика оценки «умного» города Н. С. Данакина базируется на оценке не количественных показателей города, а качественных [14, с. 21]:

1) *Человечность*. Применение современных технологий будет тщетным и не сможет измерить «ум» города, если его жители не будут обладать главными человеческими качествами (толерантность, уважение, сострадание).

2) *Комфортность*. Умный город должен удовлетворять всем требованиям комфортной жизни.

3) *Безопасность*. Многоаспектный показатель, который можно рассматривать как со стороны общественной безопасности, так и с позиции личной безопасности отдельно взятого индивида.

4) *Технологичность*. Современный город должен быть адаптированным под последние достижения НТП, призванные облегчить жизнь горожан. Отдельное направление – тех-

⁷Giffinger R., Fertner C., Kramar H., Kalasar R., Pichler-Milanovic N., Meijers E. Smart Cities – Ranking of European Medium-Sized Cities. URL: http://www.smart-cities.eu/download/smart_cities_report.pdf.

Таблица 3 – Элементы оценки «умного» города⁸ (по Н. Н. Ярош)
 Table 3 – Elements for assessing a smart city (according to N. N. Yarosh)

Элемент оценки	Основные характеристики
Умные дома	Единая система управления домашним хозяйством, обеспечивающая достойный уровень безопасности, освещения, климат-контроля, а также автоматизацию основных систем жизнеобеспечения (отопление, водоснабжение, электропитание, вентиляция и т.д.)
Умная территория	Часть городского пространства, включающая безопасные технологии (камеры видеонаблюдения, управление освещением в темное время суток, модернизированная система дорожного оборудования)
Умные сети	Интеллектуальные городские инженерные сети, адаптированные под современные ИТ-технологии и уровень потребления, рационально использующие энергоресурсы и минимизирующие воздействие на окружающую среду
Умная транспортная система	Интеллектуальная система управления транспортными потоками и пассажирским транспортом, включающая в себя: периферийное оборудование для получения, обработки и передачи информации, оборудование на дороге и ее участках (дорожные знаки, умные светофоры, парковочная сеть, информационные табло), универсальное ПО (средства диспетчеризации, телеметрии)
Умный менеджмент	Лица, обладающие достаточным уровнем квалификации и образования, способные применять в практической деятельности различные методики управления
Умное население	Лица, заинтересованные в самообразовании, повышении квалификационного уровня и овладении дополнительными дисциплинами, формирующими иной тип мировоззрения
Умная экономика	Высокое качество и уровень жизни населения, профицит муниципального бюджета, сбалансированность городских отраслей
Умная среда	Интеграция умного менеджмента, населения и экономики

нологизация социальных процессов, включающая в себя: грамотное и четкое формулирование целей деятельности; учет нормативов, необходимых для снижения ошибок; анализ деятельности, позволяющий снизить уровень ресурсозатрат и т. д.

5) *Рациональность*. Поведение населения должно быть рационально мотивированным, система менеджмента – рационально обоснованной, а состояние окружающей среды – рационально организованным.

6) *Следование порядку*. Ситуации, когда каждому предмету отведено свое место, а индивиды осуществляют деятельность в соответствии с определенными правилами и нормами, наступает ликвидация социального хаоса, а, следовательно, создаются все предпосылки для формирования «умного города».

7) *Ответственность*. Современный житель города должен быть ответственным за совершение действий, способных оказывать влияние на состояние окружающей среды.

8) *Сбалансированность личностных целей*. Позволяет человеку строить карьеру и реализовывать свой потенциал, укреплять быт, гармонизировать семейные отношения и развивать духовные качества. Цель «умного» чело-

века – преобразовать жизнь в единый поток развития и достижений.

9) *Корпоративность*. Современный «умный человек» должен обладать следующими качествами: способность к социальному партнерству, выработка «командного духа», применение консенсуса как одного из главных принципов взаимодействия и т.д.

10) *Информационная обеспеченность*. Умный город должен характеризоваться наличием информационной базы, позволяющей человеку ориентироваться в городской среде и эффективно решать личные проблемы.

Обзор методологий оценки «умных» городов позволяет прийти к выводу, что основная оценка качественных изменений в развитии городов производится на основе анализа основных сфер общественной жизни: социальной, политической, экономической и культурной.

Основным недостатком всех методик оценки «умного» города является отсутствие статистической информации по городам России, что в свою очередь является ограничением при расчетах и ранжировании городов по предложенным показателям.

⁸Источник: составлено автором по материалам Н.Н. Ярош «Городское хозяйство: от „Города Солнца“ к умному городу» [14].

Результаты

Апробация Европейской системы ранжирования «умных» городов была проведена на примере г. Белово Кемеровской области. Белово – типичный угольный город Кемеровской области, где на протяжении многих десятилетий сформировалась монозависимость от угольных предприятий, продукция которых в структуре отгруженных товаров и услуг занимают почти 2/3 объема. В настоящее время это классический моногород, где необходимы кардинальные меры по реструктуризации экономики и социальной сферы. Численность жителей Беловского городского округа на начало 2018 года составляло 127 517 человек, из них экономически активное население – 99 тыс. чел. (76,7 %), население в трудоспособном возрасте – 54,6 %, доля населения моложе трудоспособного возраста – 20,7 %, старше трудоспособного возраста – 24,7 %.

Основной проблемой Беловского городского округа являются негативные процессы снижения численности населения и ухудшения его демографических характеристик, что связано, с активизацией миграционного оттока людей за пределы территории Беловского городского округа: в 2017 г. 57,04 % от общего числа выбывших, по Кемеровской области этот показатель составил всего 26,02 %.

За период 2011–2017 гг. за счет миграционной убыли численность населения Беловского городского округа сократилась на 5 327 человек, что связано с нестабильной или небезопасной для населения социально-экономической ситуацией, сложившейся в городском округе. Главным решением проблемы является повышение привлекательности территории для жизни. Под повышением привлекательности следует понимать улучшение условий проживания населения городского округа, то есть повышение экологической, экономической, технологической, социальной и др. безопасности населения. Человек хочет и будет проживать в безопасных условиях, где минимально снижены климатические, экологические, экономические, социальные риски,

риски одиночества и терроризма и др. Создание таких условий возможно только в рамках реализации концепции «умного» города.

Анализ Генерального плана Беловского городского округа позволил выявить существенные риски в безопасности местного населения⁹. Так, к числу наиболее критических рисков относятся:

1) технологический риск (ряд объектов жилищного фонда расположен на подработанных территориях);

2) социальный риск (отсутствие пандусов, системы пешеходных и велосипедных коммуникаций);

3) экологический риск (высокий уровень загрязнения окружающей среды).

Для выявления потенциальных возможностей снижения представленных рисков и создания более безопасных условий для жизни населения города необходимо оценить сложившуюся ситуацию. Наиболее подходящей методикой оценки является Европейская система ранжирования, адаптированная для городов с численностью жителей от 100 до 600 тыс. человек. Но имеющиеся в открытом доступе статистические данные не позволяют осуществить полный анализ Беловского городского округа по критериям «умного» города, в связи с чем были рассчитаны только 17 показателей из предложенных 74 (табл. 4).

Таблица 4 – Сравнительная таблица показателей оценки Беловского городского округа по критериям «умного» города¹⁰

Table 4 – Comparative table of indicators for assessing the Belovsky urban district according to the criteria of a smart city

Основные критерии	Общ. кол-во показателей, ед.	Доступно для расчета, ед.
Умная экономика	12	4
Умные люди	15	1
Умное управление	9	1
Умная мобильность	9	0
Умная среда	9	2
Умная жизнедеятельность	20	9
Итого:	74	17

⁹Генеральный план Беловского городского округа Кемеровской области. URL: <http://www.belovo42.ru/files/belovo42/File/genplan/2017/ochnp.pdf>.

¹⁰Источник: составлено авторами по материалам Генерального плана г. Белово, Росстата, Smart cities – Ranking of European medium-sized cities (URL: www.smart-cities.eu/download/smart_cities_final_report.pdf)

Критерий «Умная экономика» включает в себя всю совокупность параметров, характеризующих экономическую эффективность городского округа. Экономическая эффективность, в свою очередь, отражает результат эффективности экономической системы, который определяется как отношение полезных итогов функционирования системы к затраченным ресурсам. Для оценки Беловского городского округа по данному критерию в свободном доступе были рассчитаны некоторые показатели (рис. 1).

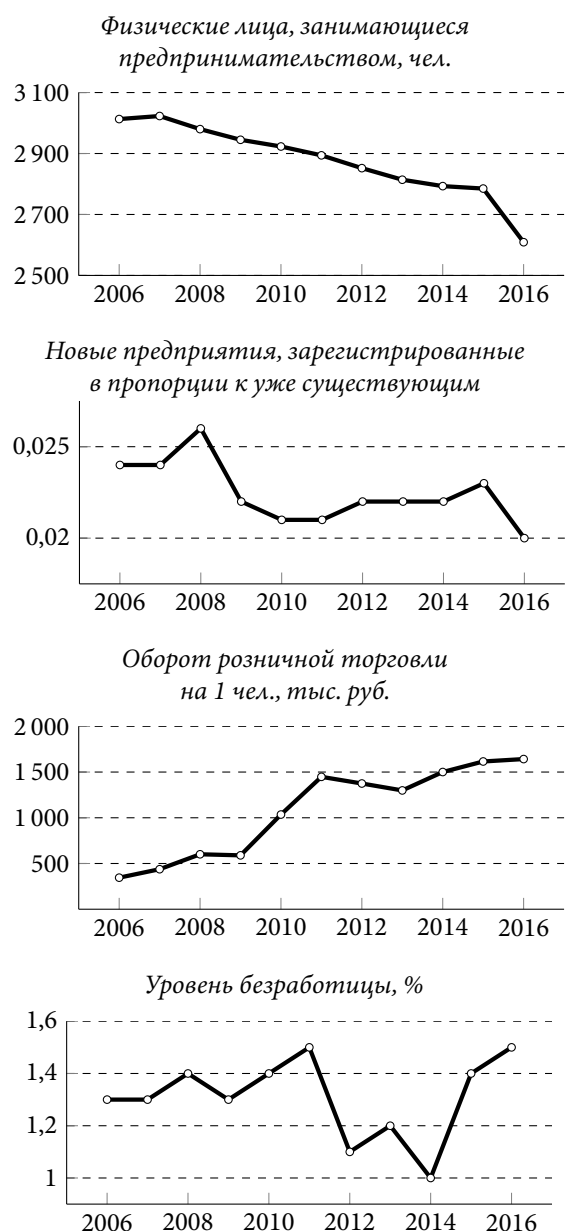

Рисунок 1 – Динамика показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умная экономика»

Figure 1 – Dynamics of the indicators of the assessment of the Belovsky urban district according to the criterion "Smart Economy"

В период 2006–2016 гг. количество физических лиц, самостоятельно занимающихся предпринимательской деятельностью, сократилось на 13,41 %, что свидетельствует о снижении инвестиционной привлекательности городского округа для потенциальных инвесторов, а также сокращении предпринимательской активности действующих предпринимателей.

Оборот розничной торговли в расчете на 1 жителя Беловского городского округа увеличился на 564,3 тыс. руб. (377,3 %).

В период 2006–2016 гг. отмечается увеличение уровня безработицы с 1,3 до 1,5 %, что связано с увольнением работников ряда угольных предприятий.

В целом, вышеперечисленные показатели отражают ряд негативных характеристик в экономическом развитии г. Белово: 1) отсутствие стимулов для ведения предпринимательской деятельности и новых ниш, способствующих привлечению потенциальных инвесторов; 2) отсутствие новых видов производства (экономической деятельности); 3) неспособность действующих властей городского округа стимулировать занятость населения в полной мере.

Критерий «Умные люди» характеризует основную часть населения «умного» города, оказывающую активное влияние на формирование потребительского спроса на новые технологии и определяющую необходимый уровень качества жизни. Житель «умного» города – это креативный, толерантный, самореализованный, самозанятый, ответственный и общественно активный человек.

Для оценки Беловского городского округа по критерию «Умные люди» статистически доступен единственный показатель «Явка избирателей на президентские выборы» (рис. 2).

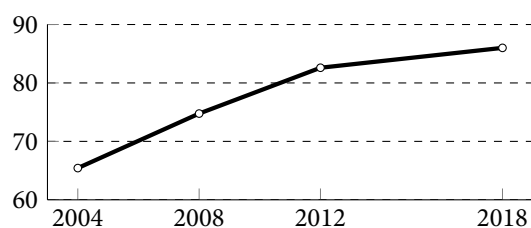

Рисунок 2 – Динамика показателя «Явка избирателей на президентских выборах»
Figure 2 – Dynamics of the indicator "Voter turnout in the presidential elections"

В 2018 г. по сравнению с данными на 2004 г. явка избирателей на выборах президента РФ в Беловском городском округе увеличилась на 20,57 % и составила 86,0 %. Данный показатель свидетельствует о повышении общественного сознания и ответственности местного населения перед будущим своего государства.

Имеющиеся статистические данные позволяют оценить Беловский городской округ по критерию «Умное управление» только в рамках показателя «Количество детей в детском саду» (рис. 3).

На протяжении анализируемого периода 2006–2016 гг. количество детей, посещающих детские сады, увеличилось с 5 043 до 7 650 чел. (51,7 %).

Критерий «Умная среда» характеризует систему предметно-пространственного окружения, оказывающую колоссальное воздействие

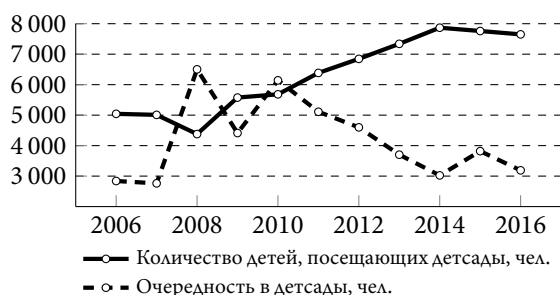

Рисунок 3 – Показатели оценки Беловского городского округа по критерию «Умное управление»
Figure 3 – Indicators of assessment of the Belovsky urban district according to the criterion “Smart management”

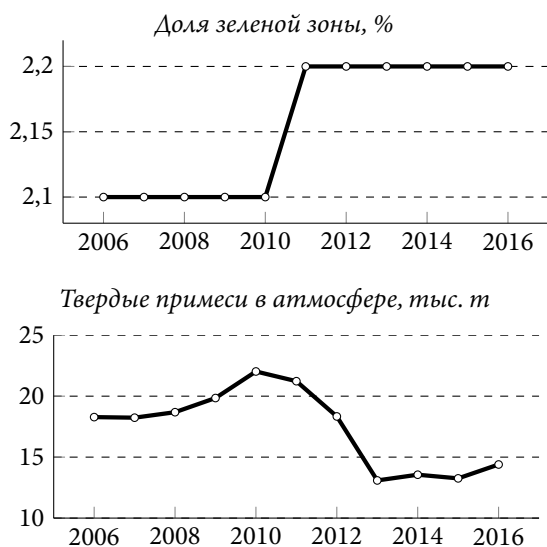

Рисунок 4 – Показатели оценки Беловского городского округа по критерию «Умная среда»
Figure 4 – Indicators of the assessment of the Belovsky urban district according to the criterion “Smart environment”

на жизнедеятельность человека, и включает в себя показатели, характеризующие текущее состояние окружающей среды.

В соответствии с имеющимися статистическими данными можно рассчитать только два показателя, оказывающих актуальное значение для жителей городского округа – «Доля зеленой зоны» и «Твердые примеси в атмосфере» (рис. 4).

За рассматриваемый период доля зеленых насаждений в общей площади города значительно не изменилась. Относительно массы выбросов твердых загрязняющих веществ в атмосферный воздух города следует отметить, что за анализируемый период данный показатель сократился с 18,3 до 14,4 тыс. т (21,3 %).

Критерий «Умная мобильность» неразрывно связан с уровнем применения современных технологий во всех сферах жизнедеятельности населения города. Однако, ввиду отсутствия статистических данных для расчета показателей, относящихся к данному критерию, на данный момент не представляется возможным оценить мобильность жителей Беловского городского округа.

Последний критерий «Умная жизнедеятельность» включает в себя показатели, характеризующие состояние повседневной жизни горожан, соответствующей нормальным условиям проживания. «Умное» население должно определять для себя исключительно комфортные индикаторы состояния окружающей среды – показатели, дающие возможность создать наилучшие условия жизнедеятельности для человека (рис. 5).

Следует отметить, что в 2006–2016 гг. посещаемость кинотеатров увеличилась с 140,3 до 181,3 тыс. чел., а посещаемость музеев сократилась с 17,8 до 14,3 тыс. чел., что свидетельствует о снижении интереса жителей и гостей города к историко-культурным ценностям.

Число больничных коек, приходящихся на 10 000 чел. населения сокращается, так как отсутствует необходимость размещать пациентов в стационарах, в основном, помощь оказывается амбулаторным способом.

Общее количество студентов в городском округе сокращается (за 10 лет сокращение – 53,6 %), что непосредственно связано с миграционным процессом.

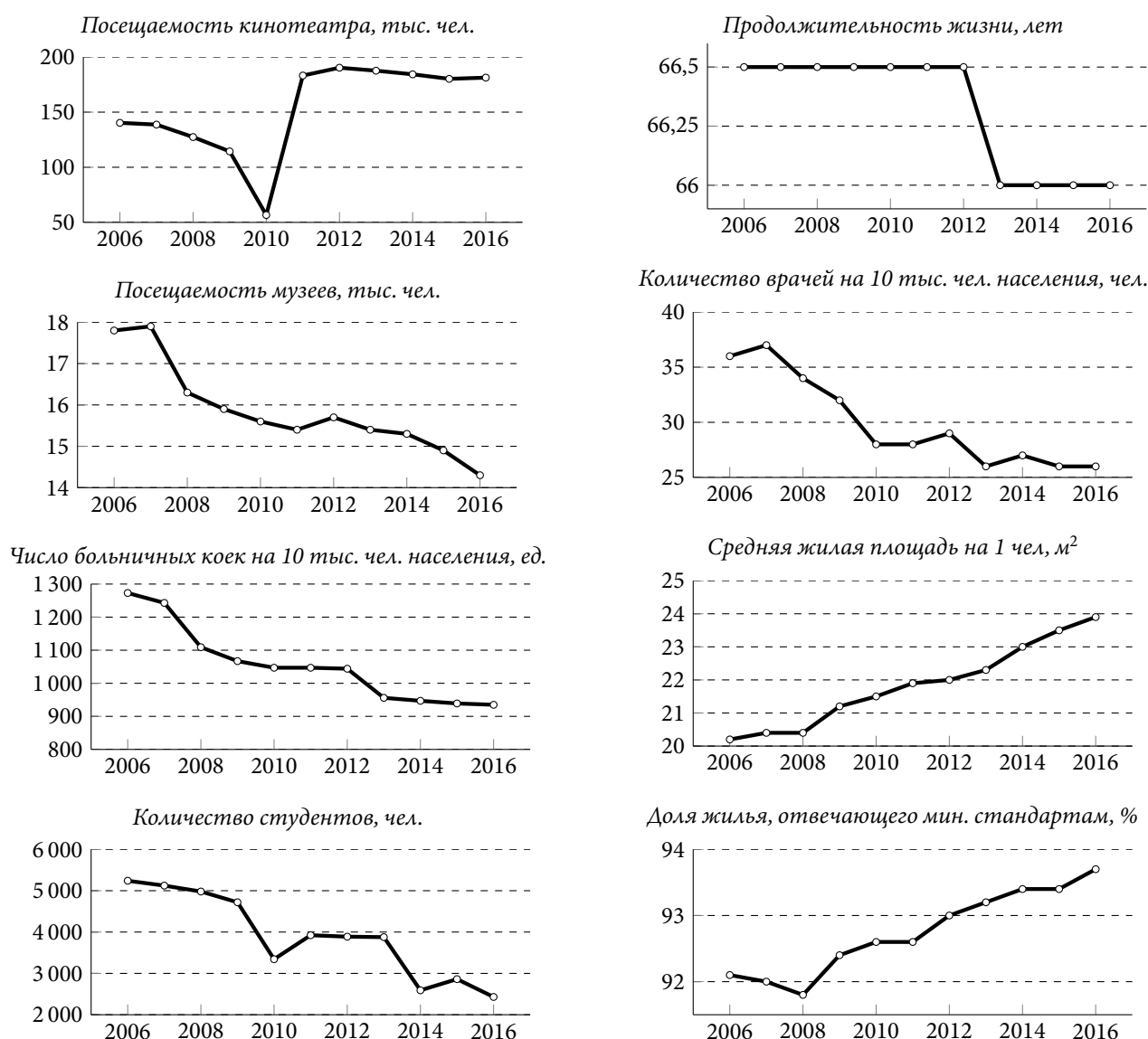

Рисунок 5 – Показатели оценки Беловского городского округа по критерию «Умная жизнедеятельность»
Figure 5 – Indicators of the assessment of the Belovsky urban district according to the criterion “Smart life”

Продолжительность жизни жителей городского округа сократилась за 10 лет на 0,5 года и в 2016 г. составила 66 лет, что является отрицательным отклонением от показателя общей продолжительности жизни по России на 4,5 года. Данная разница – это прямое доказательство наличия в городском округе высоких экологических и социальных рисков (злоупотребление табачными изделиями, алкоголем, распространение ВИЧ-инфекции).

Средний показатель обеспеченности одного человека жилой площадью составляет 25 м², что соответствует стандартам. Данный показатель увеличился за 10 лет на 3,7 м² и демонстрирует исключительно положительный тренд. Доля жилья, соответствующая минимальным стандартам, в городском округе со-

ставляла 93,7 %. Данный показатель увеличился по сравнению с 2006 г. на 1,6 %.

По результатам апробации Европейской системы ранжирования «умных» городов на примере Беловского городского округа с численностью населения 127 517 чел., необходимо отметить трудоемкость анализа, отсутствие универсальной единицы измерения, что усложняет расчет конечного результата, а имеющихся в наличии статистических данных недостаточно для формулирования общего вывода. Таким образом, возрастает необходимость пересмотра методологии оценки «умных» городов, который позволил бы выявить наиболее актуальные проблемы развития города и выработать эффективные методы их решения.

Обсуждение

Главный недостаток Европейской системы ранжирования «умных» городов состоит в том, что ведение статистического учета в России коренным образом отличается от принципов ведения учета в западных странах. Таким образом, данных Росстата оказалось недостаточно для проведения исследования, что

требует развития методологического обеспечения оценки «умных» городов.

В основе развития методологического обеспечения оценки лежат 6 критериев Европейской системы ранжирования городов, оценка которых производилась по 63 показателям, которые статистически доступны в Российской Федерации:

Таблица 5 – Критерии и показатели для оценки «умного» города
Table 5 – Criteria and indicators for assessing a smart city

	Показатель	Ед. изм.
Умная экономика	Грантовая поддержка субъектам СМП	млн руб.
	Количество индивидуальных предпринимателей	ед.
	Количество организаций	ед.
	Оборот розничной торговли	млрд руб.
	Оборот средних и крупных организаций	млрд руб.
	Инвестиции в основной капитал по крупным и средним организациям	млрд руб.
	Финансовый результат деятельности предприятий	млн руб.
	Среднемесячная заработная плата 1 работающего	тыс. руб.
	Уровень безработицы	%
Умные люди	Количество дошкольных образовательных и общеобразовательных организаций	ед.
	Удовлетворенность качеством дошкольного образования	%
	Общая успеваемость учащихся	%
	Количество студентов	чел.
	Количество детей-инвалидов, обучающихся по полной образовательной программе	чел.
	Число семей, пользующихся социальной поддержкой на оплату услуг ЖКХ	ед.
	Количество обращений граждан в Администрацию	ед.
	Количество иностранных граждан	чел.
Умное управление	Удовлетворенность органами власти	%
	Удовлетворенность деятельностью органов власти по обеспечению безопасности граждан	%
	Количество детей, посещающих детские сады	чел.
	Очередность в детские сады	чел.
	Доля замененных водопроводных сетей	%
	Установленная производственная мощность водопроводов	тыс. м ³ /д
	Утечка и неучтенный расход воды	тыс. м ³
	Число аварий в системе водоснабжения	ед.
	Доля замененных канализационных сетей	%
	Доля замененных тепловых и паровых сетей	%
	Потери тепловой энергии	тыс. Гкал.
	Отпуск теплоэнергии населению	тыс. Гкал.
	Число аварий в системе теплоснабжения	ед.
Умная мобильность	Миграционная убыль	чел.
	Пассажирооборот транспорта общего пользования	млн пкм
	Грузооборот автомобильного транспорта	млн ткм
	Число автобусов общего пользования на 100 000 чел. населения	ед.
	Использование сети Интернет в организациях	%
	Число ПК на 100 работников	ед.
	Количество камер, фиксирующих правонарушения	ед.
Умная среда	Затраты на охрану окружающей среды	млн руб.
	Количество водопроводов	ед.
	Количество источников теплоснабжения мощностью до 3 Гкал/час	ед.
	Средняя мощность одного источника теплоснабжения	Гкал/час
	Выбросы загрязняющих атмосферу веществ	тыс. т
	Количество стационарных источников вредных веществ на предприятиях, не обеспеченных очистными сооружениями	ед.
	Количество предприятий по утилизации и переработке бытовых и промышленных отходов	ед.

Продолжение таблицы 5

Умная жизнедеятельность	Количество специализированных ТС, используемых для уборки территорий и вывоза бытовых отходов	ед.
	Потребление электроэнергии на 1 проживающего	кВт · час
	Потребление горячей воды на 1 проживающего	м ³
	Потребление холодной воды на 1 проживающего	м ³
	Количество кинотеатров и киноустановок	ед.
	Количество библиотек	ед.
	Количество музеев	ед.
	Количество выявленных больных ВИЧ-инфекцией	чел.
	Количество зарегистрированных лиц с выявленными злокачественными образованиями	чел.
	Численность врачей всех специальностей	ед.
	Число больничных коек в самостоятельных больничных учреждениях	ед.
	Количество зарегистрированных преступлений	ед.
	Оценка населением уровня криминогенности	%
	Число спортивных учреждений	ед.
	Введение квартир в эксплуатацию	тыс. м ²
	Количество переселенных из ветхих и аварийных домов	чел.
	Объем выполненных работ по благоустройству	млн руб.

Представленные данные позволяют прийти к выводу о том, что за анализируемый период суммы предоставляемых грантов субъектам малого предпринимательства увеличились на 6,0 млн руб. (171,4 %). Также в сравнении с показателем 2006 г. в 2016 г. на 165 (7,1 %) увеличилось число индивидуальных предпринимателей. Однако на протяжении всего периода по данным показателям не наблюдается четкой тенденции к росту. Также за анализируемый период в городском округе сократилось количество организаций на 311 (16,2 %), однако увеличились обороты розничной торговли на 4,7 млрд руб. (54,65 %), а также средних и крупных организаций – на 58,5 млрд руб. (251,1 %). Инвестиции в крупный и средний капитал увеличились на 5,2 млрд руб. (133,3 %).

В 2016 г. финансовый результат деятельности предприятий оказался убыточным и составил 4,2 млрд руб. (тенденция к убыточности наблюдается у предприятий городского округа с 2012 г.).

На рынке труда Беловского городского округа следует отметить положительные изменения. Так, с 2006 по 2016 гг. средняя заработная плата работающего увеличилась на 20,3 тыс. руб. (157,4 %) и составила 33,2 тыс. руб., а уровень безработицы сократился с 1,6 до 1,4 %.

Наиболее важными показателями в рамках критерия «Умные люди» стали: образованность населения, доступность образовательных услуг, степень взаимодействия с органами власти. За рассматриваемый период произошло сокращение количества дошкольных и

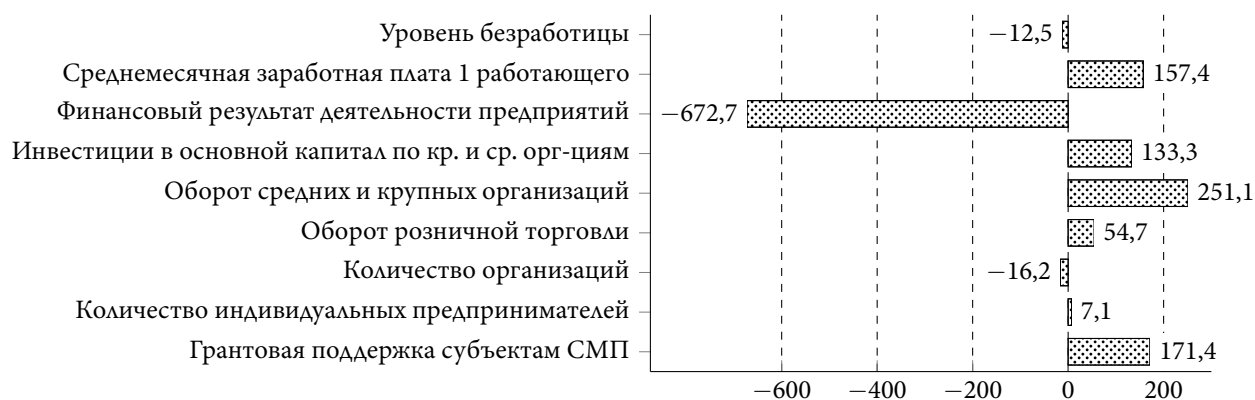

Рисунок 6 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умная экономика» с 2006 по 2016 гг.

Figure 6 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according for the criterion "Smart economy" from 2006 to 2016.

общеобразовательных учреждений города Беловского городского округа на 11 (14,3 %), что связано с миграционными процессами.

С 2006 по 2016 гг. увеличилось количество обращений граждан в Администрацию городского округа на 4 048 (111,1 %). Это говорит о том, что население округа стало более подготовленным к диалогу с органами власти, в т.ч. за счет «электронной приемной» на сайте Администрации.

За анализируемый период в городском округе снизилось число семей, пользующихся социальной поддержкой на услуги жилищно-коммунального хозяйства, на 5 063 (73,0 %), а также количество иностранных граждан, проживающих на территории г. Белово, на 211 человек (9,8 %).

Удовлетворенность граждан деятельностью органов власти Беловского городского округа по обеспечению безопасности выросла на 15,6 %, однако, общая удовлетворенность жителей сократилась на 17,1 % по сравнению с 2010 г., когда был проведен первый социологический опрос населения городского округа по данному вопросу.

Следует отметить, что анализируемый период 2006–2016 гг. характеризуется повышением эффективности работы служб жилищно-коммунального хозяйства. Так, число аварий в системе водоснабжения сократилось на 97,4 %, сократилась утечка и неучтенный расход воды на 251 тыс. м³ (12,7 %).

За 10 лет миграционная убыль населения увеличилась до 56 %, что свидетельствует о

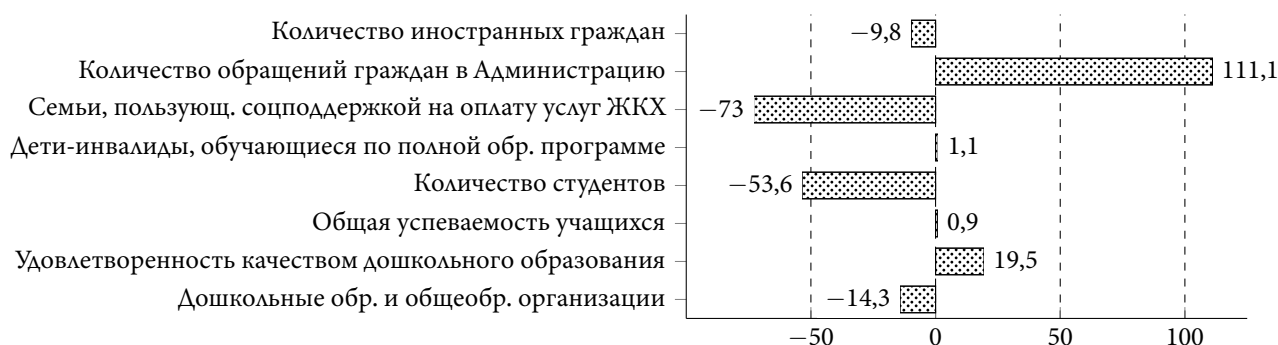

Рисунок 7 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умные люди» с 2006 по 2016 гг.

Figure 7 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according for the criterion "Smart people" from 2006 to 2016.

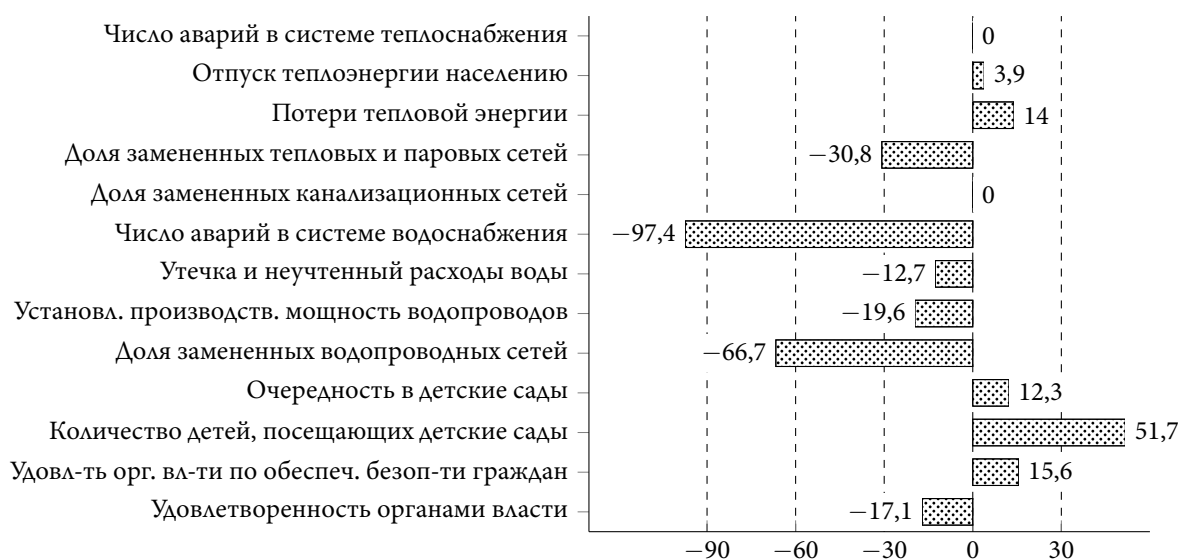

Рисунок 8 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умное управление» с 2006 по 2016 гг.

Figure 8 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according to the criterion "Smart management" from 2006 to 2016.

низкой привлекательности округа для жизнедеятельности. Также заметно сократились показатели функционирования транспортной отрасли: пассажирооборот транспорта общего пользования снизился на 14,2 %, грузооборот автомобильного транспорта – на 28,8 %.

В связи с расширением сферы ИТ-услуг и усилением процесса информатизации, в целом, использование сети «Интернет» в организациях городского округа увеличилось по сравнению с 2006 г. на 47,5 %. Также выросло число ПК, приходящихся на 100 работников, – с 10 до 67 (570 %). Появились камеры, фиксирующие нарушения правил дорожного движения (11 стационарных и 3 передвижных). Однако, так как подобную тенденцию можно проследить практически во всех городах страны (даже депрессивных моногородах), фактор информатизации не позволяет адекватно вы-

явить повышение ИТ-мобильности Беловского городского округа.

Следует отметить, что к 2016 г. значения всех показателей, позволяющих оценить состояние окружающей среды Беловского городского округа, сократились в худшую сторону. Затраты на охрану окружающей среды сократились с 273,4 до 184 тыс. руб. (32,7 %).

За 10 лет произошло сокращение предприятий по утилизации и переработке бытовых и промышленных отходов с 3 до 1, а также количества специализированных технических средств, используемых для уборки территорий и вывоза бытовых отходов, – с 96 до 66.

К 2016 г. сократилось количество водопроводов с 20 до 15, что обусловило снижение их производственной мощности с 49,0 до 39,4 тыс. м³/сутки. Также наблюдается тенденция к сокращению источников теплоснаб-

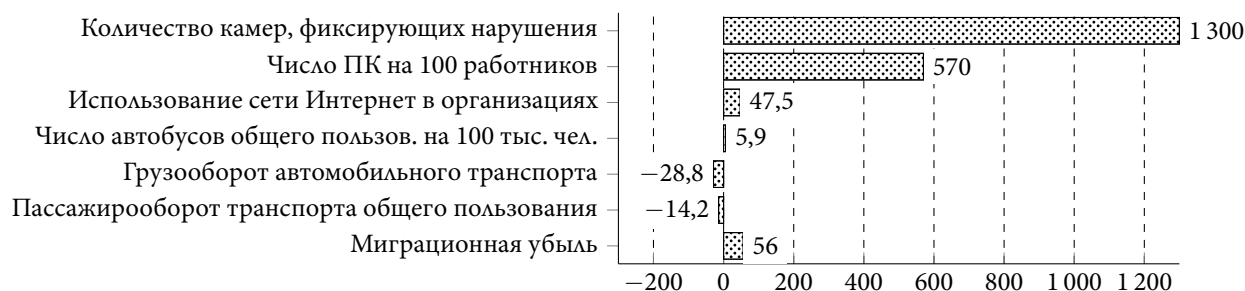

Рисунок 9 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умная мобильность» с 2006 по 2016 гг.

Figure 9 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according to the criterion "Smart mobility" from 2006 to 2016.

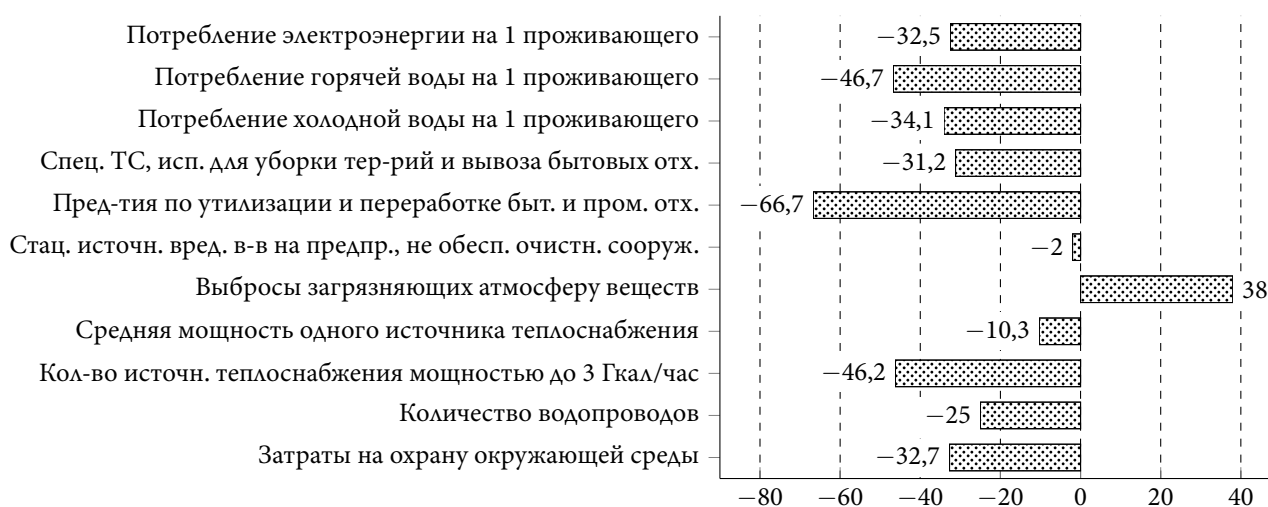

Рисунок 10 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умная среда» с 2006 по 2016 гг.

Figure 10 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according to the criterion "Smart environment" from 2006 to 2016.

Рисунок 11 – Процентное изменение показателей оценки Беловского городского округа по критерию «Умная жизнедеятельность» с 2006 по 2016 гг.

Figure 11 – Percentage change in indicators for assessing the Belovsky urban district according to the criterion "Smart living" from 2006 to 2016.

жения мощностью до 3 Гкал/час – с 2006 по 2016 гг. их количество сократилось с 13 до 7. Мощность одного такого источника уменьшилась к 2016 г. на 2,87 Гкал/час и составила 25,02 Гкал/час. Сложившаяся ситуация является ограничением для развития и появления нового бизнеса в городе, что в свою очередь повлияет на снижение показателей оценки критерия «Умная экономика».

За рассматриваемый период в Беловском городском округе сократилось потребление основных видов энергоресурсов в многоквартирных домах в расчете на 1 жильца: электроэнергии – на 32,5 %, горячей воды – на 46,7 %, холодной воды – на 34,1 %. Это свидетельствует об экономии энергоресурсов округа, обусловленное в частности внедрением квартирных приборов учета (счетчиков).

К 2016 г. произошло сокращение объектов культуры и проведения досуга Беловского городского округа: количество кинотеатров и киноустановок сократилось с 10 до 3 (70,0 %), библиотек – с 16 до 14 (12,5 %), музеев – с 2 до 1 (50 %).

Показатели оценки здравоохранения населения городского округа также остаются неудовлетворительными. С 2006 по 2016 гг. увеличилось количество выявленных больных ВИЧ-инфекцией с 45 до 2 174 чел. (4 731,1 %). Данная проблема является одной из наиболее

острых в развитии городского округа. В связи с нестабильной экологической обстановкой число зарегистрированных лиц с выявленными злокачественными образованиями увеличилось на 409 и составило 3 048 чел. С 498 до 432 сократилось количество врачей всех специальностей, а также число больничных коек в самостоятельных больничных учреждениях – с 1 273 до 935.

Положительной тенденцией в развитии жизнедеятельности населения Беловского городского округа является сокращение количества зарегистрированных преступлений – с 3 273 до 2 773 (15,3 %).

Также положительная тенденция отмечается в проведении в городском округе жилищной политики, направленной на увеличение жилой площади и переселение семей из ветхого жилья. Так, за 2006–2016 гг. введение квартир в эксплуатацию выросло с 36 до 40,2 тыс. м², а количество переселенных из ветхих и аварийных домов – с 43 до 183 чел. (325,6 %). Объем выполненных работ по благоустройству территории городского округа в денежном выражении увеличился в 2 раза – с 108,0 до 246,2 млн руб.

Несмотря на отрицательные факторы, присутствующие на данный момент в развитии, городской округ имеет все возможности соответствовать концепции «Умный город».

С 2017 по 2022 гг. в Беловском городском округе реализуется программа по формированию комфортной городской среды. В 2017 г. на данную программу были выделены средства в размере 10 млн руб., а в 2018 г. планировалось выделить 89 млн руб., которые будут направлены на 2 направления: общественное пространство (78 млн руб.) и дворовые территории (11 млн руб.). В целом, наиболее ожидаемый результат от реализации программы – повышение качества городской среды – позволит не только улучшить параметры качества жизни населения, но и повысить конкурентоспособность городского округа и сделать его привлекательным для осуществления деятельности.

Система показателей, предложенная автором для оценки «умного» города, позволяет анализировать тенденции городского развития в ретроспективе и, соответственно, выделять его основные проблемы по показателям. Однако наиболее полезный эффект от использования такой системы может быть достигнут при внедрении метода оценки с помощью интегрального индекса, позволяющего обобщить необходимую информацию и придать ей более наглядный характер. Кроме того, применение интегрального индекса при анализе показателей оценки «умного» города позволяет значительно упростить и ускорить процесс принятия решений по выявленным «проблемам».

Интегральный индекс позволяет переводить любой показатель оценки в коэффициент, значение которого находится в интервале от 0 до 1:

$$I_x = \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}, \quad (1)$$

где x – фактическое значение анализируемого показателя за определенный год; $\min(x)$ – минимальное значение показателя x за анализируемый период; $\max(x)$ – максимальное значение показателя x за анализируемый период.

Для показателей, в отношении которых положительная динамика не является свидетельством развития города (к примеру, количество выявленных больных ВИЧ-инфекцией, уровень безработицы и т. п.), следует применять

формулу, обратную (1):

$$I_{x\text{обр}} = 1 - \frac{x - \min(x)}{\max(x) - \min(x)}. \quad (2)$$

Таким образом, сформируем 6 индексов «умного» города: «Умная экономика», «Умное управление», «Умная среда», «Умные люди», «Умная мобильность», «Умная жизнедеятельность». Каждый из предложенных индексов «умного» города будет определяться путём расчета средней геометрической стандартизованных показателей 2006, 2011 и 2016 гг., включенных в его состав (3):

$$X = \sqrt[n]{X_1 \cdot X_2 \cdot \dots \cdot X_n}, \quad (3)$$

где n – число вариантов.

Результаты расчетов 6 индексов «умного» города за выбранные периоды представлены на рис. 12.

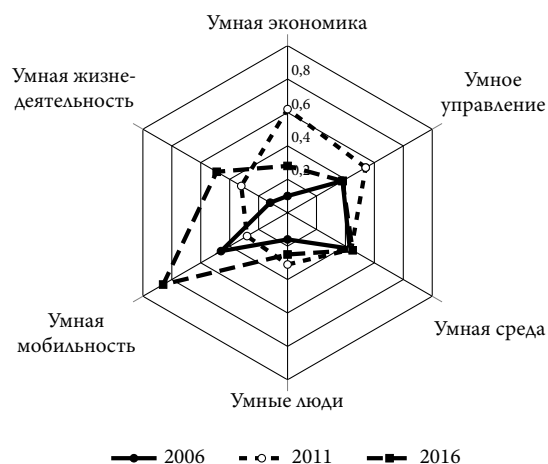

Рисунок 12 – Индексы Беловского городского округа по критериям «умного» города за 2006, 2011 и 2016 гг.

Figure 12 – Indices of the Belovsky urban district according to the criteria of a smart city for 2006, 2011 and 2016.

Полученные результаты позволяют прийти к выводу, что наиболее устойчивое развитие Беловского городского округа по критериям «Умная экономика», «Умное управление» и «Умные люди» было достигнуто в период с 2006 до 2011 гг., поскольку осуществлялся ряд комплексных мероприятий по стабилизации экономики, повышению качества окружающей среды и качества жизни местного населения. Также данный этап был ознаменован качественной работой местных органов

власти и мотивацией городского населения к общественному участию в жизни городского округа.

С 2011 г. по настоящее время наблюдается деградация окружающей среды, обусловленная экологическими проблемами и состоянием фондов жилищно-коммунального хозяйства, а также явное сокращение интеллектуального капитала Беловского городского округа. Наибольшие успехи в развитии округа на данный момент достигнуты только во внедрении ИТ-технологий и навигационных систем.

Заключение

По результатам группировки существующих концептуальных подходов к определению «умного» города, автором исследования были выделены расхождения и недостатки, что привело к необходимости систематизации знаний о «умном» городе и формулировании универсального определения. Так, автором было предложено определение «умного» города как сложной организационной системы для развития человеческого потенциала в рамках создания экологически, социально-экономически и информационно-технологически безопасной среды обитания.

Любая сложная организационная система должна быть управляемой и прогнозируемой, что делается возможным только при наличии адекватных методик оценки реального состояния. В рамках этого в работе был проведен анализ преимуществ и недостатков существующих методик оценки города по критериям «умного» города, таких как европейский рейтинг городов Европы, с населением до 500 тыс. чел., методика оценки Научно-исследовательского института технологий и связи, методика Н. Н. Яроша, методика Н. С. Данакина.

Общим преимуществом всех рассмотренных методик является универсальность применения для любого экономически развитого города с численностью от 100 до 600 тыс. человек. В каждой методике определены критерии, количественные и качественные показатели основных сфер общественной жизни: социальной, политической, экономической и культурной – для оценки «умного» города.

Основным недостатком всех методик оценки «умного» города является трудоемкость

анализа, отсутствие статистической информации по городам России и универсальной единицы измерения, что усложняет расчет конечного результата и ранжировании городов по предложенным показателям. Проанализированные методики не позволяют выявить причинно-следственные связи «провалов» в развитии города, определить тенденции развития и спрогнозировать развитие города по критериям «умного» города. Тем самым возрастает необходимость пересмотра методики оценки «умных» городов, которая позволила бы выявить наиболее актуальные проблемы развития города и выработать эффективные методы их решения.

Автором была предложена интегральная методика оценки городов по критериям «умного» города. В основе предложенной методики оценки лежат 6 критериев Европейской системы ранжирования городов, оценка которых производилась по 63 показателям, которые статистически доступны в Российской Федерации. По каждому критерию рассчитывается интегральный индекс, позволяющий обобщить необходимую информацию и придать ей более наглядный характер. Так, были рассчитаны 6 индексов «умного» города: «Умная экономика», «Умное управление», «Умная среда», «Умные люди», «Умная мобильность», «Умная жизнедеятельность», – которые были определены путём расчета средней геометрической стандартизированных показателей 2006, 2011 и 2016 года.

Предложенная автором интегральная методика оценки «умного» города позволяет анализировать тенденции городского развития в ретроспективе и выявлять основные проблемы по показателям развития. Внедрение интегрального индекса при анализе показателей оценки «умного» города позволяет значительно упростить и ускорить процесс принятия решений по выявленным «провалам».

Результаты, полученные в ходе апробации предложенной автором методики, позволят сравнивать города, различные по численности населения, выявлять «провалы» и факторы, способствующие дифференциации городов по критериям «умного» города.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аргунова М.В. (2016). Модель «Умного» города как проявление нового технологического уклада // Наука и школа. № 3. С. 14–23.
2. Берваль А.В., Елохова Т.А. (2015). Развитие способов управления с применением «умных» технологий в регионе (на примере сферы дорожного и жилищно-коммунального хозяйства города Казани) // Известия КГАСУ. № 3 (33). С. 196–202.
3. Вайда А. (2015). PlanIT Valley – первый экологический город Европы // Экологический дайджест FacePla.net. URL: <http://www.facepla.net/index.php/the-news/804-planit-valley-eco-city>.
4. Глазычев В.Л. (2012). Политическая экономика города : Учебное пособие / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Сер. «Образовательные инновации». М. : Изд-во «Дело». 189 с.
5. Глебова И.С., Ясницкая Я.С. (2014). Возможности реализации концепции «умного города»: практика российских городов // Экономика и предпринимательство. № 4. С. 18–23.
6. Городничев С.В., Федорова Ю.А., Шишкина Н.С. (2015). Умный город: от идеи к воплощению // Вестник Тульского филиала Финуниверситета. Социально-экономическое развитие региона: теория и практика. Тула : Издательство ТулГУ. С. 111–113.
7. Данакин Н.С. (2012). Концептуальная модель «Умного города» // Управление городом: теория и практика. № 1 (4). С. 19–27.
8. Дрожжинов В. (2015). «Умный город» и принципы его создания // Экономическая политика. Экспертный канал. URL: <http://ecpol.ru/component/content/article.html?id=946>.
9. Кишеева А.И. (2017). Концепции «Городов будущего» как пути решения проблем урбанизированных городов // Новые идеи нового века. № 1. С. 127–128.
10. Куприяновский В.П., Буланча С.А., Конов В.В., Черных К.Ю., Намиот Д.Е., Добрынин А.П. (2016). Умные города как «столицы» цифровой экономики // International Journal of Open Information Technologies. № 2. С. 41–52.
11. Мизрахи М.В. (2013). «Умный город»: эволюция концепта. Инициативы городских сообществ в развитии города // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Т. 24 (65). № 3. С. 217–219.
12. Намиот Д.Е. (2016). Умные города // International Journal of Open Information Technologies. № 4. С. 1–2.
13. Шнепс-Шнеппе М.А. (2016). Как строить умный город. Часть 2. Проект «Smart Cities and Communities» в Программе ЕС Horizon 2020 // International Journal of Open Information Technologies. № 1. С. 12–19.
14. Ярош Н.Н. (2013). Городское хозяйство: от «города солнца» к «умному городу» // Экономический журнал. № 2 (30). С. 72–88.
15. Alderete M.V. (2020). Exploring the Smart City Index and the Role of Macro Factors for Measuring Cities Smartness, Social indicators research, vol. 147, no. 2, pp. 567–589. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11205-019-02168-y>.
16. Bina O., Inch A., Pereira L. (2020). Beyond techno-utopia and its discontents: On the role of utopianism and speculative in shaping alternatives to the smart city imaginary, Futures, vol. 115. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328719303374?via%3Dihub>.
17. Breslow H. (2020). The smart city and the containment of informality: The case of Dubai, *Urban Studies*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0042098020903233>.
18. Carvalho L. (2015). Smart cities from scratch? A socio-technical perspective, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 43–60.
19. Colding J., Colding M., Barthel S. (2020). The smart city model: A new panacea for urban sustainability or unmanageable complexity? *Environment and planning B-Urban analytics and city science*, vol. 47, no. 1, pp. 179–187.
20. Cubbe G. (2020). Smart politics The political dimension of “smartness”, *Smart Society: A Sociological Perspective on Smart Living*, pp. 13–29.
21. Deveci M., Pekaslan D., Canitez F. (2020). The assessment of smart city projects using zSlice type-2 fuzzy sets based Interval Agreement Method, *Sustainable cities and society*, vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2210670719323820?via%3Dihub>.
22. Du P., Jacques C. (2020). Smart World Cities in the 21st Century, *Journal of the association for information science and technology*, vol. 71, no. 2, pp. 243–244. URL: <https://asistdl.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/asi.24225>.
23. Edvinsson L. (2006). Aspects on the city as a

knowledge tool, *Journal of Knowledge Management*, vol. 10, no. 5, pp. 6–13.

24. Ergazakis K., Metaxiotis K., Psarras J., and Askounis D. (2006). A unified methodological approach for the development of knowledge cities, *Journal of Knowledge Management*, vol. 10, no. 5, pp. 65–78.

25. Florida R. (2002). The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York, Perseus Book Group.

26. Janette Sadik-Khan, Seth Solomonow. (2017). Битва за города. Как изменить наши улицы. Революционные идеи в градостроении. Перевод на русский язык. М.: Издательство «Олимп-Бизнес». 666 с.

27. Hollands R.G. (2015). Critical interventions into the corporate smart city, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 61–77.

28. Kitchin R. (2015). Making sense of smart cities: addressing present shortcomings, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 131–136.

29. Kuecker G.D., Hartley K. (2020). How Smart Cities Became the Urban Norm: Power and Knowledge in New Songdo City, *Annals of the American association of Geographers*, vol. 110, no. 2, pp. 516–524.

30. Rabari Ch., Storper M. (2015). The digital skin of cities: urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 27–42.

31. Przywoiska J., Podgorniak-Krzykacz A. (2020). A Comprehensive Approach: Inclusive, Smart and Green Urban Development, *Problemy Ekorozwoju*, vol. 15, no. 1, pp. 149–160.

32. Sharifi A. A typology of smart city assessment tools and indicator sets, *Sustainable cities and society*, vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2210670719314404?via%3Dihub>.

33. Shelton T., Zook M., Wiig A. (2015). The «actually existing smart city», *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 13–25.

34. Sussman G. The Smart City in a Digital World, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 44, no. 1, pp. 176–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/1468-2427.12883>.

35. Tomor Z. Citizens in the Smart City: What Is Actually Happening? An In-Depth Case Study From Utrecht, the Netherlands, *International Journal of Public Administration in the Digital Age*, vol. 7, no. 1, p. 116. URL: <https://www.igi-global.com/gateway/article/247945>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Антонова Анна Владимировна – кандидат экономических наук; Кемеровский государственный университет (650000, Россия, Кемерово, ул. Красная, 6); antonova_av@bk.ru.

DEVELOPMENT OF THE CITY ASSESSMENT TECHNIQUE BY THE CRITERIA OF A “SMART” CITY

A.V. Antonova^{11a}

^aKemerovo State University

ABSTRACT:

Currently, the phrase “smart city” is applied to the essence of the city very often — this is the reaction of society, which has realized the importance of the quality of urban capital, through the evaluation of indicators of productivity, communication density, “mobility” and “flexibility” of the city. The pluralism of approaches to definition of a “smart city” remains the main problem, why it is difficult to apply the phrase “smart city” to the concept and characteristics of cities, which has led to the lack of an adequate methodology for measuring the “smartness” of the city and, as a result, the impossibility of high-quality and timely decision-making of city management.

The method of comparison and grouping is used to analyze approaches to the definition of a “smart” city. As a result, the main shortcomings of approaches to the definition are identified and the author's

¹¹ORCID: 0000-0003-3338-0831

approach to the definition of a “smart” city as a complex organizational system for human development in the framework of creating an environmentally, socio-economically and information-technologically safe environment is formulated. Also, a comparative analysis of the advantages and disadvantages of existing methods for evaluating the city according to the criteria of a “smart” city was conducted, as a result of which the author proved the need to revise the methods, which will identify the most pressing problems of city development and develop effective methods for solving them.

The author proposed and tested an integral approach to the assessment of a “smart” city, which allows analyzing trends in urban development in retrospect. The proposed assessment methodology is based on 6 smart city criteria, which are evaluated based on 63 indicators that are statistically available in the Russian Federation. The results obtained during the testing of the proposed methodology will allow comparing cities with different populations, identifying “gaps” and factors that contribute to the differentiation of cities according to the criteria of a “smart” city.

KEYWORDS: indices, criteria of a “smart” city, integral code, integral assessment technique.

FOR CITATION: Antonova A.V. (2020). Development of the city assessment technique by the criteria of a “smart” city, *Management Issues*, no. 6, pp. 122–141.

REFERENCES

1. Argunova M.V. (2016). Model of “Smart” city as a manifestation of a new technological order, *Science and school*, no. 3, pp. 14–23.
2. Berval A.V., Elokhova T.A. (2015). Development of management methods with the use of “smart” technologies in the region (on the example of the sphere of road and housing and communal services of the city of Kazan), *Izvestia KGASU*, no. 3 (33), pp. 196–202.
3. Waida A. (2015). PlanIT Valley is the first eco-city in Europe, *FacePla.net Environmental Digest*. URL: <http://www.facepla.net/index.php/the-news/804-planit-valley-eco-city>.
4. Glazychev V.L. (2012). Political Economy of the City. Textbook. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. Ser. “Educational innovation”. Moscow, Publishing house “Delo”, 189 p.
5. Glebova I.S., Yasnitskaya Y.S. (2014). Possibilities of implementing the concept of “smart city”: the practice of Russian cities, *Economics and Entrepreneurship*, no. 4, pp. 18–23.
6. Gorodnichev S.V., Fedorova Yu.A., Shishkina N.S. (2015). Smart city: from idea to implementation, *Bulletin of the Tula branch of the Financial University. Socio-economic development of the region: theory and practice*. Tula, Publishing house of TulSU, pp. 111–113.
7. Danakin N.S. (2012). Conceptual model of “Smart city”, *City management: theory and practice*, no. 1 (4), pp. 19–27.
8. Drozhzhinov V. (2015). “Smart city” and principles of its creation, *Economic policy. Expert channel*. URL: <http://ecpol.ru/component/content/article.html?id=946>.
9. Kisheeva A.I. (2017). The concept of “Cities of the future” as a way to solve the problems of urbanized cities, *New ideas of the new century*, no. 1, pp. 127–128.
10. Kupriyanovskiy V.P., Bulancha S.A., Kononov V.V., Chernykh K.Yu., Namiot D.E., Dobrynin A.P. (2016). Smart cities as “capitals” of the digital economy, *International Journal of Open Information Technologies*, no. 2, pp. 41–52.
11. Mizrahi M.V. (2013). “Smart City”: Concept Evolution. Initiatives of urban communities in the development of the city, *Scientific notes of the Tavricheskiy national university named after V.I. Vernadsky. Series “Philosophy. Culturology. Political science. Sociology”*, vol. 24 (65), no. 3, pp. 217–219.
12. Namiot D.E. (2016). Smart cities, *International Journal of Open Information Technologies*, no. 4, pp. 1–2.
13. Shneps-Shneppe M.A. (2016). How to build a smart city. Part 2. Project “Smart Cities and Communities” in the EU Horizon 2020 Program, *International Journal of Open Information Technologies*, no. 1, pp. 12–19.
14. Yarosh N.N. (2013). Urban economy: from the “city of the sun” to the “smart city”, *Economic Journal*, no. 2 (30), pp. 72–88.
15. Alderete M.V. (2020). Exploring the Smart City Index and the Role of Macro Factors for Measuring Cities Smartness, Social indicators research, vol. 147, no. 2, pp. 567–589. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007%2Fs11205-019-02168-y>.

16. Bina O., Inch A., Pereira L. (2020). Beyond techno-utopia and its discontents: On the role of utopianism and speculative in shaping alternatives to the smart city imaginary, *Futures*, vol. 115. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0016328719303374?via%3Dihub>.
17. Breslow H. (2020). The smart city and the containment of informality: The case of Dubai, *Urban Studies*. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/0042098020903233>.
18. Carvalho L. (2015). Smart cities from scratch? A socio-technical perspective, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 43–60.
19. Colding J., Colding M., Barthel S. (2020). The smart city model: A new panacea for urban sustainability or unmanageable complexity? *Environment and planning B-Urban analytics and city science*, vol. 47, no. 1, pp. 179–187.
20. Cubbe G. (2020). Smart politics The political dimension of “smartness”, *Smart Society: A Sociological Perspective on Smart Living*, pp. 13–29.
21. Deveci M., Pekaslan D., Canitez F. (2020). The assessment of smart city projects using zSlice type-2 fuzzy sets based Interval Agreement Method, *Sustainable cities and society*, vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2210670719323820?via%3Dihub>.
22. Du P., Jacques C. (2020). Smart World Cities in the 21st Century, *Journal of the association for information science and technology*, vol. 71, no. 2, pp. 243–244. URL: <https://asistdl.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/asi.24225>.
23. Edvinsson L. (2006). Aspects on the city as a knowledge tool, *Journal of Knowledge Management*, vol. 10, no. 5, pp. 6–13.
24. Ergazakis K., Metaxiotis K., Psarras J., and Askounis D. (2006). A unified methodological approach for the development of knowledge cities, *Journal of Knowledge Management*, vol. 10, no. 5, pp. 65–78.
25. Florida R. (2002). The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York, Perseus Book Group.
26. Janette Sadik-Khan, Seth Solomonow. (2017). Battle for the cities. How to change our streets. Revolutionary ideas in urban planning. Moscow, Publishing house “Olymp-Business, 666 p.
27. Hollands R.G. (2015). Critical interventions into the corporate smart city, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 61–77.
28. Kitchin R. (2015). Making sense of smart cities: addressing present shortcomings, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 131–136.
29. Kuecker G.D., Hartley K. (2020). How Smart Cities Became the Urban Norm: Power and Knowledge in New Songdo City, *Annals of the American association of Geographers*, vol. 110, no. 2, pp. 516–524.
30. Rabari Ch., Storper M. (2015). The digital skin of cities: urban theory and research in the age of the sensed and metered city, ubiquitous computing and big data, *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 27–42.
31. Przywojska J., Podgorniak-Krzykacz A. (2020). A Comprehensive Approach: Inclusive, Smart and Green Urban Development, *Problemy Ekorozwoju*, vol. 15, no. 1, pp. 149–160.
32. Sharifi A. A typology of smart city assessment tools and indicator sets, *Sustainable cities and society*, vol. 53. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2210670719314404?via%3Dihub>.
33. Shelton T., Zook M., Wiig A. (2015). The «actually existing smart city», *Cambridge J. of Regions, Economy and Society*, vol. 8, no. 1, pp. 13–25.
34. Sussman G. The Smart City in a Digital World, *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 44, no. 1, pp. 176–178. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdfdirect/10.1111/1468-2427.12883>.
35. Tomor Z. Citizens in the Smart City: What Is Actually Happening? An In-Depth Case Study From Utrecht, the Netherlands, *International Journal of Public Administration in the Digital Age*, vol. 7, no. 1, p. 116. URL: <https://www.igi-global.com/gateway/article/247945>.

AUTHORS' INFORMATION:

Anna V. Antonova – Ph.D. of Economic Sciences; Kemerovo State University (6, Krasnaya St., Kemerovo, 650000, Russia); antonova_av@bk.ru.

ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПРАРОДИТЕЛЬСТВА В РОССИИ: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ И ВОЗМОЖНОСТИ УПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»

О.М. Шубат^{1а}, А.П. Багирова^{2а}

^аУральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина

АННОТАЦИЯ:

На фоне развития зарубежной демографии прародительства и внимания органов государственного управления к проблемам старшего поколения актуализируется вопрос совершенствования информационно-аналитической базы решений, принимаемых в этой сфере. Цель исследования – разработка и реализация методики оценки продолжительности прародительства в России на основе доступных и надежных информационно-статистических ресурсов. Нами предложены следующие методические подходы: дифференциация оценок прародительства для мужчин и женщин, оценка возраста вступления в прародительство как суммы двух средних возрастов матерей (отцов) при рождении ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения женщин (мужчин), использование совокупности источников для оценки средних возрастов женщин и мужчин при рождении первых детей. Результаты нашего исследования таковы:

1) за 2007–2016 гг. средняя по стране продолжительность прародительства бабушек выросла с 26,7 до 28,8 лет, дедушек – с 9,5 до 13,4 лет;

2) продолжительность прародительства бабушек заметно выше аналогичного показателя у дедушек;

3) увеличение продолжительности прародительства у дедушек происходит более быстрыми темпами, с течением времени происходит сближение продолжительности прародительства бабушек и дедушек.

Федеральный проект «Старшее поколение» национального проекта «Демография», реализация которого в нашей стране началась с 2019 г. и будет продолжаться до конца 2024 г., направленный на повышение продолжительности здоровой жизни, будет способствовать повышению продолжительности и (здорового) прародительства. Решение заложенных в нем задач должно повлечь за собой и усиление тех эффектов, которые приносит вовлеченность прародителей в жизнь своих внуков. Нами предложены возможности включения в уже предусмотренные федеральным проектом мероприятия таких составляющих, которые бы одновременно «работали» на улучшение качественных характеристик прародительства, на повышение интенсивности и активизацию прародительского труда.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00280.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: прародительство, продолжительность прародительства, бабушки, дедушки, демография прародительства, старшее поколение, национальный проект.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шубат О.М., Багирова А.П. (2020). Продолжительность прародительства в России: статистические оценки и возможности управления в рамках национального проекта «Демография» // Вопросы управления. № 6. С. 142–155.

¹AuthorID РИНЦ: 616590, ORCID: 0000-0002-0929-8144, ScopusID: 55361508300, ResearcherID: M-7443-2013

²AuthorID РИНЦ: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013

Введение

Сегодня ученые, практики, представители власти все чаще обращаются к проблемам старшего поколения. Эти тенденции заметны как в России, так и в зарубежных развитых странах. Специалистами изучаются и разрабатываются механизмы активизации старшего поколения и повышения их вовлеченности в разные сферы – рынок труда, образование, физическая культура, волонтерство, прародительство и т.д. Современное прародительство все отчетливее приобретает черты социального института. Оно может выполнять регулятивную, интегративную функции, функцию социализации членов общества; прародительство имеет определенный набор социальных норм, статусов, ролей, систему ценностей; есть даже единичные случаи создания организаций, в рамках которых происходит обучение прародителей (школы внуководения, школы бабушек и дедушек и т.д.)³.

Внимание систем государственного управления различных стран к населению третьего возраста также неслучайно – оно играет важную роль в политике, может способствовать решению важнейших социальных и экономических проблем общества. Одной из групп социальных проблем, потенциал смягчения которых заложен в активизации старшего поколения, является демографическая проблематика. В последнее десятилетие это привело даже к появлению в зарубежной науке специального направления – демографии прародительства [1; 2]. Несмотря на ее относительную молодость, в этом направлении разработана целая система показателей, которые используются для выявления тенденций развития феномена прародительства в различных экономически развитых странах (табл. 1).

По мнению R. Margolis и A.M. Verdery, показатель продолжительности прародительства является наименее разработанным из числа других показателей демографии прародительства. В то же время, он может быть наиболее значим в случае рассмотрения, например, вопросов, связанных с мультипоколенческими эффектами и межпоколенческими трансфертами [3]. Charman с коллегами также обосно-

Таблица 1 – Ключевые показатели зарубежной демографии прародительства

Table 1 – Key indicators of foreign demography of grandparenthood

Ученые	Предлагаемые показатели
R. Margolis и A.M. Verdery [3]	Доля прародителей в населении; возраст вступления в прародительство; продолжительность прародительства; число внуков.
T. Leopold и J. Skopek [4]	Возраст вступления в прародительство; демографическое наложение роли прародителя с ролями родителя, работника, ребенка; ожидаемая продолжительность прародительской стадии жизни.
R. Margolis и L. Wright [5]	Продолжительность здорового прародительства; доля лет прародительства, в течении которых прародители здоровы.

вывают необходимость изучения продолжительности общего периода жизни прародителей и внуков влиянием этого показателя на межпоколенческие трансферты [6] – вероятно, речь может идти о влиянии на само наличие этих трансфертов, их содержание и формы. Эффекты, возникающие от взаимодействия между прародителями и внуками, также зависят от продолжительности общего периода их жизни.

Основные тенденции, влияющие на динамику продолжительности прародительства – снижение рождаемости, рост продолжительности жизни, снижение детской смертности – все те тренды, которые традиционно характеризуют процессы демографического перехода и индустриализации. В свою очередь, каждая из этих тенденций обусловлена целой системой факторов. Среди группы демографических факторов исследователи выделяют возраст вступления в брак, возраст матери и отца при рождении детей, возраст вступления в прародительство и т.д.

Проведенный нами анализ зарубежных исследований, в которых изучалась продолжительность прародительства, позволил выделить ряд методических подходов к ее оценке.

Один из них был реализован в уникальном по источникам информации исследовании, которое было проведено в Финляндии [6]. Продолжительность совместного пе-

³См., например: Mosgorzdrav.ru. Проект для дедушек и бабушек, которые помогают внукам делать уроки. URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/school-program.html>.

риода жизни прародителей и внуков оценивалась авторами на основе записей церковных книг Лютеранской церкви. В фокус исследования попали люди, родившиеся между 1790 и 1959 годами, для которых были известны личности обеих бабушек и в большинстве случаев дедушек. Для оценки продолжительности прародительства использовались десятилетние интервалы годов рождений – так были выделены возрастные когорты внуков.

На основе столь детальных источников финские ученые рассчитывали целую совокупность показателей продолжительности прародительства:

1) продолжительность прародительства с точки зрения внуков – определялась как количество лет, которые внук делил с тем прародителем, который прожил дольше;

2) продолжительность прародительства с точки зрения прародителя – определялась как количество лет, в течение которых у прародителя был хотя бы один внук, пока сам прародитель был жив;

3) число лет прародительства – сумма всех годов, в течение которых бабушка была жива и имела по крайней мере одного внука, независимо от того, сколько внуков были живы в то время (например, год, в котором у бабушки были живы два внука, считался только как один год прародительства);

4) кумулятивное число лет прародительства – суммарная продолжительность прародительства с учетом всех внуков (год, в котором была два внука, считался как два года).

Финское исследование является единственным в своем роде примером оценки динамики показателей продолжительности прародительства, сделанной по данным текущего учета населения. Другие исследователи прародительства предлагают использовать данные выборочных обследований населения и агрегированные статистические данные. В них используются следующие методики оценки продолжительности прародительства:

1) разница между ожидаемой продолжительностью жизни и возрастом начала прародительства. Такая методика была реализована на примере 25 стран (24 европейские и США) [4] на данных четырех различных социологических панелей, проведенных в этих странах

в разные годы периода с 2001 по 2010 гг. Для оценки продолжительности прародительства в каждой стране из показателей ВОЗ за 2000 г. о продолжительности жизни вычитался медианный показатель возраста прародителя при появлении у него первого внука. Основное ограничение такого подхода связано с тем, что ожидаемая продолжительность жизни в оценках ВОЗ считается по всему населению, а не только по той его части, для которой определяется возраст начала прародительства;

2) оценка для условных когорт ожидаемой продолжительности прародительства по данным одного временного среза и данным о продолжительности здоровой жизни [5; 7; 8]. Так, используя метод Салливана, предполагающий расчет числа лет пребывания в определенном состоянии на основе таблиц смертности, в Канаде была оценена динамика продолжительности прародительства за 26-летний период (с 1985 по 2011 гг.) [7], в Америке – продолжительность оставшихся лет биологического и приемного прародительства для населения в возрасте старше 35 лет [8]. Понимая продолжительность здорового прародительства как число лет, в течении которых гипотетическая когорта населения могла бы прожить, если бы входящие в нее индивиды на протяжении всего расчетного периода сохраняли те же статусы здоровья и прародительства, которые у них были в базовый год, в Канаде и США была оценена динамика этого показателя за 18 (США) и 26 (Канада) лет [5];

3) оценка с помощью методов микромоделирования (*microsimulation*). Данный метод предполагает расчет продолжительности прародительства на основе оценки вероятности различных связанных с ним демографических событий (деторождение, брак, развод, повторный брак и смерть) [3]. На основе моделирования изучалась, например, продолжительность прародительства в США для когорт населения, родившихся в 1880–1960 гг., в этом же исследовании проводился анализ конвергенции продолжительности прародительства в различных гендерных и расовых группах.

В России, несмотря на чрезвычайную актуальность и востребованность, масштабные демографо-статистические обследования прародительства не проводятся. Вместе с тем, ре-

зультаты таких обследований могли бы существенно усилить информационно-аналитическую базу принимаемых в сфере демографии решений – тех усилий государства, которые направлены на стимулирование рождаемости, поддержку семьи, улучшение качества жизни старшего поколения. Учитывая это, целью нашего исследования является разработка и реализация методики оценки продолжительности прародительства в России на основе доступных и надежных информационно-статистических ресурсов.

Методические вопросы исследования

Российская официальная статистика не располагает данными о продолжительности прародительства – такого рода информация не собирается ни в процессе текущего учета населения, ни в ходе специализированных выборочных статистических наблюдений. Учитывая это обстоятельство, нами была разработана собственная методика получения оценок продолжительности прародительства в России. Отметим ее основные особенности.

1. Дифференцированные оценки продолжительности прародительства для мужчин и женщин. Действительно, в России исторически наблюдается существенная разница в продолжительности жизни этих групп населения. Начиная с 2005 г., эта разница сокращается, однако до сих пор составляет более 10 лет (рис. 1). Очевидно, что обобщенные оценки продолжительности прародительства для всего населения будут довольно условными и достаточно грубыми.

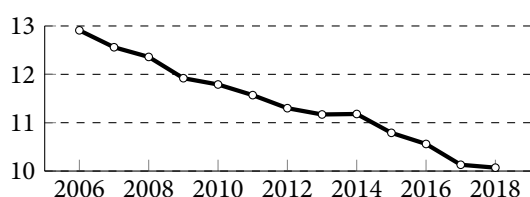

Рисунок 1 – Разница в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России (рассчитано и построено по Российскому статистическому ежегоднику)⁴

Figure 1 – Difference in life expectancy of men and women in Russia (calculated and constructed according to the Russian Statistical Yearbook)

⁴Российский статистический ежегодник 2019 (Приложение). Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396>.

⁵Коллекция показателей из Ежегодного демографического доклада «Население России». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/edd/edd_tab.php.

2. Методический подход к оценке продолжительности прародительства на основе сопоставления ожидаемой продолжительности жизни и возраста вступления в прародительство (1):

$$\boxed{\text{продолжительность прародительства}} = \boxed{\text{ожидаемая продолжительность жизни}} - \boxed{\text{возраст вступления в прародительство}} \quad (1)$$

Выбор именно этого подхода был обусловлен имеющимися в отечественной демографической статистике источниками данных.

Предлагаемый к использованию в разрабатываемом методическом подходе показатель ожидаемой продолжительности жизни – стандартный демографический показатель, аккумулируемый отечественной статистикой на регулярной основе и ежегодно публикуемый в официальных сборниках Росстата⁴.

3. Оценка возраста вступления в прародительство женщин как суммы двух показателей: среднего возраста матери при рождении у нее первого ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения женщин (2):

$$\boxed{\text{возраст вступления в прародительство женщин}} = \boxed{\text{средний возраст матери при рождении первого ребенка в текущем году}} + \boxed{\text{средний возраст матери при рождении первого ребенка у предыдущего поколения женщин}} \quad (2)$$

К примеру, в 2016 г. средний возраст матери при рождении первого ребенка составил 25,64 года. Аналогичный показатель для предыдущего поколения матерей (поколение 1990 г.: 2016 – 25,64 = 1990,36 ≈ 1990) составлял 22,65 лет⁵. Соответственно, в 2016 г. российские женщины становились бабушками в среднем в 25,64 + 22,65 = 48,29 лет.

4. Использование совокупности следующих источников информации для оценки средних возрастов матери при рождении первого ребенка:

- коллекция статистических данных, аккумулируемых Институтом демографии Наци-

онального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка на данном ресурсе получены на основе информации ежегодно публикуемого демографического доклада «Население России»⁵. Оценки, представленные в данном докладе, базируются на официальных данных Федеральной службы государственной статистики, министерств и ведомств Российской Федерации, международных организаций и национальных статистических служб зарубежных стран, собственных расчетных показателях, полученных с использованием этих данных, результатах специальных выборочных исследований, материалах научных публикаций. На сегодняшний день на данном ресурсе представлены данные до 2016 г. включительно;

– база статистических данных *The Human Fertility Database* – совместный проект Института демографических исследований им. Макса Планка (г. Росток, Германия) и Венского института демографии (г. Вена, Австрия). По Российской Федерации в базе представлены оценки среднего возраста матери при рождении первого ребенка до 2014 г. включительно⁶;

– итоги выборочного обследования репродуктивных планов населения, проводимых Росстатом в 2012 и 2017 гг.⁷ Данные о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка на данном ресурсе представлены в сгруппированном виде – по пятилетним периодам. В силу этого оценки возраста вступления в прародительство у женщин, полученные на основе таких данных, очевидно, будут характеризоваться невысоким уровнем точности. Тем не менее, такие оценки можно использовать для верификации оценок, полученных на основе более точных статистических данных.

5. Оценка возраста вступления в прародительство мужчин как суммы двух показателей: среднего возраста отца при рождении первого ребенка – в текущем году и у предыдущего поколения отцов (3).

Здесь следует отметить, что отечественная статистика не располагает данными о возрасте, когда среднестатистический мужчина

$$\begin{array}{|c|} \hline \text{возраст} \\ \text{вступления} \\ \text{в прароди-} \\ \text{тельство} \\ \text{мужчин} \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст} \\ \text{отца при} \\ \text{рождении} \\ \text{первого} \\ \text{ребенка в} \\ \text{текущем} \\ \text{году} \\ \hline \end{array} + \begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст} \\ \text{отца при} \\ \text{рождении} \\ \text{первого} \\ \text{ребенка у} \\ \text{предыдуще-} \\ \text{го поколе-} \\ \text{ния отцов} \\ \hline \end{array} \quad (3)$$

впервые становится отцом. Этот показатель, на наш взгляд, может быть получен на основе данных о среднем возрасте матери при рождении первого ребенка и среднем возрасте вступления в брак мужчин и женщин (4), (5):

$$\begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст} \\ \text{отца при} \\ \text{рождении} \\ \text{первого} \\ \text{ребенка} \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст} \\ \text{матери при} \\ \text{рождении} \\ \text{первого} \\ \text{ребенка} \\ \hline \end{array} + \begin{array}{|c|} \hline \text{разница в} \\ \text{возрасте} \\ \text{между муж-} \\ \text{чиной и жен-} \\ \text{щиной в се-} \\ \text{мейной паре} \\ \hline \end{array} \quad (4)$$

$$\begin{array}{|c|} \hline \text{разница в} \\ \text{возрасте} \\ \text{между муж-} \\ \text{чиной и жен-} \\ \text{щиной в се-} \\ \text{мейной паре} \\ \hline \end{array} = \begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст ре-} \\ \text{гистрации} \\ \text{брака у} \\ \text{мужчин} \\ \hline \end{array} - \begin{array}{|c|} \hline \text{средний} \\ \text{возраст ре-} \\ \text{гистрации} \\ \text{брака у} \\ \text{женщин} \\ \hline \end{array} \quad (5)$$

6. Использование совокупности следующих источников информации для оценки средних возрастов отцов при рождении первого ребенка:

– коллекция статистических данных, аккумулируемых Институтом демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»⁵. На сегодняшний день на данном ресурсе представлены данные до 2016 г. включительно;

– итоги выборочного обследования репродуктивных планов населения, проводимых Росстатом в 2012 и 2017 гг.⁷ Как и в случае с возрастом рождения первого ребенка, данные о среднем возрасте вступления в брак на данном ресурсе представлены в сгруппированном виде – по пятилетним периодам. В силу этого, оценки, полученные на основе таких данных, очевидно, будут характеризоваться невысоким уровнем точности.

⁶The Human Fertility Database. URL: <https://www.humanfertility.org/cgi-bin/main.php>.

⁷Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения (РПН-2017). URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html.

Таблица 2 – Исходные и расчетные показатели для оценки возраста вступления в прародительство и его продолжительности⁸

Table 2 – Initial and calculated indicators for assessing the age of entry into grandparenthood and its duration

Год	Средний возраст вступления в брак, лет		Разница в возрасте вступления в брак, лет*	Средний возраст при рождении первого ребенка, лет		Средняя ожидаемая продолжительность жизни, лет	
	женщины	мужчины		матери	отца*	женщины	мужчины
1980	24,20	26,10	1,90	22,99	24,89	73,00	61,45
1981	24,40	26,40	2,00	23,01	25,01	73,09	61,53
1982	24,40	26,40	2,00	23,00	25,00	73,47	61,99
1983	24,40	26,40	2,00	22,96	24,96	73,63	62,27
1984	24,40	26,40	2,00	22,92	24,92	73,31	62,00
1985	24,50	26,50	2,00	22,92	24,92	73,32	62,31
1986	24,80	26,90	2,10	22,95	25,05	73,99	63,83
1987	24,90	27,00	2,10	22,92	25,02	74,55	64,91
1988	24,80	26,90	2,10	22,90	25,00	74,43	64,80
1989	24,50	26,50	2,00	22,78	24,78	74,47	64,21
1990	24,10	26,20	2,10	22,65	24,75	74,30	63,73
2007	26,30	29,00	2,70	24,34	27,04	74,02	61,46
2008	26,50	29,20	2,70	24,41	27,11	74,28	61,92
2009	26,60	29,30	2,70	24,61	27,31	74,79	62,87
2010	26,92	29,52	2,61	24,81	27,41	74,88	63,09
2011	27,23	29,74	2,51	24,96	27,47	75,61	64,04
2012	27,37	29,87	2,50	25,01	27,51	75,86	64,56
2013	27,51	30,01	2,50	25,20	27,70	76,30	65,13
2014	27,64	30,15	2,51	25,31	27,82	76,47	65,29
2015	27,58	30,07	2,49	25,46	27,95	76,71	65,92
2016	27,66	30,12	2,46	25,64	28,10	77,06	66,50

* расчетные показатели

Безусловно, следует отметить, что предложенные методические подходы к оценке продолжительности прародительства не позволяют с высокой степенью точности оценить данный показатель. Тем не менее, в отсутствии официальных статистических данных о возрасте вступления в прародительство у мужчин и женщин предложенные подходы, на наш взгляд, все же позволяют получить первое представление о продолжительности прародительства, а также его динамике в России.

Учитывая имеющиеся информационные ресурсы для получения оценок, мы провели анализ продолжительности прародительства у мужчин и женщин за десятилетний период – с 2007 по 2016 гг. Для верификации выявленных тенденций мы использовали данные выборочного обследования репродуктивных планов населения, где временной период заканчивался 2017 г.

Результаты исследования

На основе предложенной нами методики были получены оценки среднего возраста вступления в прародительство, а также его продолжительности – отдельно для мужчин и женщин. В таблице 2 представлены статистические данные, аккумулированные для получения таких оценок.

Прежде всего, проведенный анализ показал, что в течение изучаемого периода происходило увеличение среднего возраста вступления в прародительство. Такой рост наблюдался и у мужчин, и у женщин и проходил приблизительно с равной скоростью – в среднем 0,25 % и 0,23 % в год соответственно (рис. 2).

Полученные результаты вполне соотносятся с теми тенденциями, которые складываются в российском обществе в сфере семьи и брака – со временем происходит увеличение воз-

⁸ Составлено на основе: Российский статистический ежегодник 2019 (Приложение). Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13396>; Коллекция показателей из Ежегодного демографического доклада «Население России». URL: http://www.demoscope.ru/weekly/edd/edd_tab.php.

Таблица 3 – Изменение средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении

Table 3 – Change in average life expectancy at birth

Год	Изменение средней ожидаемой продолжительности жизни, % в год (годовой прирост показателя)		Превышение годового прироста ожидаемой продолжительности жизни мужчин относительно женщин, раз
	мужчины	женщины	
2008	0,75	0,35	2,13
2009	1,53	0,69	2,23
2010	0,35	0,12	2,91
2011	1,51	0,97	1,55
2012	0,81	0,34	2,41
2013	0,88	0,58	1,52
2014	0,25	0,22	1,10
2015	0,96	0,31	3,07
2016	0,88	0,46	1,93

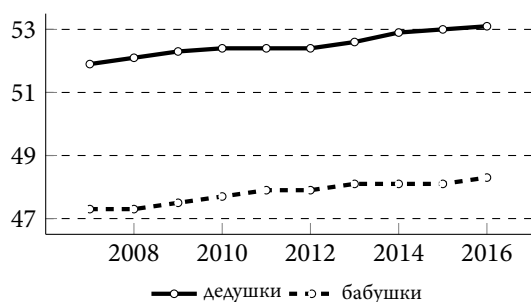

Рисунок 2 – Средний возраст вступления в прародительство, лет

Figure 2 – Average age of entry into parenthood, years

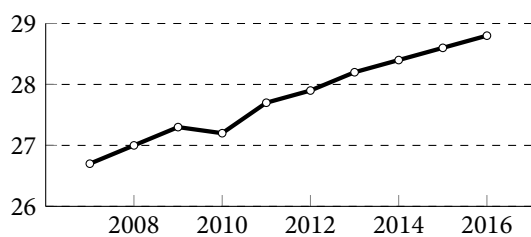

Рисунок 3 – Продолжительность прародительства бабушек, лет

Figure 3 – Duration of grandmotherhood, years

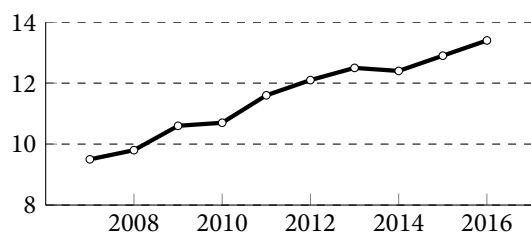

Рисунок 4 – Продолжительность прародительства дедушек, лет

Figure 4 – Duration of grandfatherhood, years

раста вступления в брак, а также протогенетического интервала⁷. При этом, как и ожидалось, средний возраст вступления в прародительство мужчин оказался заметно выше аналогичного показателя у женщин, что объясняется традиционно более поздним возрастом вступления мужчин в брак (табл. 3).

На основе полученных данных нами была оценена продолжительность прародительства – отдельно для мужчин и женщин (рис. 3 и 4). Здесь, на наш взгляд, можно отметить три наиболее существенные закономерности.

Во-первых, наблюдается увеличение этого показателя. Так, за десятилетний период (2007–2016 гг.) средняя по стране продолжительность прародительства бабушек выросла с 26,7 до 28,8 лет, дедушек – с 9,5 до 13,4 лет.

Во-вторых, продолжительность прародительства бабушек заметно выше (более чем в 2 раза) аналогичного показателя у дедушек. В различные годы эта разница составляла от 15,4 лет (в 2016 г.) до 17,2 лет (в 2007 г.). Важнейшими факторами, определяющими разрыв в данных показателях, являются существенная разница в ожидаемой продолжительности жизни (см. табл. 2), а также более позднее вступление в прародительство российских мужчин.

В-третьих, увеличение продолжительности прародительства у дедушек происходит более быстрыми темпами. Если для бабушек среднегодовой прирост этого показателя составил 0,83 %, то для дедушек – 3,86 %. Таким образом, с течением времени происходит сближение продолжительности прародительства бабушек и дедушек.

На наш взгляд, такая закономерность может быть объяснена, прежде всего, более заметной позитивной динамикой ожидаемой продолжительности жизни мужчин. В таблице 3 представлены расчетные данные о ежегодном изменении этого показателя в стране. Как видно, ожидаемая продолжительность жизни и мужчин, и женщин ежегодно увеличивается. Однако скорость ее роста в течение всего рассматриваемого периода у мужчин была заметнее и превышала аналогичный показатель у женщин в 1,10 – 3,07 раза.

Для верификации полученных оценок продолжительности прародительства были ис-

пользованы альтернативные источники информации – данные Федерального статистического наблюдения о репродуктивных планах населения⁷. Как отмечалось ранее, итоги этого обследования Росстата представлены в агрегированном виде и потому получаемые на их основе оценки будут менее точными. Тем не менее, такие данные позволяют в некотором приближении оценить продолжительность прародительства.

На рис. 5 представлена динамика этого показателя отдельно для бабушек и дедушек. Для последних тенденция увеличения продолжительности прародительства в последние годы не вызывает сомнения. В отношении бабушек, на наш взгляд, также можно утверждать, что тенденция роста прослеживается, несмотря на достаточно высокую волатильность данных.

Дискуссионные вопросы исследования

Полученные нами результаты подтверждают тот тренд, который фиксируется и зарубежными демографами прародительства – они свидетельствуют об увеличении продолжительности российского прародительства в динамике за последние 10 лет. Это означает, что на выполнение функций социального института прародительства у сегодняшних бабушек и дедушек появляется времени больше,

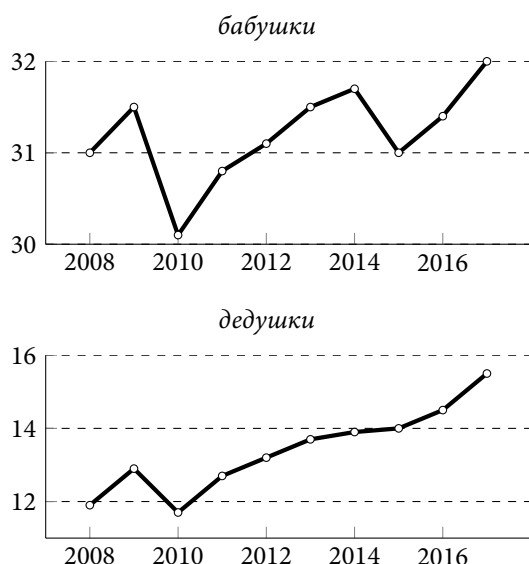

Рисунок 5 – Изменение продолжительности прародительства, оцененное по данным Федерального статистического наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 г.

Figure 5 – Change in the duration of grandparenthood, estimated according to the Federal Statistical Survey of the reproductive plans of the population in 2017

нежели еще 10 лет назад. Это может положительно сказываться на качестве и объеме выполняемых функций – как социальным институтом в целом, так и отдельными прародителями. В свою очередь, такая ситуация ведет к увеличению тех положительных эффектов и межпоколенческих трансфертов, которые возникают при активном участии прародителей в жизни внуков – причем как для прародителей, так и для внуков (эти эффекты активно изучаются зарубежными исследователями [9–17]).

Однако, рост продолжительности прародительства, зафиксированный в результате наших расчетов, не всегда может означать повышение его интенсивности. Поскольку прародительство предполагает взаимодействие людей старшего поколения со своими внуками, полноценная реализация содержания прародительства возможна преимущественно до тех пор, пока бабушки и дедушки сохраняют определенный уровень физического состояния и психологического благополучия. В этой связи важно прежде всего говорить о необходимости увеличения продолжительности здорового прародительства, при котором прародитель имеет физический и психологический статусы, достаточные для поддержания взаимоотношений со своими внуками. Федеральный проект «Старшее поколение», реализация которого в нашей стране началась с 2019 г. и будет продолжаться до конца 2024 г., направленный на повышение продолжительности здоровой жизни, будет способствовать повышению продолжительности и прародительства, и здорового прародительства. Решение заложенных в нем задач предполагает улучшение условий жизнедеятельности пожилых людей, повышение качества их жизни, расширение их возможностей вести активный образ жизни, что должно повлечь за собой и усиление тех эффектов, которые приносит вовлеченность прародителей в жизнь своих внуков.

Так, например, задачей федерального проекта выступает разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения, предполагающая увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. Отметим, что под термином «активное долголетие» ВОЗ понимает про-

цесс оптимизации возможностей в области здоровья, участия в общественной жизни и безопасности в целях поддержания качества жизни стареющего населения [18]. Эксперты Высшей школы экономики, разрабатывающие Концепцию политики активного долголетия в России, делают акцент на вовлеченности в эти процессы непосредственно старшего поколения. С точки зрения российских специалистов, активное долголетие – это состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии [19].

Федеральным проектом «Старшее поколение» для увеличения периода активного долголетия предусмотрены мероприятия⁹:

1) медицинские: совершенствование календаря профилактических прививок по эпидемиологическим показаниям, расширение программ профилактических осмотров и диспансеризаций;

2) информационные: создание телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, Интернет-сайтов, направленных на поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения; периодических печатных изданий, реализовавших проекты, направленные на поддержку и повышение качества жизни граждан старшего поколения;

3) социальные: увеличение количества граждан старшего поколения, занимающихся физической культурой и спортом, прошедших переподготовку и подготовку на специально организованных курсах; реализация региональных программ, направленных на получение образования (обучения), поддержку физической активности пожилых людей. От-

мечается, что такие мероприятия будут способствовать переходу пожилых людей на позитивные, активные и ориентированные на развитие позиции.

Отметим, что здоровье, безопасность, активная жизненная позиция людей старшего возраста могут являться детерминантами широты и интенсивности их вовлеченности в процессы реализации функций прародительства (прародительского труда [20]). Все эти параметры могут рассматриваться как характеристики потенциала субъектов прародительского труда. Действительно, как показывают данные наших предыдущих исследований [21], женщины старшего возраста, вовлеченные в выполнение функций прародительского труда, более высоко оценивают свое здоровье, проявляют гораздо большую социальную активность в различных сферах жизни (в частности, они чаще ходят в кино, театр, кафе/рестораны, на спортивные мероприятия), нежели те, кто в него не вовлечен.

Федеральным проектом «Старшее поколение» предусмотрена и организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста. Формулировка этой задачи, на наш взгляд, может быть расширена путем включения в виды обучения программ, направленных на освоение компетенций прародительского труда. Сегодняшний разрыв поколений столь велик, что прародители не всегда могут понимать своих внуков. Разработка специальных программ, направленных на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков, которые сократят этот разрыв, стимулирование людей старшего поколения, имеющих внуков, к обучению на таких программах, позволят снизить число нежелательных эффектов межпоколенного взаимодействия, улучшить его качество и получить от него исключительно положитель-

⁹Паспорт федерального проекта «Разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения „Старшее поколение“» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24.12.2018 № 16). URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programs/demography/3>.

¹⁰Mosgorzdrav.ru. Проект для дедушек и бабушек, которые помогают внукам делать уроки. URL: <https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/school-program.html>; Швецов И. Школа эффективных бабушек при Университете для пожилых людей общества «Знание». ГТПК «Вятка». URL: <https://www.gtrk-vyatka.ru/vesti/society/18570-shkola-effektivnyh-babushek-pri-universitete-dlya-pozhilyh-lyudey-obschestva-znanie.html>; Школа для Пап и Мам. Программа для Бабушек и дедушек. URL: <https://www.mamapapa.ru/service/programma-dlya-babushek-i-dedushek/>; Культура.рф.

ные результаты. Единичные примеры подобных практик в нашей стране уже существуют¹⁰, этот опыт и мог бы стать основой для разработки и реализации аналогичных программ на государственном уровне.

Еще одно возможное направление совершенствования системы государственного управления анализируемыми процессами – это повышение качества информационно-аналитического обеспечения принимаемых в этой области решений. К сожалению, в нашей стране не проводятся специально организованные статистические обследования старшего поколения, до недавнего времени в России не рассчитывался индекс активного долголетия (соответствующая методика была утверждена лишь в октябре 2019 г.¹¹), одной из составляющих которого является вовлеченность людей старшего поколения в заботу о детях и внуках.

Заключение

В процессе нашего исследования была разработана методика оценки продолжительности прародительства в России. Она базируется на ряде методических подходов, позволяющих в первом приближении оценить возраст вступления в прародительство, а также его продолжительность отдельно для мужчин и женщин. Апробация разработанной методики позволила сделать вывод об изменении возраста вступления в прародительство – с течением времени эти показатели растут, с каждым годом российские бабушки и дедушки стано-

вятся старше. Вместе с тем, результаты анализа показали и увеличение периода прародительства у женщин и мужчин. Причем у последних такой рост происходит гораздо более заметно, что приводит к некоторому сближению исследуемых показателей.

Безусловно, что разработанная методика может совершенствоваться по мере появления новых доступных источников данных о старшем поколении в России. Организация специальных выборочных обследований прародительства, а также увеличение числа показателей текущего статистического учета этой группы населения может способствовать более эффективному решению демографических проблем страны, реализации поставленных в национальных проектах стратегических целей и задач.

Действительно, в качестве одной из «сильных сторон» российского старшего поколения исследователи отмечают тесные семейные связи [22]. Это дает основания утверждать, что зафиксированное нами увеличение продолжительности прародительства при существующей государственной политике приведет к увеличению продолжительности и здорового прародительства. Это, в свою очередь, позволит получить все те эффекты, которые возможны при интенсивной вовлеченности бабушек и дедушек в жизнь своих внуков. Результатом активизации этого взаимодействия при растущем потенциале субъектов прародительского труда должен стать рост социального благополучия всех поколений российских семей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Arpino B., Guma J., Julia A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood, *Demographic research*, no. 39, pp. 1105–1150.

2. Margolis R., Arpino B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. In: Timonen V. (ed.) *Grandparenting practices around the world: Reshaping family*. Bristol, Bristol University Press, Policy Press, pp. 23–41.

3. Margolis R., Verdery A.M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparent-

hood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States, *Demography*, vol. 56, no. 4, pp. 1495–1518. DOI: 10.1007/s13524-019-00795-1.

4. Leopold T., Skopek J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile, *Social Forces*, no. 94 (2), pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066.

5. Margolis R., Wright L. (2017). Healthy grandparenthood: How long is it, and how has it changed? *Demography*, no. 54, pp. 2073–2019.

День бабушек и дедушек «Школа внуководения». URL: <https://www.culture.ru/events/531722/den-babushek-i-dedushek-shkola-vnukovedeniya>.

¹¹Методика расчета Индекса активного долголетия в Российской Федерации (утв. приказом Росстата от 31.10.2019 № 634). URL: <http://docs.cntd.ru/document/563664925>.

6. Chapman S.N., Lahdenperä M., Pettay J.E., Lummaa V. (2017). Changes in Length of Grandparenthood in Finland 1790–1959, *Finnish Yearbook of Population Research*, no. 52, pp. 3–13. DOI: 10.23979/fypr.65346.
7. Margolis R. (2016). The changing demography of grandparenthood, *Journal of Marriage and Family*, no. 78, pp. 610–622.
8. Yahirun J.J., Park S.S., Seltzer J.A. (2018). Step-grandparenthood in the United States, *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, no. 73, pp. 1055–1065.
9. Hilbrand S., Coall D.A., Gerstorf D., Hertwig R. (2017). Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study, *Evolution and Human Behavior*, no. 38 (3), pp. 397–403. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010.
10. Danielsbasca M., Tanskanen A.O. (2016). The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland, *Personal Relationships*, no. 23 (4), pp. 787–800. DOI: 10.1111/per.12160.
11. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. (2018). The role of grandparenting in early child-care and child outcomes, *Review of Economics of the Household*, no. 16 (2), pp. 477–512. DOI: 10.1007/s11150-017-9379-8.
12. Attar-Schwartz S., Buchanan A. (2018). Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel, *Contemporary Social Science*, no. 13 (2), pp. 219–231. DOI: 10.1080/21582041.2018.1465200.
13. Silverstein M., Long J. D. (1998). Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years, *Journal of Marriage and the Family*, no. 60 (4), pp. 912–923. DOI: 10.2307/353634.
14. Chapman S.N., Pettay J.E., Lahdenperä M., Lummaa V.C. (2018). Grandmotherhood across the demographic transition, *PLoS ONE*, no. 13 (7), e0200963. DOI: 10.1371/journal.pone.0200963.
15. Coall D.A., Hertwig R. (2010). Grandparental investment: Past, present and future, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 33 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X09991105.
16. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. (2017). The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review, *Journal of Family Studies*, no. 23 (1), pp. 118–141. DOI: 10.1080/13229400.2016.1194306.
17. Sear R., Coall D.A. (2011). How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition, *Population and development review*, no. 37 (1), pp. 81–112. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.
18. Active ageing: A policy Framework. Geneva, World Health Organization. URL: http://whqlibdo.c.who.int/hq/2002/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (accessed 17.10.2020).
19. Концепция политики активного долголетия : научно-методологический доклад к XXI Апрельской международной научно-практической конференции по проблемам развития экономики и общества / под ред. Л. Н. Овчаровой, М. А. Морозовой, О. В. Синявской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (дата обращения: 17.10.2020).
20. Багирова А.П., Южакова Э.В. (2020). Прародительский труд как механизм межпоколенного трансфера социального капитала // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета. С. 359–364.
21. Shubat O., Bagirova A. (2020). Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience, *Communications of the ECMS*, no. 34 (1), pp. 78–83. DOI: 10.7148/2020.
22. Sinyavskaya O. (2015). Active Ageing in Russia: Presentation on the North-East Asian Forum on Population Ageing, November 6-7, 2015, Tokyo, Japan. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session2_Ms.OxanaSinyavskaya_Russia.pdf (accessed 17.10.2020).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Шубат Оксана Михайловна – кандидат экономических наук, доцент; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); o.m.shubat@urfu.ru.

Багирова Анна Петровна – доктор экономических наук, профессор; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19); a.p.bagirova@urfu.ru.

DURATION OF GRANDPARENTHOOD IN RUSSIA: STATISTICAL ASSESSMENTS AND MANAGEMENT CAPABILITIES IN THE FRAMEWORK OF THE NATIONAL PROJECT “DEMOGRAPHY”

O.M. Shubat^{12a}, A.P. Bagirova^{13a}

^aUral Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

ABSTRACT:

Against the background of the development of foreign demography of grandparenthood and the attention of public administration bodies to the problems of the elderly generation, the issue of improving the information and analytical base of decisions taken in this area is being updated. The aim of the study is to develop and implement a methodology for estimating the duration of grandparenthood in Russia based on available and reliable information and statistical resources. We propose the following methodological approaches: differentiation grandparenthood estimates for men and women, the estimation of the age of entry into grandparenthood as the sum of the two average ages of mothers (fathers) at the birth of a child in the current year and the previous generation of women (men), using a combination of sources to estimate the average ages of women and men at the birth of the first child. The results of our research are as follows:

- 1) in 2007–2016 the average duration of grandmotherhood grew from 26.7 to 28.8, grandfatherhood – from 9.5 to 13.4 years;
- 2) duration of grandmotherhood is significantly higher than that of grandfathers’;
- 3) the increase in the duration of grandfatherhood occurs at a faster pace, with the passage of time there is a convergence of the duration of grandparenthood.

The Federal project “Senior citizens” of the national project “Demography”, whose implementation in our country began in 2019 and will continue until the end of 2024, aimed at increasing the healthy life expectancy, will increase the duration of (healthy) grandparenthood. The solution of the tasks involved should also lead to an increase in the effects of the grandparents’ involvement in the lives of their grandchildren. We have suggested the possibility of including in the measures already provided for by the Federal project such components that would simultaneously “work” to improve the quality characteristics of grandparenthood, to intensify and energize of grandparental labor.

FUNDING: The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00280.

KEYWORDS: grandparenthood, duration of grandparenthood, grandmothers, grandfathers, demography of grandparenthood, elderly generation, national project.

FOR CITATION: Shubat O.M., Bagirova A.P. (2020). Duration of progenitorship in Russia: statistical assessments and management capabilities in the framework of the national project “Demography”, *Management Issues*, no. 6, pp. 142–155.

REFERENCES

1. Arpino B., Guma J., Julia A. (2018). Family histories and the demography of grandparenthood, <i>Demographic research</i>, no. 39, pp. 1105–1150. 2. Margolis R., Arpino B. (2019). The demography of grandparenthood in 16 European countries and two North American countries. In: Timonen V. (ed.) <i>Grandparenting practices around the world:</i>	Reshaping family. Bristol, Bristol University Press, Policy Press, pp. 23–41. 3. Margolis R., Verdery A.M. (2019). A Cohort Perspective on the Demography of Grandparenthood: Past, Present, and Future Changes in Race and Sex Disparities in the United States, <i>Demography</i>,

¹²RSCI AuthorID: 616590, ORCID: 0000-0002-0929-8144, ScopusID: 55361508300, ResearcherID: M-7443-2013

¹³RSCI AuthorID: 511263, ORCID: 0000-0001-5653-4093, ScopusID: 55361822000, ResearcherID: M-7440-2013

vol. 56, no. 4, pp. 1495–1518. DOI: 10.1007/s13524-019-00795-1.

4. Leopold T., Skopek J. (2015). The Demography of Grandparenthood: An International Profile, *Social Forces*, no. 94 (2), pp. 801–832. DOI: 10.1093/sf/sov066.

5. Margolis R., Wright L. (2017). Healthy grandparenthood: How long is it, and how has it changed? *Demography*, no. 54, pp. 2073–2019.

6. Chapman S.N., Lahdenperä M., Pettay J.E., Lummaa V. (2017). Changes in Length of Grandparenthood in Finland 1790–1959, *Finnish Yearbook of Population Research*, no. 52, pp. 3–13. DOI: 10.23979/fypr.65346.

7. Margolis R. (2016). The changing demography of grandparenthood, *Journal of Marriage and Family*, no. 78, pp. 610–622.

8. Yahirun J.J., Park S.S., Seltzer J.A. (2018). Step-grandparenthood in the United States, *Journals of Gerontology, Series B: Psychological Sciences & Social Sciences*, no. 73, pp. 1055–1065.

9. Hilbrand S., Coall D.A., Gerstorf D., Hertwig R. (2017). Caregiving within and beyond the family is associated with lower mortality for the caregiver: a prospective study, *Evolution and Human Behavior*, no. 38 (3), pp. 397–403. DOI: 10.1016/j.evolhumbehav.2016.11.010.

10. Danielsbasca M., Tanskanen A.O. (2016). The association between grandparental investment and grandparents' happiness in Finland, *Personal Relationships*, no. 23 (4), pp. 787–800. DOI: 10.1111/per.12160.

11. Del Boca D., Piazzalunga D., Pronzato C. (2018). The role of grandparenting in early child-care and child outcomes, *Review of Economics of the Household*, no. 16 (2), pp. 477–512. DOI: 10.1007/s11150-017-9379-8.

12. Attar-Schwartz S., Buchanan A. (2018). Grandparenting and adolescent well-being: evidence from the UK and Israel, *Contemporary Social Science*, no. 13 (2), pp. 219–231. DOI: 10.1080/21582041.2018.1465200.

13. Silverstein M., Long J. D. (1998). Trajectories of grandparents' perceived solidarity with adult grandchildren: A growth curve analysis over 23 years, *Journal of Marriage and the Family*, no. 60 (4), pp. 912–923. DOI: 10.2307/353634.

14. Chapman S.N., Pettay J.E., Lahdenperä M., Lummaa V.C. (2018). Grandmotherhood across the

demographic transition, *PLoS ONE*, no. 13 (7), e0200963. DOI: 10.1371/journal.pone.0200963.

15. Coall D.A., Hertwig R. (2010). Grandparental investment: Past, present and future, *Behavioral and Brain Sciences*, no. 33 (1), pp. 1–19. DOI: 10.1017/S0140525X09991105.

16. Kim H.-J., Kang H., Johnson-Motoyama M. (2017). The psychological well-being of grandparents who provide supplementary grandchild care: a systematic review, *Journal of Family Studies*, no. 23 (1), pp. 118–141. DOI: 10.1080/13229400.2016.1194306.

17. Sear R., Coall D.A. (2011). How much does family matter? Cooperative breeding and the demographic transition, *Population and development review*, no. 37 (1), pp. 81–112. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2011.00379.x.

18. Active ageing: A policy Framework. Geneva, World Health Organization. URL: http://whqlibdo.c.who.int/hq/2002/WHO_NMH_NPH_02.8.pdf (accessed 17.10.2020).

19. Ovcharova L.N., Morozova M.A., Sinyavskaya O.V. (eds.). (2020). The concept of the policy of active aging: a scientific and methodological report to the XXI April international scientific and practical conference on the problems of economic and social development. Moscow, Ed. House of the Higher School of Economics. URL: <https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/360906541.pdf> (accessed 17.10.2020).

20. Bagirova A.P., Yuzhakova E.V. (2020). Ancestor labor as a mechanism of intergenerational transfer of social capital. In: XXII Ural sociological readings. National projects and socio-economic development of the Ural region. Proceedings of the Russian scientific and practical conference. Ekaterinburg, Publishing house of the Ural University, pp. 359–364.

21. Shubat O., Bagirova A. (2020). Russian Grandparenting: Demographic and Statistical Modelling Experience, *Communications of the ECMS*, no. 34 (1), pp. 78–83. DOI: 10.7148/2020.

22. Sinyavskaya O. (2015). Active Ageing in Russia: Presentation on the North-East Asian Forum on Population Ageing, November 6-7, 2015, Tokyo, Japan. URL: https://www.unescap.org/sites/default/files/Session2_Ms.OxanaSinyavskaya_Russia.pdf (accessed 17.10.2020).

AUTHORS' INFORMATION:

Oksana M. Shubat – Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); o.m.shubat@urfu.ru.

Anna P. Bagirova – Advanced Doctor in Economic Sciences, Full Professor; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (19, Mira St., Ekaterinburg, 620002, Russia); a.p.bagirova@urfu.ru.

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ ИНФРАСТРУКТУРНОГО КАРКАСА КРУПНОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ Г. ЕКАТЕРИНБУРГА)

Н.А. Матушкина^{1а}

^аИнститут экономики Уральского отделения Российской академии наук

АННОТАЦИЯ:

В статье рассматриваются вопросы стратегического планирования пространственного развития города с точки зрения его функционирования в качестве межрегионального торгово-транспортного центра международного значения. Потребность формирования соответствующего инфраструктурного транспортно-логистического каркаса города обусловлена необходимостью реализации единого вектора пространственного развития двух тесно связанных секторов хозяйственной деятельности – торговли и транспортно-логистического комплекса. В существующих нормативно-правовых документах всех уровней, определяющих перспективы развития транспортно-логистического сектора, торговли и пространственного развития Свердловской области и г. Екатеринбурга, имеются пробелы в части согласованности развития данных секторов.

Проведенный анализ тенденций развития на основе данных официальной и ведомственной статистики выявил предпосылки, позволяющие говорить о перспективности развития г. Екатеринбурга как межрегионального торгово-транспортного центра и привлечения дополнительных грузопотоков в регион. Отсутствие аналогов на территории страны, специфика крупного промышленного города, являющегося центром региона, формирующего и потребляющего значительный грузопоток, выгодное геостратегическое положение и другие факторы определяют уникальность такого проекта. В то же время наличие ряда инфраструктурных ограничений и нерациональная пространственная организация являются сдерживающими факторами дальнейшего развития. Учитывая приоритеты пространственного развития, обозначенные в федеральных и региональных документах и направленные на формирование сильных агломераций, функционирование Екатеринбурга как международного торгово-транспортного центра выходит за пределы города и охватывает сопредельные территории.

В статье предложена концептуальная пространственная модель инфраструктурного транспортно-логистического каркаса для формирования торгово-транспортного центра г. Екатеринбурга. Транспортно-логистический каркас объединяет два инфраструктурных контура: 1) внутригородской, организованный на основе модернизированной существующей инфраструктуры; 2) внешний, представляющий кольцо из 4-х крупных логистических узлов, покрывающих потребности Екатеринбурга, Свердловской области и соседних регионов в логистических услугах. Дальнейшая работа будет сосредоточена на детальной проработке мероприятий, направленных на формирование сбалансированной транспортно-логистической инфраструктуры и услуг, развитие оптовой торговли и увеличение грузопотоков, а также оценке результатов их реализации, с учетом возможной конкуренции со стороны имеющихся и перспективных крупных транспортно-логистических объектов других регионов.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транспортно-логистический сектор, оптовая торговля, крупный город, грузопотоки пространственное развитие, инфраструктурный каркас.

¹ AuthorID РИНЦ: 133939

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Матушкина Н.А. (2020). Пространственная модель инфраструктурного каркаса крупного промышленного города (на примере г. Екатеринбурга) // Вопросы управления. № 6. С. 156–168.

Введение

Инфраструктурные отрасли и в частности транспортно-логистический комплекс, обеспечивающий функционирование всех хозяйствующих субъектов, играет определяющую роль в текущей ситуации необходимости перехода экономики на новый качественный уровень развития для поддержания и повышения ее конкурентоспособности. Транспортно-логистическая инфраструктура, включающая «транспортные узлы, магистральные и местные пути сообщения, контейнерные и грузоперерабатывающие терминалы, мультимодальные транспортно-логистические центры»², является ключевым элементом при формировании приоритетов пространственного развития территории [1]. В то же время недостаточный уровень развития такой инфраструктуры³, несогласованность ее перспектив с сопряженными отраслями, отсутствие системного взгляда на пространственное развитие города совместно с прилегающими территориями является сдерживающим фактором как для самой отрасли, так и экономики в целом, оказывает негативное влияние на уровень жизни [2]. В рамках данной статьи мы рассмотрим развитие транспортно-логистического комплекса города наряду с тесно сопряженной отраслью – торговлей, являющейся связующим звеном между производителями и потребителями.

На сегодняшний день перспективы развития торговли и транспортно-логистического комплекса г. Екатеринбурга и Свердловской области определяются рядом комплексных и отраслевых стратегических документов различного уровня:

– Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утв. Рас-

поряжением Правительства РФ № 1734-р от 22.11.2008, в ред. от 12.05.2018);

– Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13.02.2019);

– Стратегия социально-экономического развития Свердловской области на период до 2030 г. (утв. Законом Свердловской области № 151-ОЗ от 21.12.2015);

– План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг. (утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 595-ПП от 30.08.2016);

– Паспорт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол № 15 от 24.12.2018);

– Государственная программа Свердловской области «Развитие транспортного комплекса Свердловской области до 2024 года» (утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 28-ПП от 25.01.2018, в ред. от 29.01.2020);

– Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 г. (утв. Приказом Министерства промышленности и торговли РФ № 2733 от 25.12.2014);

– Концепция развития логистического комплекса и оптовой торговли в Свердловской области на период до 2035 года (утв. Приказом Министерства экономики и территориального развития Свердловской области № 70 от 29.10.2018);

²Прокофьева Т., Платонов С. Формирование транспортно-логистической инфраструктуры России // Контейнерный бизнес: деловой журнал. URL: <http://www.bizeducation.ru/library/log/trans/8/platonov.htm> (дата обращения: 20.08.2020).

³Наличие значительных инфраструктурных ограничений отмечается, например, в Транспортной стратегии РФ до 2030 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1734-р от 22.11.2008, в ред. от 12.05.2018) и Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13.02.2019).

– Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 1797 от 14.08.2019);

– Стратегический план развития Екатеринбурга (утв. Решением Екатеринбургской городской Думы № 12/81 от 25.05.2018);

– Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года (утв. Распоряжением Правительства РФ № 2101-р от 30.09.2018, в ред. от 17.08.2019).

Несмотря на внушительный перечень документов, определяющих перспективы развития транспортно-логистического сектора и торговли Свердловской области и г. Екатеринбурга, остается вопрос о согласованности их развития, повышения эффективности пространственной организации города и сопредельных территорий, а также снятия ряда инфраструктурных ограничений. Так, в Стратегическом плане развития г. Екатеринбурга предусмотрены стратегические программы развития для различных направлений. Развитие оптовой торговли рассматривается в рамках Стратегического проекта «Екатеринбург – межрегиональный центр оптовой торговли» стратегической программы «Екатеринбург – центр современных технологий торговли». Отдельные вопросы развития транспортной системы рассматриваются в рамках другого направления – «Формирование сбалансированной транспортной системы города». При этом в данном направлении предусмотрен проект «Екатеринбург – евроазиатский торгово-транспортный центр», который в настоящее время еще не разработан и мог бы стать связующим звеном в развитии транспортно-логистического комплекса и оптовой торговли в г. Екатеринбурге. Реализация такого проекта, на наш взгляд, подходит под концепцию «умной специализации» [3, с. 9], ориентированной на инновационное развитие за счет максимально эффективного использования ресурсного потенциала территории [4, с. 53], и в то же время предусматривает эволюцию экономики с учетом создания новых конкурентных преимуществ региона, за счет рационального пространственного развития и формирования новых компетенций в сфере транспортной и складской логистики. Кроме того, в основу

концепции «умной специализации» заложен принцип взаимосвязной согласованной работы частного и государственного секторов [5; 6], что является неотъемлемым условием реализации таких крупных стратегических проектов с участием множества хозяйствующих субъектов различных форм собственности.

Функционирование Екатеринбурга как межрегионального торгово-транспортного центра требует формирования соответствующего транспортно-логистического инфраструктурного каркаса, который выходит за границы городской черты и охватывает сопредельные муниципальные образования (МО), организующие Екатеринбургскую агломерацию (Большой Екатеринбург). Изначально предполагалось, что агломерация будет охватывать 5 городов (Екатеринбург – ядро агломерации, Верхняя Пышма, Среднеуральск, Березовский и Арамил), в дальнейшем в ее состав были включены еще несколько населенных пунктов в радиусе полуторочасовой доступности (Белоярский, Верхнее Дуброво, Дегтярск, Заречный, Первоуральск, Полевской, Ревда, Сысерть и посёлок Уральский). По мнению Н. Зубаревич, «дефицит крупных агломераций создает проблемы для пространственного развития» [7].

Формирование агломерации и вовлечение прилегающих территорий в хозяйственную деятельность центра – объективная необходимость для таких промышленно-развитых регионов, как Свердловская область. Это обусловлено тенденциями развития областного центра и потребностью в модернизации пространства [8; 9], когда концентрация городских видов деятельности выходит за пределы административных границ и распространяется на соседние населенные пункты [10–12], а также реализацией программ комплексного развития различного уровня, предусматривающих развитие агломераций [13]. В рамках Екатеринбургской агломерации используется так называемая договорная модель управления, основанная на межмуниципальных соглашениях между субъектами, входящими в агломерацию. Некоторые авторы считают такую модель недостаточно эффективной ввиду трудоемкости и возможного затягивания договорных процессов между МО без участия и

поддержки региональных властей [14, с. 153; 15]. В настоящее время именно недостаточное взаимодействие всех заинтересованных субъектов является одним из значимых рисков эффективного использования транспортно-логистического потенциала территории, а эффективность инновационного развития, в большей степени зависит от способности органов власти реализовать конкурентные преимущества территории [4, с. 53]. Идея оптимизации размещения объектов хозяйственной деятельности и минимизации транспортных затрат берет основу еще с трудов Й. Тюненна [16], где речь идет о размещении различных видов сельскохозяйственных производств в виде зон на разном удалении вокруг центра (города). Применимо к рассматриваемым вопросам, реализация проекта в границах агломерации окажет положительное влияние как на ядро агломерации, так и на окружающие МО, когда «„сильный“ центр способствует диверсификации экономики, ускорению модернизации периферии, решению проблем пространственного развития за счет выноса части инфраструктурных объектов за пределы Екатеринбурга, обеспечивая новые рабочие места и повышение качества среды для жизнедеятельности населения окружающих МО»⁴ [7; 17–23]. В данном случае цель оптимизации размещения объектов транспортно-логистической инфраструктуры можно сформулировать как достижение некоего «равновесия», при котором реализуются максимально возможные преимущества как для производителей товаров и услуг, так и для потребителей [24; 25, с. 53], и в то же время имеет место устранение ограничений дальнейшего развития отрасли и получение синергетического эффекта.

***Предпосылки развития г. Екатеринбурга
как межрегионального
торгово-транспортного центра***

Свердловская область – промышленно-развитый грузообразующий и грузопотребляющий регион, входит в шестерку субъектов РФ по объему ВРП. Основными грузоформирую-

щими отраслями являются промышленность и торговля. Доля промышленного комплекса в структуре ВРП⁵ составляет порядка 30 %, регион характеризуется высоким уровнем как внутрирегиональных, так и межрегиональных грузопотоков. Это обусловлено с одной стороны развитыми кооперационными связями предприятий некоторых отраслей промышленности (например, черной металлургии) и большой долей потребления произведенной на территории области продукции промышленности (например, строительных материалов, пищевой промышленности). С другой – для предприятий таких отраслей, как цветная промышленность, машиностроение и др., значительная часть сырья, комплектующих ввозится из-за пределов области, в том числе по импорту. Кроме того, значительный объем производимой продукции вывозится в другие регионы России и на экспорт. В целом, с точки зрения межрегионального товарообмена, Свердловская область является вывозящим регионом.

Доля торговли в структуре ВРП также существенна и составляет 18 %, что обусловлено высоким уровнем экономического развития г. Екатеринбурга и Свердловской области, расположением в зоне тяготения к национальным и международным транспортным коридорам [26; 27], а также высоким спросом на продукты питания и товары народного потребления, производство которых в области покрывает лишь небольшую долю потребности.

Можно констатировать, что сформированы все предпосылки для развития г. Екатеринбурга в качестве торгово-транспортного центра международного значения [28]:

1. *Выгодное геостратегическое положение в системе международных и региональных транспортных коридоров; развитая транспортная сеть Екатеринбургского транспортного узла и Свердловской области.* Через территорию области проходят наиболее экономически выгодные железнодорожные и автодорожные маршруты, а наличие грузовых терминалов, международного аэропорта-

⁴Simeonova V.S. (2018). Spatial dynamics and strategic planning in metropolitan areas: Targeted Analysis. EPSON. URL: <https://www.espon.eu/library?filename=Simeonova> (accessed 20.07.2020).

⁵По данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области: <https://sverdl.gks.ru/folder/29700>.

хаба «Кольцово», являющегося крупнейшим авиаузлом в России после Москвы и Санкт-Петербурга, обеспечивают возможность вовлечения Екатеринбурга и Свердловской области в международные логистические цепочки и рутинного применения мультимодальных и интермодальных схем грузоперевозок.

2. Концентрация грузопотоков в г. Екатеринбурге. Транспортный узел г. Екатеринбурга является крупнейшей межрегиональной зоной грузораспределения, где консолидируются грузы Свердловской области и сопредельных территорий, в т. ч. экспортно-импортные. Близость крупных городов Урала и Западной Сибири (Пермь, Челябинск, Тюмень), дает возможность организации эффективных схем интермодальных перевозок.

Общий объем перевозки грузов железнодорожным транспортом через Екатеринбургский железнодорожный узел⁶ по итогам 2019 года составил: по прибытию – 6,2 млн т, по отправлению – 3,8 млн т. При этом 6 основных станций (Аппаратная, Шувакиш, Сысерть, Северка, Екатеринбург-товарный, Екатеринбург-сортировочный) обслуживают 80 % всех грузов как по отправлению, так и по прибытию. В структуре грузов высока доля контейнерных грузов – 25 % по прибытию и 20 % по отправлению, что значительно выше среднего значения контейнеризации на железнодорожной дороге в РФ.

На долю г. Екатеринбурга приходится более трети всего областного объема автомобильных грузовых перевозок (16,6 млн т) и около 40 % (2,63 млрд ткм) всего грузооборота.

Перевозки экспортно-импортных грузов автомобильным транспортом осуществляются в направлении стран Евросоюза, Китая, Армении, Казахстана и др. Также перевозятся грузы, прибывающие морским транспортом в порты Северо-Западного бассейна и направляемые в Екатеринбург и (или) далее в сопредельные регионы.

Доля грузовых перевозок в Свердловской области, осуществляемых воздушным транспортом, является незначительной в общем объеме, однако он является стратегически

важным при доставке почты, срочных, скоропортящихся, ценных малогабаритных грузов.

3. Развитая транспортно-логистическая инфраструктура. Более половины складских площадей (1,5 млн м²) представлено складами класса «А» и «В». На территории г. Екатеринбурга и Екатеринбургской агломерации расположено 122 распределительных центра международных, федеральных, региональных и местных торговых сетей, дистрибьютеров, суммарной площадью 961,2 тыс. м². Кроме того, для обслуживания внешнеэкономической деятельности, на территории города расположены: 2 таможни (Кольцовская и Екатеринбургская), Октябрьский таможенный пост Кольцовской таможни, Центр электронного декларирования Екатеринбургской таможни и Екатеринбургский таможенный терминал.

4. Развитый рынок транспортно-логистических услуг обеспечивается, в том числе, присутствием в регионе крупнейших федеральных транспортно-логистических компаний, владеющих современными технологиями и компетенциями в области логистики, в т.ч. предоставляющих услуги 3PL и 4PL провайдеров (например, Компания «ОККАМ» (3PL) и Компания «АБЛ» (4PL)).

5. Значительная грузовая база (в т. ч. экспортно-ориентированная), обладающая большим потенциалом контейнеризации, перерабатываемая в Екатеринбургском транспортном узле, формируется как на территории области, так и на сопредельных промышленно-ориентированных территориях.

6. Высокая степень вовлеченности г. Екатеринбурга, Свердловской области и сопредельных территорий в мировые хозяйственные связи за счет формирования экспортно-импортного грузопотока, проходящего через Екатеринбург с соответствующей потребностью в логистических услугах. Предприятия и организации региона поддерживают внешнеэкономические связи со 159 странами мира, а оборот внешней торговли Свердловской области стабильно рос в последние годы (в 2018 г. прирост составил 22 % к предыдущему году).

⁶Екатеринбургский железнодорожный узел включает в себя 14 железнодорожных станций: Аппаратная, Арамиль, Березит, Екатеринбург-Тов., Екатеринбург-Сорт, Керамик, Кольцово, Косулино, Лечебный, Северка, Сысерть, Уктус, Шарташ, Шувакиш.

7. *Динамичный рост оптовой и розничной торговли*, в том числе за счет активной деятельности крупных оптовых и розничных торговых сетей, что предопределяет возрастающий спрос на складскую недвижимость и необходимость оптимизации размещения соответствующей транспортно-логистической и оптово-распределительной инфраструктуры. Оборот оптовой торговли в г. Екатеринбурге за последние 10 лет вырос более чем в 3 раза. Основной тренд в развитии оптовой торговли заключается в усилении ее роли в формировании и распределении товарных потоков на территории. По обороту розничной торговли в целом и в расчете на душу населения Свердловская область занимает 1 место в рейтинге регионов УрФО, а основной тренд последних лет направлен на динамичное развитие интернет-торговли, что также влияет на прирост складских площадей интернет-магазинов. Сохраняется тенденция формирования зон концентрации предприятий розничной торговли и обслуживания в г. Екатеринбурге вблизи интенсивных транспортных развязок.

Подавляющая доля формируемых, потребляемых на территории области, а также транзитных грузопотоков проходит через Екатеринбургский транспортный узел, и в целом инфраструктура Екатеринбургской агломерации располагает мощностями для приема и обработки большого объема грузов. В то же время можно выделить ряд сдерживающих факторов, связанных с наличием инфраструктурных ограничений и недостаточными качеством и эффективностью транспортно-логистических услуг⁷:

- дефицит мощностей для консолидации, переработки и распределения грузопотоков, в т. ч. экспортно-импортных;

- дефицит мощности современной транспортно-логистической инфраструктуры для переработки и хранения контейнерных грузов при устойчивом росте объемов контейнерных перевозок и уровня контейнеризации грузов;

- дефицит пропускной способности некоторых участков автодорог на въезде в город;

- недостаточное использование современных транспортно-логистических технологий и схем перевозки грузов.

- недостаток качественных складских площадей класса «А» и «В+», в т. ч. температурных складов;

- нерациональная схема размещения объектов транспортно-логистической инфраструктуры.

Концептуальная модель формирования транспортно-логистического каркаса города Екатеринбурга

Формирование стратегии развития Екатеринбурга как межрегионального торгово-транспортного центра предлагается рассматривать с позиции комплексного подхода, базирующегося на совместном рассмотрении перспектив развития двух взаимосвязанных друг с другом сфер хозяйственной деятельности – торговли и транспортно-логистического комплекса с учетом:

- территориального фактора (вынос транзитных транспортных потоков за пределы городской зоны, вовлечение неиспользуемых земельных участков в хозяйственный оборот и др.);

- стратегий социально-экономического развития административных районов г. Екатеринбурга, Схемой территориального планирования Свердловской области в части развития Екатеринбургской агломерации⁸.

В рамках данного подхода можно выделить три основные направления, развития торгового и транспортно-логистического секторов:

- 1) формирование сбалансированной транспортно-логистической инфраструктуры Екатеринбургского транспортного узла, соответствующей мировому уровню обслуживания грузопотоков. В рамках данного направления планируется реализация крупных инфраструктурных проектов, предусмотренных стратегическими документами федерального

⁷ По данным Всемирного банка, согласно индексу эффективности логистики, в 2018 г. Россия занимает лишь 75 место, уступая не только экономически развитым государствам, но и таким странам, как Кения, Украина, Египет и др. Global Rankings 2018. Logistics Performance Index. The World Bank. 2019. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/global> (дата обращения: 20.07.2020).

⁸ Схема территориального планирования Свердловской области : утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 1000-ПП от 31.08.2009 (ред. от 19.07.2018).

и регионального уровня⁹, а также инвестиционные проекты частных инвесторов в области складской логистики.

2) развитие оптовой торговли и транспортно-логистических услуг (создание новых складских площадей класса «А» и «В+» и реконструкции существующих объектов складской недвижимости с целью повышения их классности; организация распределительных центров федеральных и международных торговых сетей; развитие новых форматов торговли; внедрение современных логистических технологий)¹⁰;

3) рост грузопотоков поддерживается реализацией мероприятий первых двух направлений, а также наращиванием экспортного потенциала отраслей экономики, определяющая роль в котором принадлежит промышленности области, менее значимая – оптовой торговле; ожидающимся ростом грузопотоков по формирующимся новым транспортным коридорам с учетом перспектив использования Северного морского пути¹¹.

Учитывая межотраслевой характер такого стратегического проекта, пространственное формирование транспортно-логистического инфраструктурного каркаса на территории г. Екатеринбурга и частично Екатеринбургской агломерации предлагается организовать в пределах двух контуров (см. рис. 1):

– внутренний (внутригородской), базирующийся на основе модернизированной существующей складской инфраструктуры и ориентированный, главным образом, на внутрен-

ний рынок и рынок межрегиональной оптовой торговли;

– внешний, представляющий собой кольцо из четырех логистических узлов, большинство объектов которых располагается за пределами центральной части городской черты Екатеринбурга в пределах Екатеринбургской агломерации:

1) «Кольцовский» узел, территория дислокации которого включает микрорайон «Новокольцовский», улицу Бахчиванджи, место примыкания дорог ЕКАД и Тюменского тракта (Октябрьский р-н г. Екатеринбурга), поселок Косулино (Белоярский городской округ);

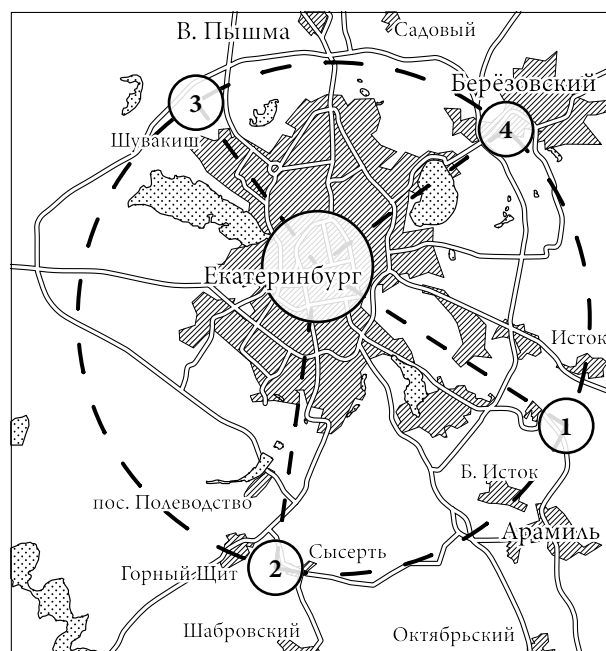

Рисунок 1 – Модель инфраструктурного транспортно-логистического каркаса г. Екатеринбурга
Figure 1 – Model of the infrastructure transport and logistics framework of Yekaterinburg

⁹Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ № 1734-р от 22.11.2008 (ред. от 12.05.2018); План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг : утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 595-ПП от 30.08.2016; Государственная программа Свердловской области «Развитие транспортного комплекса Свердловской области до 2024 года» : утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 28-ПП от 25.01.2018 (ред. от 29.01.2020); Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 года : утв. Распоряжением Правительства РФ № 2101-р от 30.09.2018 (ред. от 17.08.2019).

¹⁰Стратегия развития торговли в Российской Федерации на 2015–2016 годы и период до 2020 года : утв. Приказом Министерства промышленности и торговли РФ № 2733 от 25.12.2014; Концепция развития логистического комплекса и оптовой торговли в Свердловской области на период до 2035 года : утв. Приказом Министерства экономики и территориального развития Свердловской области № 70 от 29.10.2018 г.

¹¹Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года : утв. Распоряжением Правительства РФ № 1734-р от 22.11.2008 (ред. 12.05.2018); План мероприятий по реализации Стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 гг : утв. Постановлением Правительства Свердловской области № 595-ПП от 30.08.2016); Стратегия развития экспорта услуг до 2025 года : утв. Распоряжением Правительства РФ № 1797 от 14.08.2019.

2) «Горнощитский» узел дислоцируется в районе поселков Горный Щит, Шабровский, железнодорожной станции Сысерть с примыканием станции Седельниково, города Полевского и поселка Полевой (Сысертский ГО);

3) узел «Серовский тракт» располагается на окраине северной части г. Екатеринбурга и пригорода в границах микрорайона «Старая Сортировка», поселка Шувакиш, станции Гипсовая – примыкание к улице Автомагистральная, переулку Никольский и отдельной территории в составе Среднеуральского городского округа;

4) узел «Ново-Свердловская ТЭЦ», территория дислокации которого включает район Ново-Свердловской ТЭЦ, Кольцевой автодороги (ЕКАД) в месте примыкания к городу Березовскому, Березовский городской округ.

Данный контур включает в себя распределительные логистические центры, ориентированные в большей степени на межрегиональный рынок, а также мультимодальный транспортно-логистический центр «Екатеринбург» (узел «Горнощитский»), ориентированный на переработку и распределение грузов всех направлений, в т. ч. экспортно-импортных. Логистические узлы внешнего контура находятся в разной стадии формирования, и на их территории реализуются и планируются к реализации крупные инвестиционные проекты.

Заключение

Можно констатировать, что рациональное пространственное развитие транспортно-логистической и торговой инфраструктуры будет способствовать наращиванию и реализации потенциала г. Екатеринбурга и Свердловской области в сфере консолидации, переработки и распределения грузов, в том числе экспортно-импортных. Реализация такого проекта будет иметь благоприятное влияние на различные целевые группы (предприятия по перевозке грузов, оказанию транспортно-логистических услуг и оптовой торговли; крупные грузообразующие предприятия промышленности города, области и сопредельных регионов РФ; население г. Екатеринбурга, Екатеринбургской агломерации и ряда других МО области, расположенных в относительной транспортной доступности к Екатеринбургу):

– развитие мощностей по консолидации, переработке и распределению входящих, исходящих и транзитных грузопотоков;

– ликвидация «узких мест», ограничивающих пропускную способность на магистралях в пределах Екатеринбургского транспортного узла;

– повышение грузовой и коммерческой эффективности Екатеринбургского железнодорожного узла; снятие ограничений на дальнейшее развитие грузового двора ОАО РЖД;

– рост доли контейнерных и контейлерных перевозок, в т. ч. экспортно-импортных;

– решение вопросов логистики «последней мили»;

– привлечение дополнительных грузопотоков, в т. ч. транзитных, через Екатеринбургский транспортный узел;

– снижение нагрузки на улично-дорожную сеть и инфраструктуру г. Екатеринбурга, улучшение экологической ситуации за счет перераспределения и выноса транзитных потоков за пределы города, рациональной дислокации объектов транспортно-логистической инфраструктуры, в том числе за пределами городской черты;

– ускорение товародвижения, снижение уровня транспортно-логистических издержек в цене товаров, способствующие развитию торговли, в т. ч. за счет рационального размещения объектов транспортно-логистической инфраструктуры;

– повышение инвестиционной привлекательности Екатеринбурга, способствующее привлечению дополнительных инвестиций в развитие торговли и транспортно-логистической инфраструктуры, привлечению новых торговых сетей;

– интеграция уральских предприятий в международные цепи поставок, а также формирование новых комплексных логистических цепочек;

– повышение конкурентоспособности продукции промышленности на отечественном, по отдельным позициям – на мировом отраслевых рынках за счет снижения доли логистических издержек в цене продукции, увеличения скорости доставки грузов;

– удовлетворение потребительского спроса населения; снижение стоимости товаров и

услуг; рост уровня и качества жизни в МО Екатеринбургской агломерации; повышение транспортной доступности объектов торговли г. Екатеринбурга для соседних МО;

– создание новых рабочих мест в секторе транспортно-логистических услуг и торговли в г. Екатеринбурге и МО Екатеринбургской агломерации;

– дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней с соответствующими новыми возможностями для развития социальной сферы в муниципалитетах.

Кроме того, формирование инфраструктурного каркаса и развитие Екатеринбурга как межрегионального торгово-транспортного центра в представленном ключе с учетом реализации федеральных инвестиционных проектов не только улучшит пространственную организацию города и сопредельных МО, но и будет способствовать решению ряда важнейших задач, определенных Стратегией пространственного развития РФ на период до 2025 года :

– ликвидация инфраструктурных ограничений за счет модернизации магистральной транспортной инфраструктуры;

– развитие международных транспортных коридоров «Запад – Восток» и «Север – Юг» для упрощения выхода российских предприятий на зарубежные рынки;

– увеличение объемов транзита грузов между Азией и Европой по территории России;

– рост экспорта транспортных услуг в перспективных центрах экономического роста (к которым Стратегией отнесена Екатеринбургская агломерация).

Дальнейшая работа над проектом будет направлена на детализацию и конкретизацию мероприятий и оценку эффективности их реализации. При этом необходимо учесть возможность конкуренции с введенным в 2015 г. мультимодальным транспортно-логистическим комплексом «Южноуральский» (г. Челябинск) и с транспортно-логистическим центром «Новосибирск» .

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Швалов П.Г. (2020). К вопросу о развитии логистической инфраструктуры в межрегиональных городских агломерациях // *Логистика – евразийский мост : Материалы XV Международной научно-практической конференции*. Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет. С. 211–215.

2. Парыгин Д.С., Алешкевич А.А., Садовникова Н.П., Зуев А.Ю., Зеленский И.С., Харина А.С., Сивашова Е.С. (2020). Оценка согласованности развития обеспечивающей инфраструктуры города на основе анализа пространственных данных // *Системы управления, связи и безопасности*. № 2. С. 73–100. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10204.

3. Акимов В.В., Комаров В.М., Кидяева В.М. (2020). Пространственное развитие Курской области в целях эффективного государственного управления // *Государственное управление. Электронный вестник*. № 81. С. 5–23.

4. Новоселов А.С., Маршалова А.С. (2017). Региональная политика как основа стратегического управления пространственным развитием // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. Т. 3. № 2. С. 52–56.

5. Estensoro M., Larrea M. (2016). Overcom-

ing Policy Making Problems in Smart Specialization Strategies: Engaging Subregional Governments, *European Planning Studies*, vol. 24, no. 7, pp. 1319–1335. DOI: 10.1080/09654313.2016.1174670.

6. Camagni R., Capello R. (2013). Regional Innovation Patterns and the EU Regional Policy Reform: Toward Smart Innovation Policies, *Growth and Change*, vol. 44, no. 2, pp. 355–389.

7. Зубаревич Н.В. (2009). Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // *Журнал новой экономической ассоциации*. № 1-2. С. 161–174.

8. Касаткина С.С. (2018). Современный промышленный город России: тенденции пространственного развития // *Череповецкие научные чтения : Материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 4-х частях. Череповец : Череповецкий государственный университет*. С. 59–60.

9. Токунова Г.Ф. (2016). Транспортная инфраструктура как фактор пространственного развития агломераций // *Транспорт российской федерации*. № 6 (67). С. 43–45.

10. Петров Н.В. (1988). Городские агломерации: состав, подходы к делимитации. Проблемы

мы территориальной организации пространства и расселения в урбанизированных районах. Свердловск. С. 6–25.

11. Дубровин П.И. (1959). Агломерация городов (генезис, экономика, морфология) // Вопросы географии. № 45. С. 23–36.

12. Hoover E.M. (1948). *Location of Economic Activit.* N.Y., McGraw-Hill, 336 p.

13. Косинский П.Д., Меркурьев В.Д., Медведев А.В. (2013). Экономическое обоснование формирования агломераций муниципальных образований // Экономика и управление. № 8 (94). С. 11–15.

14. Мусинова Н.Н. (2020). К вопросу об организации управления пространственным развитием городских агломераций // Муниципальная академия. № 2. С. 150–154.

15. Мусинова Н.Н., Попадюк Н.К. (2018). Организация управления городской агломерацией: поиск решений // Вестник университета. № 7. С. 12–15.

16. Тюнен И.Г. (1926). *Изолированное государство* / Пер. Е. А. Торнеус ; под ред. и с предисл. проф. А. А. Рыбникова. М. : Экономическая жизнь. 326 с.

17. Зубаревич Н.В. (2007). Агломерационный эффект или административный угар // Российское экспертное обозрение. № 4-5 (22). С. 11–13.

18. Спиридонов В.Ю. (2011). Градостроительная стратегия развития УрФО // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. Екатеринбург. № 3. С. 8–13.

19. Антипин И.А. (2010). Мегополис: формирование и развитие в старопромышленном регионе. *Управленец*. № 5-6. С. 24–32.

20. Ragonez T., Alves G.C, Blanco-Gonzalez A. (2017). *Strategic Management of City Brands and Its Influence in Smart Cities. Sustainable Smart Cities, Innovation, Technology, and Knowledge Management*, pp. 79–88.

21. Andersson M. (2015). *Unpacking Metropolitan Governance for Sustainable Development*. Bonn and schborn, Germany, Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ). GmbH. 78 p.

22. Meijer A.J., Gil-Garcia J.R., Rodriguez Bolivar M.P. (2016). Smart city research: contextual conditions, governance models, and public value assessment, *Social Science Computer Review*, vol. 34, no. 6, pp. 647–656.

23. Лаффах А.М. (2019). Развитие агломераций как принцип территориального управления (на примере Московского региона) // Вестник Финансового университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 9. № 3 (39). С. 106–109.

24. Lösch A. (1955). The Economics of Location, *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 37, no. 2, pp. 376–377.

25. Совершенствование системы государственного управления пространственным развитием Санкт-Петербурга в рамках перехода к комплексному развитию территорий города с учетом межотраслевого баланса ресурсов систем коммунальной инфраструктуры и энергетики Санкт-Петербурга : Монография / Под общей ред. О. Л. Ким, И. В. Федосеева, М. Н. Юденко. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2018. 100 с.

26. Владимиров Д., Кашпурова О., Прокофьева Т. (2013). Развитие логистической инфраструктуры в транспортном комплексе России – стратегическое направление реализации транзитного потенциала страны в системе евроазиатских МТК // *Логистика*. № 1 (74). С. 40–44.

27. Лаврикова Ю.Г., Котлярова С.Н., Суворова А.В., Игнатьева Е.Д., Мариев О.С., Матушкина Н.А., Аверина Л.М., Ли В.А., Серкова А.Е. (2018). Стратегирование пространственного развития и инфраструктурного обустройства территорий. Екатеринбург : ИЭ УрО РАН. 178 с.

28. Лаврикова Ю.Г., Эсаулов П.М., Аверина Л.М., Гимаев Э.Р., Котлярова С.Н., Матушкина Н.А., Петров М.Б., Суворова А.В. (2017). Реализация экспортного потенциала региона на основе формирования транспортно-логистического кластера. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН. 170 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ:

Матушкина Наталья Александровна – кандидат экономических наук; Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, Екатеринбург, ул. Московская, 29); ma_natalia@mail.ru.

SPATIAL MODEL OF THE INFRASTRUCTURE FRAMEWORK OF A LARGE INDUSTRIAL CITY (ON THE EXAMPLE OF EKATERINBURG)

N.A. Matushkina^{12a}

^aInstitute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

ABSTRACT:

The article deals with the issues of strategic planning of spatial development of the city from the point of view of its functioning as an interregional trade and transport center of international significance. The need to form an appropriate infrastructure transport and logistics framework of the city is due to the need to implement a single vector of spatial development of two closely related sectors of economic activity – trade and the transport and logistics complex. There are gaps in the existing regulatory documents at all levels that define the prospects for the development of the transport and logistics sector, trade and spatial development of the Sverdlovsk region and Ekaterinburg in terms of consistency in the development of these sectors.

The analysis of the trends development is based on the official and departmental statistics revealed the prerequisites that allow us to talk about the prospects for the Ekaterinburg development as an interregional trade and transport center and attracting additional cargo flows to the region. The lack of alternatives on the territory of the country, the specifics of a large industrial city, which is the center of the region, which forms and consumes a significant cargo flow, an advantageous geostrategic position, and other factors determine the uniqueness of such a project. At the same time, the presence of a number of infrastructure constraints and irrational spatial organization are constraining factors for further development. Taking into account the priorities of spatial development outlined in Federal and regional documents and aimed at creating strong agglomerations, the functioning of Ekaterinburg as an international trade and a transport center goes beyond the city and covers adjacent territories.

The article offers a conceptual spatial model of the infrastructure transport and logistics framework for the formation of the trade and transport center of Ekaterinburg. The transport and logistics framework combines two infrastructure contours: 1) intra-city, organized on the basis of modernized existing infrastructure; 2) external, representing a ring of 4 major logistics hubs that cover the needs of Ekaterinburg, Sverdlovsk region and neighboring regions in logistics services. Further work will focus on the detailed development of measures aimed at creating a balanced transport and logistics infrastructure and services, developing wholesale trade and increasing cargo flows, as well as evaluating the results of their implementation, taking into account possible competition from existing and promising large transport and logistics facilities in other regions.

FUNDING: The article was prepared in accordance with the research plan of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

KEYWORDS: transport and logistics sector, wholesale, a big city, cargo flows spatial development, infrastructure framework.

FOR CITATION: Matushkina N.A. (2020). Spatial model of the infrastructure framework of a large industrial city (on the example of Ekaterinburg), *Management Issues*, no. 6, pp. 156–168.

REFERENCES

1. Shvalov P.G. (2020). On the development of logistics infrastructure in interregional urban agglomerations. In: *Logistics – the Eurasian bridge*. Proceed-

ings of the XV International Scientific and Practical Conference. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Agrarian University, pp. 211–215.

¹²RSCI AuthorID: 133939

2. Parygin D.S., Aleshkevich A.A., Sadovnikova N.P., Zuev A.Yu., Zelensky I.S., Kharina A.S., Sivashova E.S. (2020). Assessment of the coherence of the development of the supporting infrastructure of the city based on the analysis of spatial data, *Systems of management, communications and security*, no. 2, pp. 73–100. DOI: 10.24411/2410-9916-2020-10204.
3. Akimova V.V., Komarov V.M., Kidyaeva V.M. (2020). Spatial development of the Kursk region for the purpose of effective public administration, *Public administration. Electronic bulletin*, no. 81, pp. 5–23.
4. Novoselov A.S., Marshalova A.S. (2017). Regional policy as a basis for strategic management of spatial development, *Interexpo Geo-Siberia*, vol. 3, no. 2, pp. 52–56.
5. Estensoro M., Larrea M. (2016). Overcoming Policy Making Problems in Smart Specialization Strategies: Engaging Subregional Governments, *European Planning Studies*, vol. 24, no. 7, pp. 1319–1335. DOI: 10.1080/09654313.2016.1174670.
6. Camagni R., Capello R. (2013). Regional Innovation Patterns and the EU Regional Policy Reform: Toward Smart Innovation Policies, *Growth and Change*, vol. 44, no. 2, pp. 355–389.
7. Zubarevich N.V. (2009). Regional development and regional policy for a decade of economic growth, *Journal of a new economic association*, no. 1-2, pp. 161–174.
8. Kasatkina S.S. (2018). Modern industrial city of Russia: trends in spatial development. In: *Cherepovets Scientific Readings*. Proceedings of the Russian Scientific and Practical Conference (in 4 parts). Cherepovets, Cherepovets State University, pp. 59–60.
9. Tokunova G.F. (2016). Transport infrastructure as a factor in the spatial development of agglomerations, *Transport of the Russian Federation*, no. 6 (67), pp. 43–45.
10. Petrov N.V. (1988). Urban agglomerations: composition, approaches to delimitation. In: *Problems of the territorial organization of space and settlement in urbanized areas*. Sverdlovsk, pp. 6–25.
11. Dubrovin P.I. (1959). Agglomeration of cities (genesis, economics, morphology), *Questions of geography*, no. 45, pp. 23–36.
12. Hoover E.M. (1948). *Location of Economic Activities*. N.Y., McGraw-Hill, 336 p.
13. Kosinskiy P.D., Merkuriev V.D., Medvedev A.V. (2013). Economic substantiation of the formation of agglomerations of municipalities, *Economics and Management*, no. 8 (94), pp. 11–15.
14. Musinova N.N. (2020). On the question of organizing the management of spatial development of urban agglomerations, *Municipal Academy*, no. 2, pp. 150–154.
15. Musinova N.N., Popadyuk N.K. (2018). Organization of urban agglomeration management: search for solutions, *University Bulletin*, no. 7, pp. 12–15.
16. Tyunen I.G. (1926). *Isolated State*. Moscow, Economic life, 326 p.
17. Zubarevich N.V. (2007). Agglomeration effect or administrative waste, *Russian expert review*, no. 4-5 (22), pp. 11–13.
18. Spiridonov V.Yu. (2011). Urban Development Strategy of the Ural Federal District, *Academic Bulletin URALNIIPROEKT RAASN*, no. 3, pp. 8–13.
19. Antipin I.A. (2010). Megapolis: formation and development in the old industrial region, *Up-ravlenets*, no. 5-6, pp. 24–32.
20. Ragonez T., Alves G.C., Blanco-Gonzalez A. (2017). Strategic Management of City Brands and Its Influence in Smart Cities. Sustainable Smart Cities, *Innovation, Technology, and Knowledge Management*, pp. 79–88.
21. Andersson M. (2015). Unpacking Metropolitan Governance for Sustainable Development. Bonn and schborn, Germany, Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ). GmbH. 78 p.
22. Meijer A.J., Gil-Garcia J.R., Rodriguez Bolivar M.P. (2016). Smart city research: contextual conditions, governance models, and public value assessment, *Social Science Computer Review*, vol. 34, no. 6, pp. 647–656.
23. Laffach A.M. (2019). The development of agglomerations as a principle of territorial management (on the example of the Moscow region), *Bulletin of the Financial University. Series "Humanities"*, vol. 9, no. 3 (39), pp. 106–109.
24. Lösch A. (1955). The Economics of Location, *American Journal of Agricultural Economics*, vol. 37, no. 2, pp. 376–377.
25. Kim O.L., Fedoseeva I.V., Yudenko M.N. (eds.) (2018). Improving the system of state management of the spatial development of St. Petersburg within the framework of the transition to the integrated development of the city's territories, taking into account the intersectoral balance of resources of the systems of communal infrastructure and energy in St. Petersburg. St. Petersburg, Publishing house of SPbGEU, 100 p.

26. Vladimirov D., Kashpurova O., Prokofieva T. (2013). Development of logistics infrastructure in the transport complex of Russia – a strategic direction for the implementation of the country's transit potential in the system of Eurasian ITC, *Logistics*, no. 1 (74), pp. 40–44.

27. Lavrikova Yu.G., Kotlyarova S.N., Suvorova A.V., Ignatieva E.D., Mariev O.S., Matushkina N.A., Averina L.M., Li V.A., Serkova A.E. (2018). Strategic spatial development and infrastructure

development of territories. Ekaterinburg, IE UB RAS, 178 p.

28. Lavrikova Yu.G., Esaulov P.M., Averina L.M., Gimaev E.R., Kotlyarova S.N., Matushkina N.A., Petrov M.B., Suvorova A.V. (2017). Realization of the region's export potential based on the formation of a transport and logistics cluster. Ekaterinburg, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 170 p.

AUTHORS' INFORMATION:

Natalia A. Matushkina – Ph.D. of Economic Sciences; Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Ekaterinburg, 620014, Russia); ma_natalia@mail.ru.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Статьи принимаются постоянно в течение года и включаются в план печати по порядку поступления материалов. Автор представляет статью в электронном варианте на электронную почту редакции management-ui@gaopera.ru. Другие варианты предоставления статей не предусматриваются.

Требования к структуре статьи

- постановка проблемы в общем виде и ее связь с важными научными или практическими заданиями;
- анализ последних исследований и публикаций, где заложены основы решения данной проблемы, на которые опирается автор;
- выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, которым посвящается данная статья;
- формулировка целей статьи (постановка задания);
- изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;
- выводы из данного исследования и перспективы дальнейшего развития в этом направлении.

Требования к оформлению статьи

Объем статьи должен составлять не менее 0,75 п.л. (30 тыс. знаков) и не более 1 п.л. (40 тыс. знаков). Тексты рукописей с заимствованием более 15 % и (или) уровнем оригинальности текста менее 70 % не могут быть опубликованы в журнале.

Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию. Объем представляемых иллюстративных материалов не должен превышать формата А4. Страница должна иметь книжную ориентацию.

Цифровые данные оформляются в таблицу. Таблицы не должны быть громоздкими (не более формата А4, книжная ориентация). Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название (на русском и английском языке). Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются за исключением единиц измерения.

Ссылки оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по списку и страниц, на которые ссылается автор (например: [9, с. 36], [18, с. 4]). Список источников должен содержать не менее 25 единиц, из которых не менее 10 должны быть датированы не менее чем 3 годами ранее момента публикации и из которых не менее 3 источников должны индексироваться международными базами цитирования (Web of Science или Scopus). Допускается не более 10 % самоцитирования.

Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Библиографический список может включать в себя следующие типы источников: монография, статья в рецензируемом научном журнале, диссертация или автореферат к ней, статья в сборнике материалов (трудов) научно-практической конференции. Иные источники должны оформляться в виде постраничных сносок либо, по мере возможности и удобочитаемости, упоминаться непосредственно в тексте.

Помимо текста статьи автором представляются **на русском и английском языках:**

а) аннотация с обязательным указанием названия статьи

Рекомендуемый порядок изложения информации:

1) постановка проблемы – формулировка научной проблемы, в настоящий момент не полностью решенной в теоретическом или практическом аспекте, по которой имеются несоответствия между теоретическими предпосылками и реальностью и пр.;

2) конкретная научная задача, позволяющая решить научную проблему;

3) методологическая база – изложение концептуально-теоретических основ исследования;

4) используемые материалы (информационная база), методы исследования; данная часть должна содержать подробное описание используемого инструментария, с помощью которого решается научная проблема, а также эмпирические результаты апробации предложенной методики;

5) основные результаты исследования (решение научной проблемы), область их применения; данная часть представляет собой развернутое описание личного вклада автора в исследуемую проблему;

6) выводы, позволяющие дать ответ на поставленную проблему и обозначить дальнейшие направления исследования.

Объем аннотации должен составлять от 200 до 300 слов. Текст аннотации не должен повторять название и текст статьи. Авторская аннотация призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации.

б) ключевые слова и словосочетания

Ключевые слова выражают основное смысловое содержание статьи, служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей в электронных базах, поэтому должны отражать область науки, в рамках которой написана статья, тему, цель и объект исследования.

В качестве ключевых слов могут использоваться как одиночные слова, так и словосочетания в единственном числе и именительном падеже.

Рекомендуемое количество ключевых слов – 6-9, количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

в) пристатейный библиографический список.

г) сведения об авторах в следующей последовательности:

- ФИО (полностью),
- идентификационные номера: AuthorID (РИНЦ), ORCID, ScopusID, ResearcherID (Web of Science) (при наличии),
- место работы (учебы) и занимаемая должность,
- ученая степень, ученое звание,
- почтовый адрес (адрес указывается в последовательности: почтовый индекс, страна, город, улица, дом),
- адрес электронной почты.

д) тематические рубрики: ГРНТИ (<http://grnti.ru/>) и код ВАК (возможно указание 1-2 кодов)

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

***Не принимаются статьи, направленные в редакцию
без выполнения требований настоящих условий публикации.***

Журнал выходит 6 раз в год

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»**

Адрес редакции:

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66
Адрес эл. почты: management-ui@ranepa.ru
<http://journal-management.com/>

При перепечатывании ссылки на «Вопросы управления» обязательна.

Компьютерная вёрстка *Д.И. Трушков*

Журнал зарегистрирован как средство массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

(Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-49260 от 02.04.2012)

Дата выхода в свет _____. Формат 60 × 84 1/8.

Гарнитура Minion. Усл.-печ. л. 19,41. Тираж 999.

Цена свободная.

Отпечатано в РИО Уральского института управления – филиала РАНХиГС.

Адрес: 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66. Заказ № _____.